

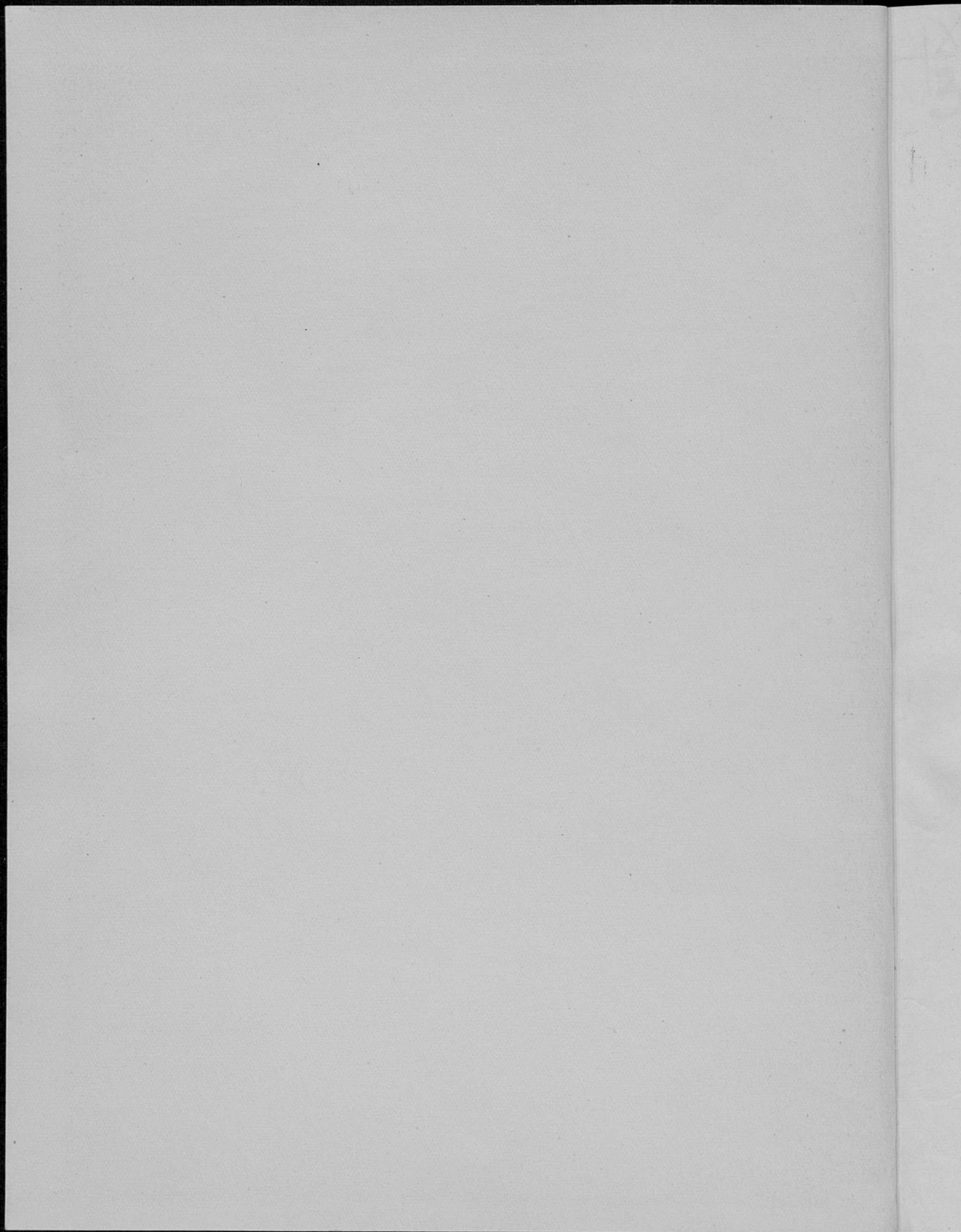
Г. С КРЕБИЦКИЙ

ВОЕТ ОТЫНГНЫ
ПОТРЫТ

УЧПЕДГИЗ • 1951

✓

12-21
3-41

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

DEPARTMENT OF CHEMISTRY

PHYSICAL CHEMISTRY

BY J. H. VAN VLECK

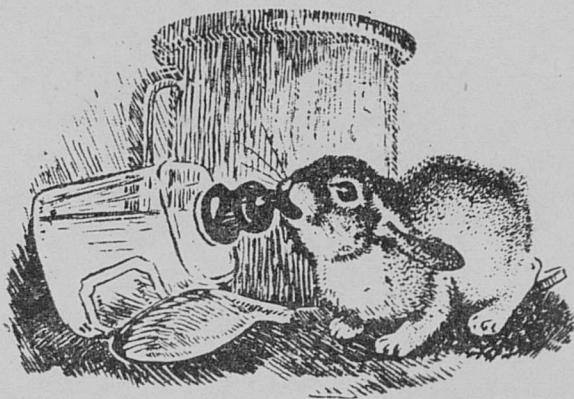
CHICAGO, ILLINOIS

Г. СКРЕБИЦКИЙ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

НА ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК
ПЕРЕВЕЛА Н. Д. МАМАРОВА

РИСУНКИ
В. А. СИННИ И А. С. ЛИНДЕБЕРГА

*Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград · 1951 · Москва*

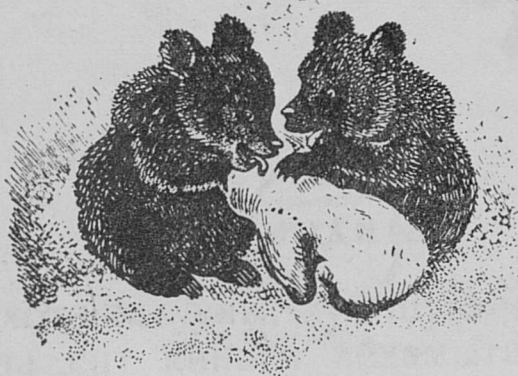
Хант.
3-41

Г. СКРЕБИЦКИЙ

ВОЙ ОТЫНГНЫ ПОТРЫТ

ХАНТЫ ЯСЫНГА
Н. Д. МАМАРОВА ХАНШИС

В. А. СИНАНИ И А. С. ЛИНДЕБЕРГ
РИСУНОКЫТ ХАНШИСАНГЫН

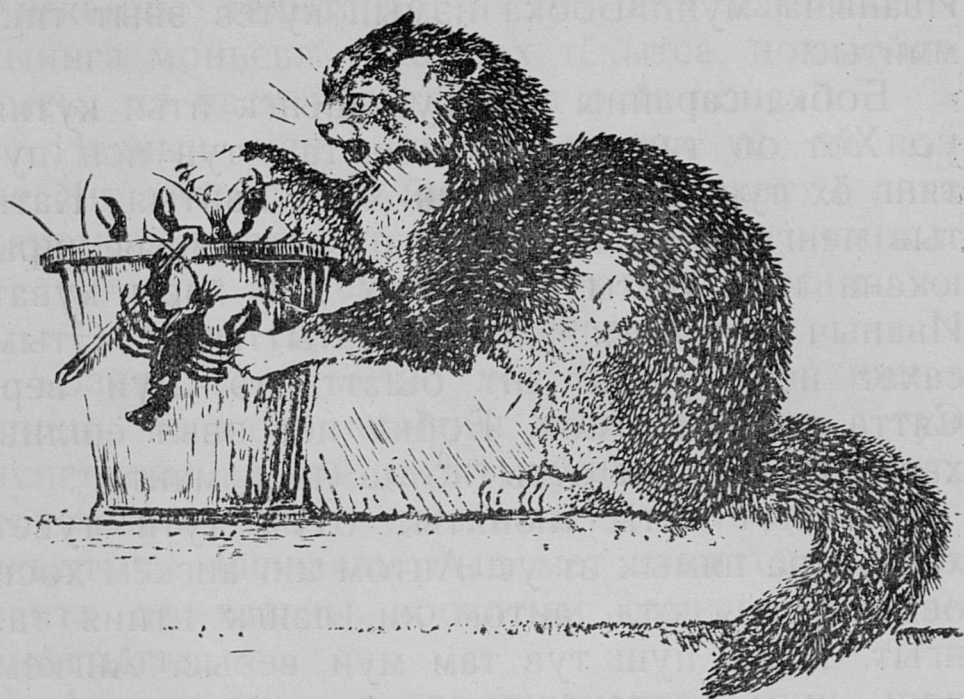

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград · 1951 · Москва

ТНХ
12-8

КАТИ ИВАНЫЧ.

Мунг хотэвны уны, кут шукынг Кати Иванныч ус: па сит киньси нёхамыта тувет шук ус. Татынг хаттытны тув тэс па отыс. Па йитны хошим лота хунгхыт, нётл нохты шашман, нюта сюнγκырмыт па воимтл. Па сятта ёшнгыт курнгыт ара понтыттэ, а сам нох ниньшимтл, па тывыт иты эслыттэ. Сит полта

Иваныча мунг Бобка нэмып кутев эвыт тик-мийтыс.

Бобка сарайны ус. Тув шенгк итья кутия ус. Хот ов туп нох пуншимта—тув иси путянг ёх тукут па Иваныч хоси пайтыя. Кати тыв пенгкны каттымтыттэ па хот харыя хиры юкана иты таттыттэ. Вотих хот хары хуват Иваныч мет енгк ухтыны хатыттытит. Отым сахат иси путянг ант ошаттыттэ, муй вер. Сятта сайкымтл нох, Бобка нёт эвыт ёшлны хатситтэ, па сам отты лотла паси мантл.

Иваныч ситы люпитыс отта, тутн тувет хошим па нямык ат ус. Антом ки, ангкем хоси осым ухтыя отл, антом ки, лангк итпия тангыт. А ий пуш тув там муй верыс. Ангкем нянь шум ветраит рувтыс, па кур тангыта омыстэ, тутн тусашик ат этмыс, а ветра овыт хошим охшамны лангксытэ. Кат сёс кем парыс. Ангкем вантта маныс—яма муй нянь шумыт этымыс.

Вантл, а нянь ветраны, нямык, хошим нянь шум ухтыны, мет перина ухтыны, Иваныч отл. Нянь шум иса талайсытэ па сам тювтысыс. Ситы мунг пирек такты хасьсуб. А Иваныч тэхытсита мосыс.

Ангкем таза луньси йингк шошмыс, катет тох омыстэ, па тэхытсита нармыттытэ.

Ангкемны тѣхытсита, а тув ант кантасъл — сыинга моньсъл. Тув нох тѣхытса, нох мунг-хысы, па паси кур тангыта отта понса.

Иваныч шенгк шукынг катия ус, ай вой па ант каттыс. Па йитны ай вой хотты пета хахрысл, а тув сит отнгытны ант па нумысл.

Ий пуш ангкемны ма кухняя вохтаим:

— Ванта сар, катен муй верл!

Ванттым—Иваныч хот хары хуват нинь-шисыс па хатл мевытны хошмыттыйтл, а тув пунгтэтны ай вой пакыт шушийтл; шенгк аит, хот хары хуват нарыйттыт, нянь сюнγκыт акыттыт. Иванычны тыв мет тавыттаит—тув вантл па хатлны восилтым сэмнгыт ханим-тыйттыттэ.

Ангкем ёшнгыт ара тувемыстэ:

— Там па хоты муй!

А ма лоптым:

— Муй „хоты“? Нанг ия ант утэн? Иванычны ай вой пошхыт тавыттаит. Исипа ай воет ангкины партса нявремтат вантыйтта, мосынг тув янгхтэт мар, мотты вер антат тывыс.

Па итны Иваныч умысь пата ветпыстыта люпитыс. Оократ шупа мунг хотэв шома ампар омсыс, тота ай воет утсыт. Иванычны сит оша верса, па ий пуш тэвмет-яньсьмет ювпины ветпыстыта маныс. Ишни хоси омыстымын,

ротан ванттымын — ократ шупа Иваныч хухытл, а тутлны уны ай вой. Ишния тув торытыс — пайты ангкем комнатая. Хот хар куттыпа омсыс, ай воет эсылсытэ, а сам ангкем пета вантл: „там муйсыр ма вой ветты хо!“

Ангкем хивемыс, па утас ухтыя торытыс, ай вой шкап итпия навырмыс, а Иваныч омсыс-омсыс па кур тангыта отта маныс.

Си вуш эвыт Иваныч эвыт утыпсы антом. Атынга китл, ёшлны веншл тэхытсит, тэт па ампара ветпыса мантл. Ий минута ант па парыт, а тув вуш ай вой тутлны катлман ёх хухытл. Ёх туттэ па эстымтыттэ. Хотэв ай войны тэкимсытэ. Сятта мунг вуш ситы верта питсув: хун тув ветпыса понантл, мунг иси путянг овтув па ишнитув лап лангкыттув. Иваныч ай вой ократны туттиттэ, туттиттэ па эслтыттэ, а тув ёхты ампара хухытмыт. Па йитны ай вой таплайтыттэ па тув питлны ёнтта нармыт: нох ювтыйттыттэ, ёшнгытны каттыйттыттэ, а си ай воит тув етпетны понтыттэ па умысьтыт. Вот ий пуш ситы ёнтыс — ротан хотсясыт кат ворнга. Вана омыснгын па Иваныч лакка тортыттита питсангын. Тын тув эвыттэт ай вой няремыты каш версангын. Тортытьсангын, тортытьсангын, сятта ий ворнганы Иваныч тывыт эвыт каттымса! Тув ухпартоха

тёрымтыс — па ворнга ювпины, а кимит ворн-
нганы ай вой атэмысы — па хонтас! Ситы
Иваныч нюр ёшнгыт кеша хасис.

Иваныч ай вой си куш каттыс, а нэмхунты
тывыт ант тэс. А няры хутые — сит тув сюньтл.
Тунгын ма хут ветпыс эвыт ёх ёхыттым, туп
ветра утас ухтыя омыстэм, а Иваныч вуш сята.
Ветра пунгыта омысл па ёшл ветра тыпия па
тота нялпыштыт. Хутые утас ухтыя ювыттыттэ
па тэттэ. Сит киньси Иваныч аквариум¹ эвыт
хут таттита манмыс.

Ий пуш ма аквариум хот хар ухтыя омсэм,
тутн йингкыт пелытта, а сам кухня йингка
этсым. Ёхытсым, вантым па ант вериттым:
аквариум хоси Иваныч — курнгытны нох тотис,
а ёшл йингка эслсытэ па, мет ветра эвыт, хут
ветпыстыт. Сятта ма хутым хут ант уйтсым.

Си вуш эвыт Иваныч аквариум эвыт еты
ант мантл. Аквариум нумытта лысны лап ла-
нгкта питсэм. Ёремытэм ки, кат-хутым хут
татл. Си вуш эвыт мунг ант утэв, муь верта.

Па хоты Иваныч сам шенгк сора нох во-
тыис. Вер ситы ус.

Ий пуш ма ёхан эвыт хут патся ветраны
рак тусым па утас ухтыя омсэм. Иваныч иси

¹ *Аквариум* — хут тайты кеван хошап.

путянг хухытмыс — пайты ёшлны ветра тыпия. Па ротан хоты ким няремытэ! Вантув — ёшла рак клешняйнгытны каттыс, а ий рак ювпины — кимит от, а кимит от ювпины — хутмит... Иса кати ёш ювпины ветра эвыт татыстыт, туштат нёхаттытыт, клешняйтатны тёсэмытыт. Сята Иваныч сэмнгыт ара татыс, паттамыс па пуниратыс: „Си па муйсыр хут?“

Тув ёшлны реведемыс, рактат хот харыя керийсыт, а Иваныч тывыт нох хансиратман ишни эвыт ин па хонтамыс. Сит ювпины нэмхунты ветра хоси ант па ёхтыйтыс, па аквариума кетымта вотыис. Ситы си пакныс!

Хут тохытпи мунг хотэвны ар вой-хут ус: тохтынг воет, морской свинкаит, йинтпынг вой, шовыр пошхыт... Па Иваныч тывет нэмхунты ант кетмыс. Тув шенгк ям катия ус па иса воет питны яма ус. Туп отынгны Иваныч йинтпынг вой питны утта ант мошитыс.

Ма там йинтпынг вой унт эвыт тусэм па комната хот харыя эслсэм. Йинтпынг войлэ отынгны похыла сюнгкыратман отыс, сятта тунгматыс па комната хуват хухыттита питыс. Иваныч йинтпынг воя шенгк умысьтыс. Тухыс иты тув хосета шушемыс па эпсыйта вутсийтсытэ. Па, мосынг, йинтпынг войны Иваныч ям вер оша ант верса — тув йинтыптат ара

шохыраттэ, нох торытыс па Иваныч шенгк кашия нётл эвыт пухытмыстэ.

Сит ювины Иваныч йинтпынг вой мохыт-тыйтта питсытэ. Па туп том вой шкап итпи эвыт ким этл, Иваныч тэрмат утас ухтыя муй па ишния нох торытл па нэмхотась хот харыя вохытта ант кашасис.

Па си ий пуш обед ювины ангкем Иваныч аныя эсым йингк шошмыс па хот харыя омыссытэ. Иваныч аны хоси тюпхашик омсыс па тэта нармыс.

Ротан вантымын—шкап итпи эвыт йинтпынг вой этыс. Ким этыс, эпсаньсьман пайтыя аны хоси понантыс. Ванамыс па тэта нармыс. А Иваныч хонтата ант па нумысл—тангха, самыт вохымса, йинтпынг вой пета ёврая вантл, сам эсым йингк яньсьл. Ситы китнтак иса эсым йингк яньссетн.

Си вуш эвыт ангкемны тын ий аны эвыт тапытсайнгын. Па тын туса унтлсангын! Туп ангкемны хоит аныны савлымта, а тын вуш хухыттынгын. Яха омыстынгын па тэтнгын. Йинтпынг вой нётл еты таттыттэ, йинтыплат понтыттэ, па симись ям. Иваныч шангкап тув эвыттэт патта ант питыс. Тэта-яньсьта вотыйтынгын—йинтпынг вой нётл иса эсым йингкны, па Иванычны тув нох нётыйта.

Ситы си тухсамсангын.

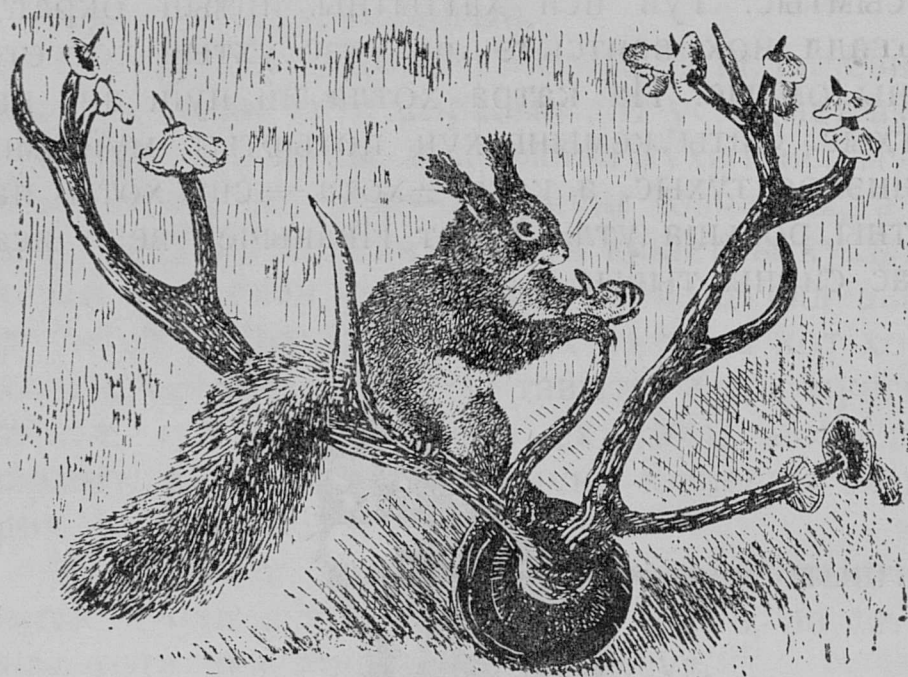
Иваныч мунг шенгк моcсэв. Мунг сиревны, тув номсытны кати хорасып ант ус, а мет амп. Тув мунг ювпевны амп юкана хухыттис: мунг огорода ки мантув—тув мунг ювпевны, ангкем магазина ки мантл—тув ювпетны хухытл. А хун етн ёхан эвыт па муй вош сад эвыт ёх йитув—Иваныч вуш утас ухтыны хот хоси омысл, метмотты мунгыт тавытл. Хоты мунгыт касятл, иси путянг вана ёхтымтл, моньсьта нармыт, кура нотысл па мунг ювпевны сорашик ёх хухытл.

Мунг хотэв, хота мунг утсув, вош отынгны омсыс. Мунг сята моттыкем от утсув, па сятта янас хота иси вош хулыя каслсув.

Янас хота каслмевны мунг шенгк патсув, хоты Иваныч йитып шошины утта ант питл па катра шошета хухыттита питл. Мунг паттапев нюра-вара ус. Шоп, Иваныч, ант уты хота тикымман, тыве-тохе ий комната эвыт кимит комнатая янгхта питыс, иса вантыйтыс, эпсаньсис си унта, хун ангкем норыя ант ёхтыс. Ситы тув вуш, итамны, иси путянг оша версытэ, хоты иса ям, отты лота навырмыс па отыс. А хун кимит комнатаны аны-сунгын савлымтыс, Иваныч иси курымны пасан хоси ёхтымтыс па сыры сирлны ангкем пунгыта

омсымтыс. Тув иси хаттытны йитып ократл
па садл нох вантсытэ, па утас ухтыя хот ет-
пины омсыс. Па катра хотла ий пуш ант па
янгхыс. Ситы кемынг хун потыртыт, муй амп
ханнэхоя тухыс, а кати—хота,—сит хоты па
йитны рохыпа утл. А вот Ивановичев верл иса
янас сирны тывыс.

ТОТМАХ ПОШИХ.

Ий пуш мунг ай тангки пошихны мойтып-
саюв. Тув сора ёш воя питыс, комнатаит
лакка хухыттис, шкапыт тангыта па этажерка
ухтыя навырмыт, па нэмхунты нэмотты иты
ант павытл, па нэмотты ант шукатл.

Асем кабинетны диван нумпины уны вуты
онгытнгын сэнгкман уснгын. Тангки сята итта

люпитыс: онгыт ухтыя итымыт, мет юх нув ухтыны омысл.

Мунгыт, нявремыт, тув шенгк яма устэ. Туп комнатая тангемытн, а тангки хотсясыт шкап тангыт эвыт тангкыр ухтыя эстымтл. Там тув сакар муй па мав вохыт. Тув шенгк эптынг от люпитыс.

Мавтув па сакартув столовойны буфетны усыт. Тыв нэмхунты лап ант тухрыйтсаит, мунг, нявремыт, уляя вута вер нэмхунты ант тайсув.

Па вот иймоттэнгны мунг ангкевны столовая вохыйсаюв, па нюры сакар тыпет шашл: — Хойтэтны татта конфетаит вусыит?

Мунг нют-ёт хусты-сыйты ангкырмысув па ант уттув, хойтэт там вер верыс. Ангкев ухыт ревемийтыс па нэмотты мунгев ант лопыс. А кимит хатл сакар буфет эвыт сомытыс — па паси нэмхоят нэмотты ант лопыс, хой вус. Сята вуш асев кантымса па лопыс, хоты интам иса лап тухырта питтыттэ, а мунгев тапыт мар мавынг от иса ант мат.

Тангкев па мунг питэвны мавынг от такты хасис. Тангкыра торытл, нётлны пухтыма нотысл, пенгктатны пат эвыт няремыттэ, сакар вохыт. А хотсясыт тувыт вута? Конфета па сакар ант хасис.

Ий пуш ма обед ювпины столовойны диван ухтыны хусты омыссым па тунгыттым. Ротан ванттым: тангки пасан ухтыя торытыс, пенгктата нянь хурып вус—па хот харыя, а тотта шкап тангыта. Минута этты, ванттым, паси пасан ухтыя хунгхыс, кимит нянь хурып вус,—па паси шкап тангыта.

„Пака сар,—нумыстым,—хотта тув няньтат иса таттиттэ?“ Ма утас омыссым па шкап тангыта ангкырмысым. Ванттым—ангкем катра мил отл. Ма тувыт нох атэмысэм—си па муй пись! Тув итпетны муй антом: ин сакар, ин конфетаит, ин нянь, ин арсыр тув-сом...

Ма—пайтыя асем хоси ёхытсым па памтытэм: „Там хой мунг тотмахев!“

А асем няххытыс па лопыт:

—Хоты па муя ма сыры оша ант версэм! Там мунг тангкев таты кеша сопас верыт. Интам сус, унтны тангкет иса тэтот акыттыт, па хоты мунг тангкев па ёх ант хасъл.

Си вуш эвыт мунг эвыттув мавынг от тухрыйтта ант питса, туп буфета курык верса, тутн тангки тох антат путлыс.

Па тангки тамины ант па роммыс, иса сопас таты кеша верыс. Нянь хурпие, нохыр сэм муй па тув уитл,—интам атэмыттэ, хухытмыт па хотты ханемыттэ.

1-
м.
с,
я,
м,
п
Т
п
а
й
н
-
Па мунг иймоттырны толыхсыя унта янгх-
сув. Туимман туп етн ёхытсув, тэсув-яньсьсув
па сорашик иты отсув. А толыхсы кукрев
ишни хопа омысман хийсэв: тота йиты, то-
лыхсэт атынга унта антат шактыт.

Атынга нох китсув—кукрев иса тат. Хотта
толыхсэт сомытсыт? Ротан асем кабинетл эвыт
хивемыс, па мунгыт вохтыттэ. Тув хосета ёх-
тымсув, ванттув—вуты онгытнгын китнта то-
лыхсыны тэт ихытсайнгын. Па венш мунгхып
тунгкны, па венш вантты вох сайны, па кар-
тина сайны—кашинг тахины толыхсы. Там
тангки атынга турымны рупитыс: толыхсэт
тув таты кеша сорлтыта ихытсытэ. Тангкет
унтны толыхсы юх нувытны сорлтытыт. Исипа
мунг тангкев па тэрматыс. Тангха, таты хут-
мыс.

Шоп, сора иськия йис. Тангкев хота хо-
шимшик сунг сив си тангта умысьтыс, па
иймоттырны тув иса хотты сомытыс. Каншсэв-
каншсэв тувыт—нэмхота антом. Исипа, сад
мухты унта хонтас. Мунгев тангкиев шатя
хоис.

Кур атта актысув, кур вус лап тухырсэв,
тут юх понсув па атсэв. Ротан кур тыпины
мотты нёхамыта па каремыта питыс! Мунг
кур вус сорашик нох пуншсэв, а тотта тангки,

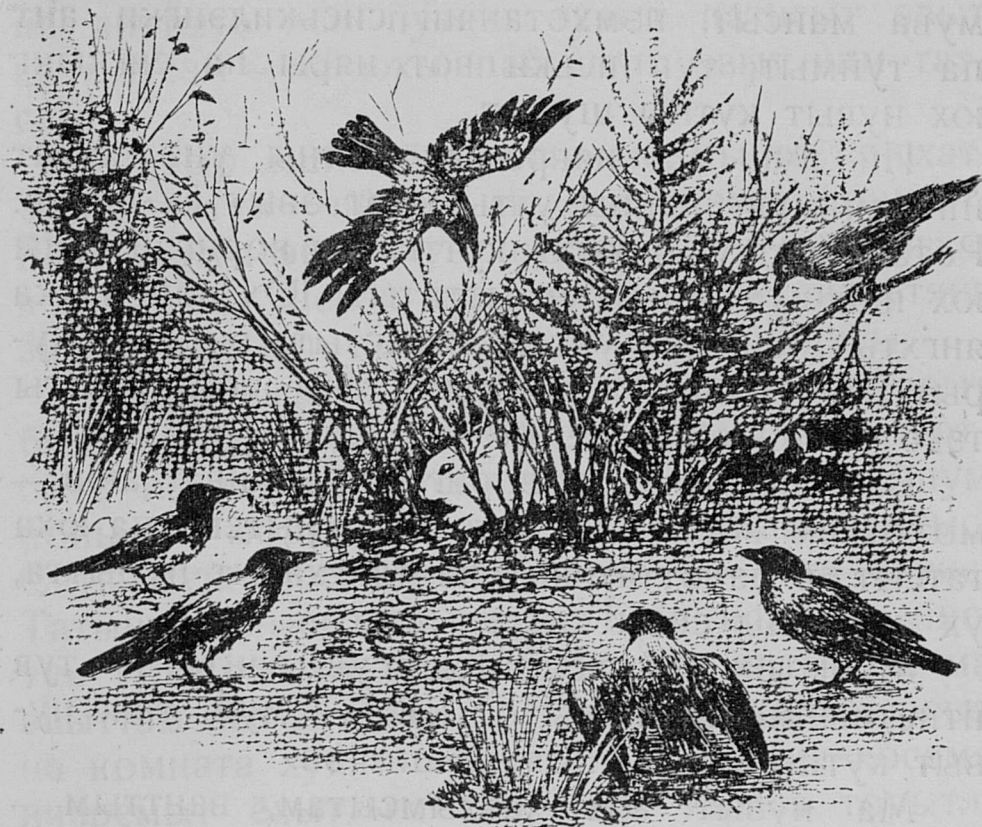
нёт иты, ким тукус — па шкап тангыта пай-
тыя.

А пусынг кур эвыт иса комнатая сэвыит,
турпая ант мантл. Там муй? Йивпохем кут
карты кеты эвыт вунып верыс па тувыт кур
вус мухты кура метшистэ па сясем емынг
хаттытны тайты охшам тотта ким татсытэ.

Там иса тангкевны тыхыт пата турпая тат-
тисыит. Си муй хорасып! Хотны куш утл, а унт
мутрайтат ант ювыттыттэ. Симись, си тангха,
тыв тангки вертат.

пай-
ыит,
кут
кур
ынг
тат-
унт
гха,

НОВЫ ОШНИЕ.

Ий от татэн тоньсь хув ант питыс. Ёханыт па тувыт хувын енгкны лангксаит, а тоньсь иса антом па антом.

Тоньсьты таты унт марема тотис. Унт лыптыт хувын вуш парийсыт, тохтынг воет морты

мува мансыт, нэмхота ий сиськилэнгки ант па туймыт; туп иськи вот няры па енгкынг юх нувыт кутны шухыт.

Ий пуш ма нявремыт питны унт хуват йисым, мунг ванны утты курт эвыт ёх йисув. Ротан ванттув — хары куттыпны ворнгаит уны юх пай нумпины пуртыттитыт. Юх пай лакка янгхтыт, си мув ухтыя омыстыт, си нох пуриттыт. Исипа, нумыстым, тыв тота мотты тэтот уйтсыт.

Ванамысув. Мунг ворнгаитны шиватсаюв — моттыкем ворнга ий пелыка пуритсыт па юха татсыт, а па оттат ант па тангхатыт пуритта, ух нумпины ситы си сэвийтыт.

Мунг юх пай хоси ёхытсув, вантсув — тув итпетны мотты новы от катл, а муй, тюк нувыт кутны ант вантта мошиттэв.

Ма нувыт ара хатхымсытам, ванттым — тоньсь тампи новы шовыр. Тув юх пай итпия тангыс па мува отыс па ант нёхат, отл. Лакка иса хопшат — мув па кериим лыптыт, а тув кутэтны шовыр тоньсь похыл иты отл.

Сютны тув ворнгаит сэма питыс — новы ошние тумтыс, а ханемыта нэмхотта, тоньсь ант па питыс. Сар мунг тувыт аръяттэв тытнга катлта!

Мунг юх пай лакка вусэв па шовыр хоси

шушмысуб. Ма ёшем нувыт кута лукемысэм па айттыте иси путянг тувыт патнгыт эвыт каттымсэм—па юхы пай итпи эвыт ким татсэм!

Шовыр ёшны ёвырмыт, менмыста тангхат. Туп ванттув—ий ёш пелкыт шенгк лоньсят. Ёшл матмысэв, а тув шукатман. Тув, тангха, ворнгаитны шенгк мушмытта. Мунг си путянг ант ки ёхтымтсуб, тув тутн иса маншиты.

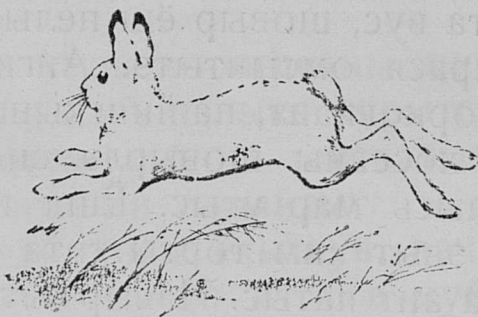
Ма шовыр ёх тусэм. Асем аптечка эвыт бинт па вата вус, шовыр ёш пелык лап ёвыртсытэ па тарася омсыптытэ. Ангкем тох пум поныс па морковкаит, па йингкынг аны омсыс. Ситы мунг хосевны шовырлэ си утта хасис. Татынг тылысь мар утыс. Ёшл иса яма йис, тув тарась эвыт ким тортыттита питыс па ма эвыттэм иса ант патыс. Навырмыт тарась эвыт па комната хуват хухыттит, а хун ма хосема нявремыт ёхыттыт, тув паси тарася торытл.

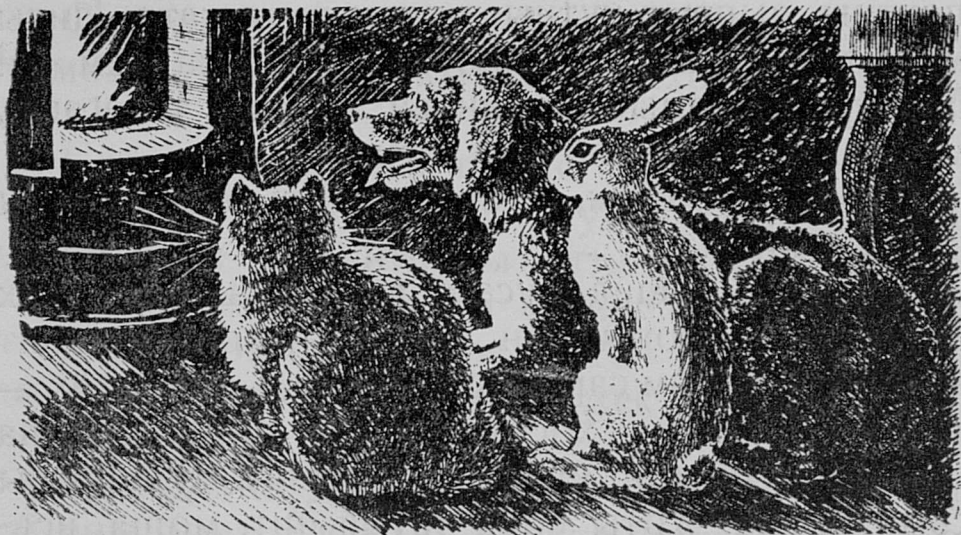
Тув мунг хосевны утмет мар шовыр ошние тампи нямык новы тоньсь питыс. Симись тоньсьны шовыра ханемыта ям. Тувыт сора тоньсьны ант шиваттэн. Ма нявремыт питны шовырлэ эслта номыс версым.

Мунг шовыр воньсипа омсэв па ким тусэв. Тэвын атынга ус, матхатл ювын ар тоньсь питыс. Лакка иса янаса йис. Унт новы пунынг

ошнины лангкса. Тота нова, сыстама па мет-
мотты тюпхашик, сит киньси хошма йис.

Мунг унт хара этсув, воньсьлев пуншсэв
па шоврев эслсэв. Тув иси путянг омсыс—
оша верта ант мошитл, хота там тув. Па сятта
хоты хухытмыс, иси путянг тоньсинг юхыт
кутны сомытыс. Там хун тувет новы ошниет
мустыс!

УШАН.

Ма шенгк айны ветпыстыта питсым. Хун манэм катхосьянг ота йис, асемны пушканны мойтысыим па ветпыстыта вуинтыта питсытэ.

Ий пуш сусн мин ветпыс эвыт ёх йисмын. Ма телега эвыт иты вохытсым па телега пунгытны шушмысым, тутн курнгытам тунгматта. Мин унт мухты мансамын. Пант восты лыпытны иса лап лангкса. Пант ухтыны си арат лыпыт ус, туп кур итпины мошийсыт. Ма сиҥы курнгытамны лыптыт еты ёвытман па курнгытам итпия вантман шушсым. Ротан ванттым —

пантны, лыптыт кутны, мотты пита катл. Йиты менытым, ванттым—шовырлэ, па си кем ай! Ма туп хивемысым: иньси маным телеганы, муй омат шовырлэ ант тапылта?

— Я,—лоптым,—тангха, шовырлэ, нанг си кем си оинг!

Ма тувыт ёша вусэм, а тув ёшпатны нох пуниратыс, торыйман омысл—хонтата ант нумысл. „Вутэм сар,—нумыстым,—тувыт ёх—мосынг, тув ма хосемны утта питл, аты па нюр-вар сорыма йит—вуш шенгк туп артны сэма питыс. Хоты сора татыя йит, моша, иськины певымта, муй па вохсарны ёх тэты“.

Ма ветпыса туттиты сумкаема лыпыт тэрмыттысым, шовырлэ тох омсыптэм па ёх тусэм. Етн ангкемны аныя эсым йингкны понса па шоврыея мастэ. Туп тув яньсьта ант питыс—хотна ай, тэта ант хошл. Сиртны мунг кеван эвыт тувет эсым версув. Эсым йингкны понсэв па шоврыея масэв. Тув эсмыт нох эпсыйсытэ, туштат тыве-тохе туттийтсытэ. Ангкем эсым эвыт эсым йингк сэм ким тапылмыс па шовырлэ нёта тювемыстэ. Тув нётэмыс па тутл нох пуншсытэ, сиртны мунг тув тутла эсым метшисув. Шовырлэ нятмытны лыпсята питыс, шепта нармыс па ситы эсым йингкып кеваные иса шепсытэ.

Ситы шовырлэ мунг хосевны утта питыс. Комнатаит хуват хухыттит, нэмхойт эвыт ант патл.

Ситы ий тылысь парыс, кимит, хутмит... Мунг шоврев уна йис, мунг тувыт Ушан¹ нэмны масэв. Тув кур итпины утта питыс. Мотты эвыт паттамыт ки — иси путянг тох тукыт.

Ушан тохытпи, катра тухсэв Ивановч катев па вой ветпыса туттиты Джек нэмып ампев уснгын.

Ивановч па Джек шенгк ям тухыснгын. Яха ий аны эвыт тэснгын па сит киньси яха отсангын. Джек пата хот харны намыт тэрмыт-тыман ус. Татэн, хун хот поттийтса, Ивановч Джек хоси ёхытл, тув хосета намыт ухтыя тэсятыйтл па нюта сюнгкырмыт.

Джек иси путянг нётл Ивановч хона метшиттэ па ухыт хошмыттыттэ, а сам хошма-хошма тыт татл ситы, туп Ивановча умысь.

Отынгны, хотэва шовыр тувмевны, Ивановч тув петангыт ант па вантыс, а Джек еша тыкасис, но сора унтлтыс; сятта тыв иса тухсамтыйтсыт.

Шенгк яма етн уттийтыс, хун кур нох атта. Тыв иси путянг кур хоси — хошмыйтта. Яха

¹ Ушан — уны патынг.

ий пунгыта оттыт па мангынтыт. Хотна пат-лам, туп вурты тут нятмыт стенаны йиплат-тыт, а тув ювпетны питы йиплыт хухыттыт. Сит эвыт комнатаны метмотты муь кашинг иса нёхатл: пасаныт муит, утасыт—мет нох тытнгатсыт. Курны юхыт кашинга тутны тэ-тыит, па ротан картинг сый кутны сорненг тут лавым ким ракныт. Сята ин тухсыт кур хонинг эвыт ара-пара хухытмытыт. Торыттыт па нют-ёт ванттыт, метмотты иньсисыйттыт: „Си па муь пись?“ Па сятта айнайны ром-мытыт—па паси кур хонинга.

Антом ки ёнтта нарымтыт. Вер тамиты уттис ин тухсыт мангынман оттыт, ротан Ива-нычны Ушан ёшны айтта хатьсита! Ий пуш ханымтыттэ, кимитта... Шовыр отл-отл, па хотсат нох навырмыт—ин па, а Иваныч тув ювпетны, Джек—Иваныч ювпины, па ситы хот хуват си хухыттитыт. А хун шовыр маремыта, тув иси путянг кур итпия, па ёнтты вер парыт.

Ушан кашинг пуш оттэт етпины пантат ёвырсыттэ. Шовыр уляя уттэтны ийвотап си-ты верынтыс: арсыр пелыка хухытта нармыс—ий антом ямса пелыка хухытмыт, ий-антом пува пелыка. Тоньсь ухтыя ангкырмыттын ки, исипа оша ант вертэн, хотта шовыр маныс.

пат-
пат-
гыт.
инг
нох
тэ-
енг
кур
гыт
ыт:
ом-
иты
ва-
уш
па
губ
иты
ыр
ты
гат
си-
—
ом
ки,
ис.

Си пантыт „Шовыр пант“ нэмны вохтаит. Вой ветпыстыты хо ампыт шовыр панта китикмыт—оша вертэт унта тыве-тохе янгх-тэт мар шовырны хувын вуш хутмысы па хонтас.

Вот и мунг Ушанэв кашинг хатл, кур ит-пия тангтэт етпины, пантат ёвыртта тарынтыс. Уттийтыс ситы шовыр хот хуват тыве-тохе навыртл, шовыр пант верыт. А сята намыт ухтыны Джек мангынман отл па ий сэм пелыкны тув петангыт вантыйтл па метмотты отшам шовыр пета няхыт.

Ситы Ушан мунг хосевны татынг тат мар ус. Товия йис, па симись кашинг мелык то-ви... Ёхты ангкырмыта ант па алэмысуб, вуш ванши-пум катымсыс. Сиртны мунг Ушан ун-та эслта сонтымысуб.

Ма тувыт корзиная омсыттэм па Джекем питны унта мансым,—нумыстым,—тувы тух-сыт панта киттыттэ. Иваныч па вутсийтсэм корзиная омсыттыта, но вуш шенгк туты верл тавырт; катем ситы ёх хийсэм.

Ушанэм па Джекем питны унта ёхытсуб. Ушанэм корзинаем эвыт ким татсэм па ван-ши харыя эслсэм. А тув ант уттэ, муй еты пета верта, ант хонтат, туп патнгыт нёхаттыт. Сята ма ёш патнгытам вортимсытам. Ушан

восымтыйтыс, па хаши пай пета хухытмыс. Джекны касятса — па тув ювпетны.

А Ушан унта иса ант хонтат, хаши пай лакка навыртынгын, а Джек тув ювпетны мет ётн хухыттит.

„Вот, — нумыстым, — хотна касты вер киньси хаши пай кутны каста ям“.

Ма милэм шовыр пета ёвытмысэм па хивемысым:

— Я, ёвра сэм, унта хонтама! Муй тата карийтын?

Ушан пакныс па унта хухытмыс, Джек тув ювпетны.

Ма еша тавтыссым — Джек ёх ант керитл. Ротан унтны хуттым шовыр ненгхрат, ий пуш кат пуш па паси... Ма си сый пета хухытмысым, ёхытсым, вантым — Ушан Джек пенгкытны.

Ма увытсым:

— Воське! Муй нанг вертын? Там хоты мунг Ушанэв!

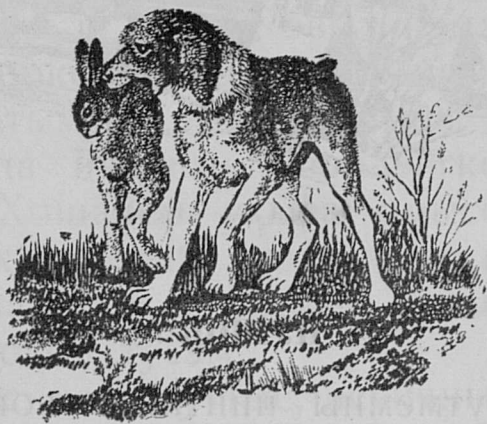
А Джек ма петангем вантл па тывыт ревиит, мет лопта кашасъл: „Ма нангыт войны катлсэм, а нанг ма петангем увтын“.

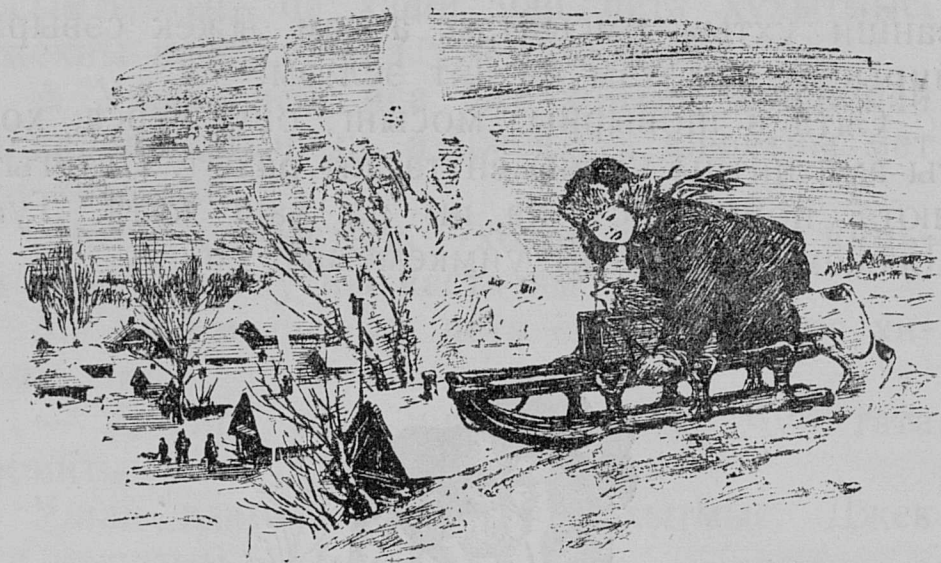
Ушан унтны, тангха, Джекны оша ант верса па унт шовыр иты каттымсытэ.

Ушан Джек эвыт ёх няремысэм, па тувыт

ванши ухтыя омсыптэм, а сам Джек сэвыра
йирысэм, катлтэм па ант эслтэм.

Сята и шовырны, мосынг, оша верса, хо-
ты амп питны унтны ёнтта ант рахыт. Патнгыт
нюта понымтыс—па ин па хаш кута. Туп
Джекемынны тувыт уимкемемын си.

ПУШОК¹.

Ма ая утмемны йинтпынг войлэ тайсым.
Хун нявремытны тув оськийса, сиртны тув
йинтыплат шаншла отыйтсытэ па си кем ням-
ка ювынтыс. Сит пата мунг тувыт „Пушок“
нэмны масэв.

Пушок самыт ки вохса, тув ма ювпемны
амп иты нюхтысыйтыс. Сиртны тув шихтямыс,
ненгхырмыс па тэтот вохман маныт курем
эвыт тухмыйтсыттэ.

¹ Пушок — нюлак.

Тунгын ма Пушок сада панны вуинтсэм. Тув пантыт хуват хухыттис, сопра пошхыт, хомылхаит, савыт каттийтыс па тывыт ёх тэстэ.

Хун татыя йис, ма Пушок панны вуинта нох вотыйсэм, нумысым:

„Муя тувет тоньсьны поремыта, антом па нётл пасьта“.

Ий пуш ма реп ухпат эвыт хаттита актыссым, а камын тухыстам эвыт нэмхойт антом. Вот ма Пушокем панны вуты номыс версым. Хошапие хотымсым, тыпет пумны муйны тэрмыттысэм па йинтпынг войлэнгкем тох омысыттысэм. Хошапем ухыта омыссэм па тувхонинга хухытмысым, хота мунг ийвотап хатыттисув. Ма юрем муйкемны хухытсым, а ухтэмны Пушокем тусэм.

Тэвын ус; хатл хуттыс, иськины патнгытам па нётэм пасийтсаит. Вот иса тэвынмыс ситы, хот турпаит эвыт пусынг ангкыт иты турыма сэвыис. Ма си пусынг пата вантсым па манэм катыс там пусынг хун ус, а мет турым эвыт кут этыр хары шуншет эстыстыт, а итлта тыв хосета мет ёнтты хотыет йирманыт, — па сит си кем осьхося ус.

Мортас унта ма хатыттисым па йинтпынг воип ухтэм ёх тута питсэм.

Тутэм — ротан ма есяттэм нявремыт курта

ветым порвой вантта хухыттыт. Тув вой вет-
ты ёхны тусы. Ма сора тэрмат ухтэм сарая
омыссэм па иситы нявремыт юпины курта
хухытмысым. Тота мунг етн унта усув. Вант-
сув, хотсат порвой сохыт хорса, хотсат со-
хыт юх перная ара вортса.

Пушокем отынгны ма туп кимит хатл но-
мыттысым. Шенгк пакынсым, ант муй хотта
хонтамыс. Иси путянг ма сарая ухтэм хоси
хухытмысым. Вантым—Пушокем нюта сюн-
кыратман отл па ант нёхат. Ма тувыт ревий-
сэм, ма тувыт ханаттэм, тув иса ант нёхамыт.
Ат мар, тангха, тув сех певымса па сорыма йис.

Ма нявремыт хоси хухытмысым па тывет
шукынг потрем потыртсэм. Яха тыштысув, па
нэмотты ант вертын, па сятта Пушокем со-
рыма питым хошапиетны садны тонься лот-
тыта сонтымысув.

Татынг тапыт мар мунг моша Пушокев
отынгны тыштысув. А сятта ма тытынг сычны¹
мойтыпсаим. Тув мунг сараевны катлса. Тув
шенгк отшам ус. Мунг тувыт унтлтыта пит-
сэв па Пушокев отынгны иса ёремысув.

Па там товия йис, па симись мелык, хо-
шим тови. Ий пуш атынга ма сада мансым:

¹ *Сыч*—макла тампи вой.

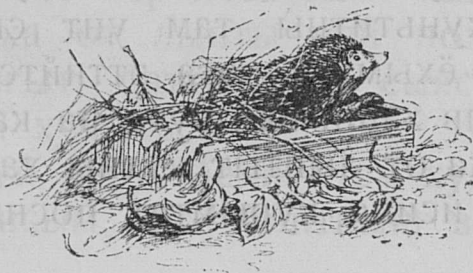
тота товен шенгк ям—сиськет туйтыт, хатл хуттыт, лакка уны йингки лотыт, мет тувыт. Аитта пант хуват пуглтым, тутн калошайнгытам восьлыхны ант амрытсита. Ротан ма ет-пемны маха от лыптыт кутны мотты нёхамыта питыс. Ма нох тотимтсым. Там муй, войлэнгки? Муйсыр вой?

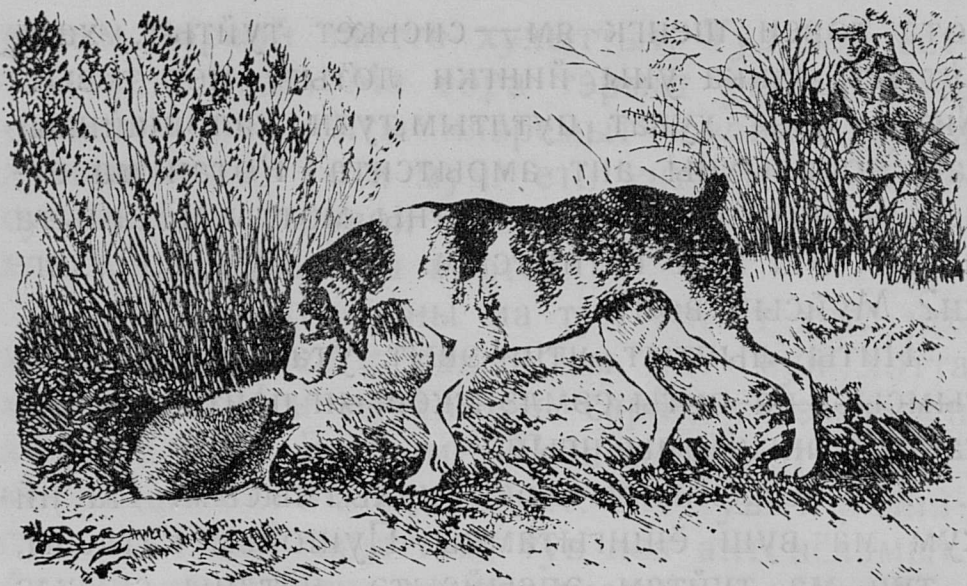
Питы лыптыт итпи-эвыт утанг ухие каттымсыс, па питы сэмлэнгкенгын пайты ма пентангем ангкырмыснгын.

Ма войлэнгкем хоси хухытмысым. Па ий кум ма вуш ёшнгытамны Пушокем катлсэм, а тув ма туйтам эпсыйсытэ, нётлны сухсыс па потым нётыет ма ёшпатэма ноттэ, итампн, тэтот вохыс.

Сята, мув хар ухтыны нох тотым хошапие пумтат муйтатны рантыис.

Си хошапны татынг тат мар Пушок рома отыс. Ма хошапием нох атэмысэм, йинтпынг воем тох омсымтэм па тувыт кашинга ёх тусэм.

ХУН МЕТ РОМЫНГ ВОЙЛЭНГКИ ХИВЕМЫТ.

Ий пуш август тылысь отынгтым артны, атынга, ма Джекем питны ветпыса мансым. Мин утанг уны харемына этсамын, харые отынгны омысмын па тавтыста питсамын, хун нова йит па хун кутыра каншта рахыт.

Атынга хуньтитны там унт сиськурекыт хары отынга ёхымуть тэта эттийтсыт. Миныт хутмыман, тыв хаши пай кута па карысь торн кутны па маха от лыптыт кутны ханятыйтсыт. Но Джекны исипа курымтат посны кусьсаит

П
Т
Н
С
В

Д
П
К
М
Т

С
Т
"
Т
С
О
Т

ту
т
а
й

С
3*

па, томесман, хусты сыйты нох тотимтыйтыс. Тув ант нёхамыман тотис, ант пакман еша торыис па туп ма партыпсэм тавтыс, тутн напытта, па ханемым воет пакымта. Ма парт-сым: „Мана!“ Джек напытл, па тавырт воянг воет ханемым лотыт эвыт пурытсыт.

Ма пушкан эслсым. Вой иты ки кериит, Джек иси курымны тувыт нох атымта хухтыс, па тувыт ёрынга манэм мастэ. Хун ма тунга ки эслтэм, тув манты вой пета хув вантыс, мет лопта кашасис: „Ап-па, йивпохие, атма тяктын!“ Па мин еты шушсамын.

Си атынга, туп мин хаши пай хоси ёхытсамын. Джек нох тотимтыс па хусты питыс — тохтынг вой эпыт хутмыс. Ма партыпсым: „Мана!“ Джек хаши пай хоси хухытмыс, но тотта ий войлэнгки па ант пурытыс, туп мотсыр осьхось сый сымытыс. Сит киньси ма оша ант версэм, там муй вой, муй па тохтынг вой увыт.

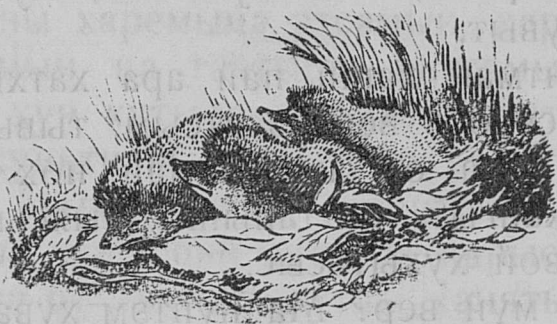
Ма ронтман хаши пай ара хатхымсэм па тувысыр осьхось вер касятсым: тывыт ревийты Джек маха от лыпты пай нох хирсытэ, а тув лаккангыт, паттапынга сыясьман, уны йинтпынг вой хухытьсыс.

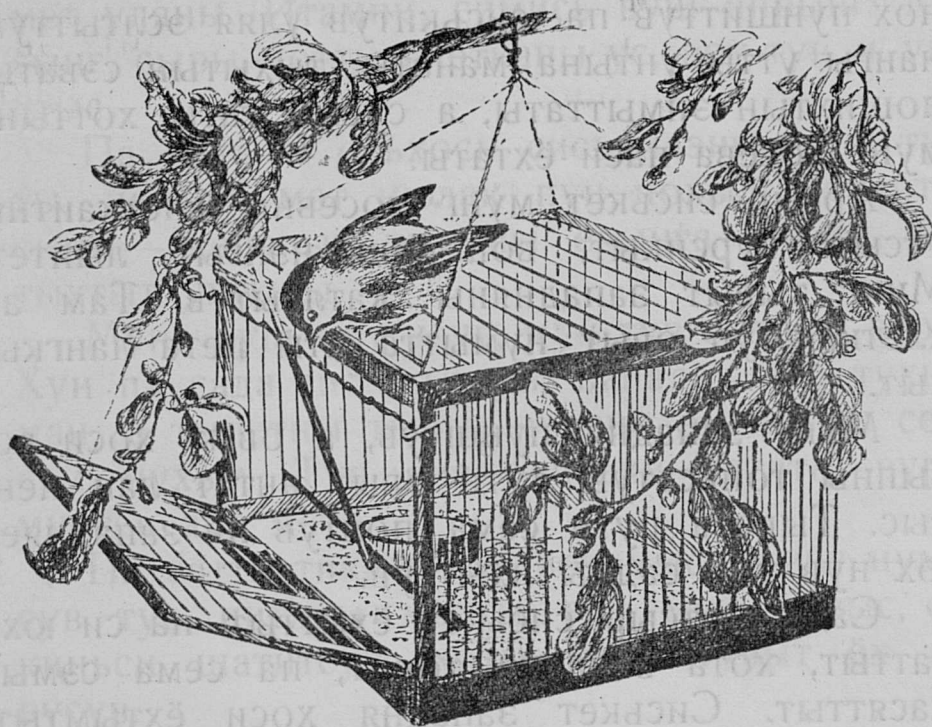
Там па муй вер? Ма нуптэм хуват тамись сый ант хутсисым, тутн йинтпынг вой тамиты

сыясис. Па муй пата тув нюта ант пуни-
ратл, а ампа напытл, тувыт нёт тыит эвыт
тухымта аръятл? Ма иты Джек хоси мақы-
ратсым, па туп сята касятсэм па оша версэм,
муй вер. Ара хирым сорым лыпты пай кутны
хотны ай няры-пулы хутым йинтпынг вой по-
ших нёхамысыт. Там кемын йинтпынг войлэнг-
кет анкетны тавытсаит! Джек йинтпынг вой
пета ёвра сэмны ангкырмыс, сятта ма пета-
нгем, мет маныт иньсисман: „Тув муй пата
ситы сыясъл? Ма хоты тывыт порты номыс
ант тайсым“.

— Вот и ям, ант хансытан ки, — ма тувыт
ишиксэм, — тывыт ханаттыта ант рахыт. Ман-
тымын сар кутыра каншса.

Джек, итамп, оша версытэ. Тув амтынга
тывыт ревийта питыс па хот хухытмыс.

НОМСЫНГ ВУРСИК.

Ма ая утмемны вер ситы утгийтыс: хун суса ювынтыс, мунг тытынг сунгев пата сиськи ветпыстыта нармыттыйтсув. Ар сиськи веттув па клеткаита омсыптыттув.

А товен, хун хатл хошимта питл, хун пантыт хуват шотийман йишет полымтыт, — сиртны мунг клеткаит ким туттув, клетка овыт

нох пуншиттув па сиськитув уляя эслтыттув: нангы утты унтына манаты, тыхытын сэваты, пошихтын энмыттаты, а сусын таты хоттына мунг хосева паси ёхтаты.

Арсыр сиськет мунг хосевны клеткаитны утсыт: вурсикыт, вош-вош нэнгыт, лынтет. Мунг тывыт западняны¹ катлсытув. Там ай клетка, туп овыт нумытта иты пета лангкысыт.

Мунг западня пунштув, а овыт хоси вошыпны тоньсытув, тутн овыт антат лап пентыс. Тыпета путн сема понтув па западняев юх нув тыя садны ихыттув.

Сада мотсыр сиськет ёхыттыт па си юхататтыт, хотя западня тоиит, па сема сэмыт касяттыт. Сиськет западня хоси ёхтымтыт, тыпия тангтыт, тутн сема сэм нухта па воспыта тахрымтыт — ов сиськи ювпины иси путянг лап пентл.

Ий пуш западняева вурсик тикмыс, туп тывты вурсик. Мунг тувыт вусэв па уляя эслсэв. А моттыкем хатл этты тув паси тикмыс. Мунг тувыт паси эслсэв. Ситы тув тапыт мар моттыкем пуш мунг хосевны уттийтыс. Тыпины восыйтл, сема сэм нухыт,

¹ *Западня* — сиськи тытнга катлты хошап.

мет уляны. Итампи, симись вуш апрынг! Мосынг, сыры мотты клетканы ус, вот тув и унтлытыс.

Па симись осьхось сиськилэнгки ус: тывты, нюмра, мет нюлак пун похыл. Уттийтыс ситы — хошапыт тыпины ёрынга омысл, мет тыхтыт ухтыны.

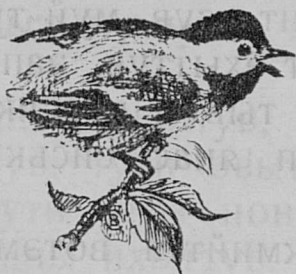
Мунг вуш ант усув, муь тув питлны верта. Хун па сада ант ёхыттув, западня лап тухырман, а тыпетны тывты вурсик омысл па сема сэм нухыт. Туп янас сиськи катлты вурек мунгев ант мат.

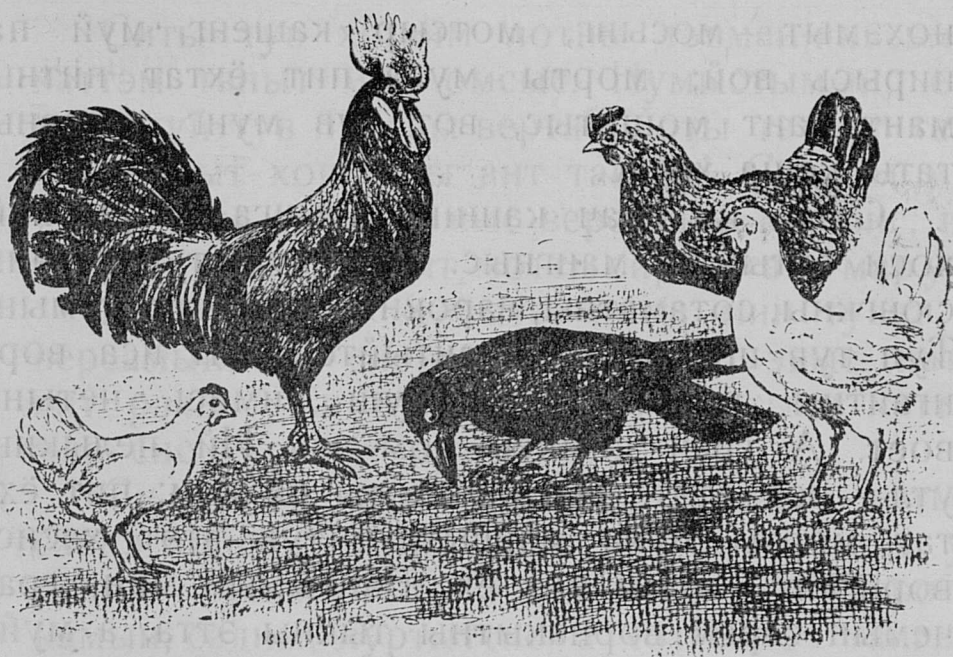
Па сятта тикмийтта вотэмыс. Мунг нумывув тув питлны мотты ант муь тывыс, сит киньси шатитсув, хоты мунг тувыт ёх ант вусув.

Ий пуш мунг атынга сада ёхытсув, ванттув, ин тывты вурсик западня ванпысны ий анта ий нув ухтыя татымтл. Сятта западня лангкыпа омсантыс, сятта лангкып ухты эвыт — западня ова, а сятта пайтыя западня тыпия восымсыс, па ситы апрынга — западня восы ант ханыпсытэ.

Мунг юх итпины тоттюв па ванттув, муь еты пета питл. Вурсик сыта-курта сема сэм нухыс, западня тыпи эвыт ов хоси восымтыс па восэт паси ант ханымсытэ. Западня ов

ухтыны омсыс, нётыет тыстамтыттэ, пунтат
тунгматыс, ин па том маныс. Вот муйсыр
ошинг: кемын, оша версытэ хотысат тувет
западняя тангтыйтта, тутн овыт лап ант ат
ланкантийтс. Ситы си мунг тувыт таты мар
тапсув.

ТУХСАНТЫШСЫ.

Ий пуш татэн мин йивпохемынны ётн омысамын па ишни эвыт ким вантсамын, а камын тымыс ванпысны, ворнгаит па савнэнгыт напыр кутны хирыссыт.

Ротан касятсэмын — тыв хосета моссыр иса питы, уны новы нётып тохтынг вой татымтыс. Си па муй пись: там хоты грач! Хотсыт тув татэн ёхтыс? Ванттымын, грач ворнгаит кутны, намры пай кутны янгхыт па еша

нохэмыт—мосынг, мотсыр кашенг муй па пирысь вой; морты мува пит ёхтат питны манта ант мошитыс, вот тув мунг хосевны таты кеша хасис.

Сятта ин грач кашинг атынга намры пай хоси ёхтыйтта мангныс. Мин вуш тувет нянь сюнгкны, сотаматны, варокны парнгыттытэмын. Туп тув шимытны ёхтантыйтса: сит иса ворнгаитны нетсаит—там вуш симись нетынг воет. А грач симись ром ус. Ий пелькны утл—иса атэт. Па сит хоты па кем: пит ёхтат морты мува мансыт, а тув атэт хасис; ворнгаит—атым пит ёх. Вантымын мин, грачемын сёрем ворнакытны тыкны этта, а муйсирны тувет нётта ант утэмын. Муй сирны тувыт атэт сатя тапытта, тутн ворнгаит антат кетымтсыт?

Кашинг хатл этты грач иса шукынга па шукынга йис. Уттийтыс ситы: ёхытл па тымыса татл, а намры пая ворнгаит хоси иты татта патл—иса вевты йис.

Ий пуш мин атынга турымын ишния ангкырмысмын, а грач ократ хоси отл. Мин хухытмысмын, тувыт ёх тусэмын; тув туп тыт татл. Мин тувыт хошапа кур хоси омсыптысмын, нумытта охшамны лангксэмын па арсыр тэтотны масэмын.

Ситы тув хошим лотны тэвман-яньсьман каттэм тапыт мар омсыс. Нумыстымын, еты пета муй тув питлны верта? Хоты татынг таты мар тувыт хошапны ант тайтэн! Сиртны мин тувыт уляя эслта номыс версамын, мосынг, интам тув така-сара йит, мотты сирны таты мар утл.

А грач оша версытэ, хоты мин тувет ям версамын, си сирны ханнэхоят эвыт патта ант рахыт. Си вуш эвыт тув татынг хаттыт мар сиськурекыт питны ус.

Си артны мунг Сиротка¹ нэмып хотынг савнэ тайсув. Мин тувыт хотны пошиха утметны вусэмын па энмыттысэмын. Сиротка камын, садны, пуртыттис, а хотта хот тангыта ёхтыйтыс. Вот минэмын ошинга йис — ин грачемын Сиротка питны тухсамтыйтыс: хотта тув пуритл — грач тув ювпетны. А ий пушвантымын, Сиротка хот тангыта ёхтымтыс, па грач иситы тув ювпетны ёхтыс. Ситы ёрынга пасан хуват шушийтл, а савнэ, метмотты куся нэ тыве шушмыт, тохе шушмыт, — ситы грач лакка навырмыт.

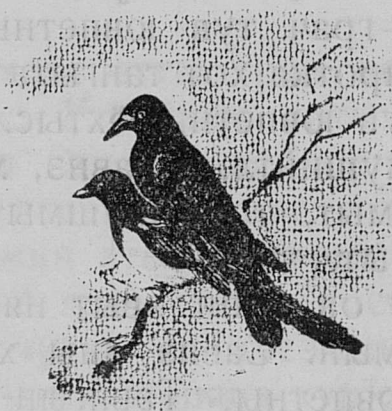
Мин аитта ов итпи эвыт няньны тослтым аны лукемысмын. Савнэ аны хоси пайтыя — а грач тув ювпетны. Тэвнгын-яньсьнгын па

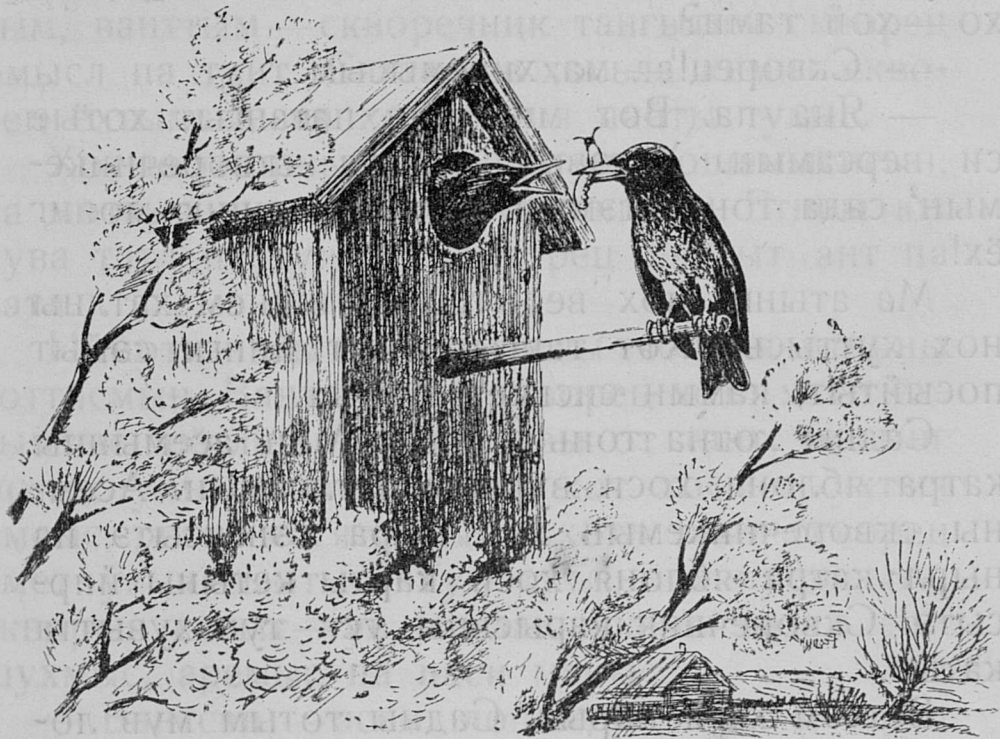
¹ Сиротка — йивты-асты нявремие.

киттак пуритсангын. Ситы тын кашинг хатл хот тангыта тэта-яньсьта питсангын.

...Таты парыс. Морты муv эвйт грачит ёхытсыт, катра сумтынг яныкны варыхтыта нарымсыт. Етнытны катны-катны тыхыттат ванпысны омыстыт па варыхтыт, метмотты тыв вертат отынгны потыртыт. Туп мин грачемын тухыс тувет ант уйтыс, сыры сирлны Сиротка ювпины янгхыс. А етн отнга тын сумыта хот ванпыса таттынгын па ситы ий пунгытны омыстынгын.

Тын петангетн ангкырмытн па аты нумыстын: кемын, тохтынг воет хоси тухсамтыпсы па утгийтл.

ЧИР ЧИРЫЧ.

Етн асем сарай эвыт сохыт тус, ара пилит-
сытэ па ай хотые верыс. Ов па ишни патся
ий стенаитны енгта вусыены версытэ, а хот
тангыт патся оса тосыены сэнгксытэ.

— Етшис, — асем нюхмыс. — Я, интам оша
вере ай муипты:

Ангкыт тыйны хотые, хотыены арийты хо — хой тами?

— Скворец!¹ — ма хивемысым.

— Яна па. Вот мин тув патангыт хотые си версамын. Хатэвыт атынга скворечникемын² сада тоньсьтэмын. Юваты, ешик моинг ёх!

Ма атынга нох верытсым — ишнем хатлны нох хуттысы. Хот тангыт эвыт йингк сэмыт посыйтыт, камын сиськет туйтыт.

Садны хотна тоньсь утыс. Мин асемынны катра яблоня хоси вураны путлсамын. Асемны скворечникемын хув ныра сэнгксытэ па нырл катра яблоня хоси карты кетыны йирсытэ. Скворечник карысьны ус — тув хувытта катыс.

Веттэм хатл парыс. Садны тотым мув лотыт катымсыт, а тыв лаккангет уны йингки лотыт ховыйсыт. Йингки лотытны, мет венш ванты вохны, турым хар, патнгыт, сит киньси патынг сай эвыт эттийты хатл каттыт — сит киньси нох сурыйты йингк эвыт вантта каши.

Ий пуш асемны сада вохтаим: „Ванта сар,

¹ *Скворец* — ай нятмынг сиськи.

² *Скворечник* — скворец пата верым хотые.

муйсыр моинг хойны ёхытсаймын“. Ма ёхыт-
сым, ванттым — скворечник тангытны скворец
омысл па туит. Сятта тув хосьла кимит скво-
рец ёхтымсыс па хот тыпия пайты тукыс.

Хотые тыпины скворецнгыгн шошамыснгыгн,
па моттыя туп ий скворец янгхыт. Етнны юх
нува татл па туит, а скворец нэнгыт ант па
катл.

Иймттэнгны мин асемны яблоня итпины
тоттисмын. Вантымын — скворец хотл хоси ёх-
тымтыс, нётлны мотты новы от таит, мосынг
мотты уны, кут сав. Тув хот тосыет ухтыя
омсыс, ротан касятсэмын — хотл эвыт скворец
имет ух катымтыс. Тув тутл нох пуншсытэ,
скворец савыт тув тутла лукемыстэ, а сам
шухмыс, аремыс па паси маныс.

— Вантсэн, — асем лопыт, — хоты скворец
имет отынгны нумысл! Сит киньси тувыт
тапыттыттэ, тутн тув тыхтыт эвыт антат пу-
рытл. Хоты тув интам карынг пошихтат хош-
мыттыт.

Сора скворецнгыгн пошхынга йиснгыгн. Ся-
та вуш тын китнтак — и асет, и анкет, — по-
шихтат пата тэтот тута питсангыгн. Уттийтыс
ситы — гряда хуват шушийтынгыгн па ветпыс
аръяттангыгн. Скворец сав сэма павытл, ту-
выт каттымтыттэ па пошихтата туттэ. Сит

шенгк туса тывынтыс! Скворец пошхыта тэтот — минэмын нётыпсы. Хатл мар иса савыт огород эвыт акыттыттын.

Асем вантл па амтыттит:

— Ям капустаны энымтаймын! Савны капуста вуш ант шакыттыты. Том мин хув нётып сторожнгытымын хотсат грядкаит ухтыны нарестынгын!

Скворец пошхыт уна йисыт, вуш хотыт эвыт ким каттита питсыт. Татынг хатл сихратыт — тэтот вохтыт. Йивнгыт аснгыт туп тэтот тута алэмытнгын. Етна йит, пирысь именгын икенгын юх нува хотэтн ванпысны таттынгын, омыстынгын па потыртынгын, мет тыны вертын отынгны потыртынгын. Вот ий пуш етн отнга скворецсангын омыссангын яблоня ухтыны. Ротан юх сай эвыт ворш катымсыс! Скворец каттымсытэ па тута питсытэ.

Мин асемны садны усмын. Хивемысмын па ворш ювпины хухытмысмын. Ма юрем муйкемны хухыттым: „Ювтэ, ювтэ, ювтэ!“

Ворш пакныс, ветпыс ювытсытэ па ин па маныс.

Ма вана ёхтымсым: скворец мув харыны отл, тутл нох пуншман, тыт тавырта татл; мосынг, воршны шенгк така мушмытысы.

Ма тувыт ёх тусэм, клетка няры пумны тэрмыттысэм па скворец тох понсэм. Атынга тув еша нох тунгматыс—клетка сунгны омыс. Ма тувыт савны муйны масэм. Тув иси путянг ий сав нухсытэ па ёх тэстэ, а па тэта ант питыс.

Асем лопыс:

— Я, ай вер, нох тунгматл. Туп интам тув семьяита рупитта ант мошитл—тувет юра йита мосл.

Нанген исипа мосл скворец имия пошихтат энмытыта нётта. Тувет атэт сася симись семья тайта тавырт.

Мин асемны фанера¹ тарась вусмын, сад юша катра яблоня ванпысны омыссэмын, па кашинг хатл ма арсыр сав тох туттита питсым.

Скворец имины сит сора шиватса. Туп ма тэтот тутым, хот шушемытым, а тув вуш сята: ёхтымтл, хошап пося омысл, сав каттымтл—па хотл тыпия пайтыя. Иси курымны пошихтата туттэ.

Скворецем иси нох тунгматта питыс. Туса тэта питыс. Ма тэтот туттита ант етшита питсым.

¹ *Фанера*—шенгк ухыт юх сохтые.

Ювотынгны скворец пошхыт уна йисыт па тыхтэт эвыт пуртыттита питсыт, сятта сад эвыт иса мансыт. Сята вуш ма тыт кенашик татмысым — атэт скворец тапытта мосыс.

Скворецем сора исат нох тунгматыс. Ма тувыт клеткаит эвыт эслтыйта питсэм. Тув комната хуват пуртыттис, хун самыт вохытта, клеткаит тыпия тэрматл. Ёш воия питыс — нэмотты эвыт ант патл, тангкыра, уха татымтл. Туп тэта-яньсьта актыстув, аны-сунгын савлымтл, скворец пайтыя пасан ухтыя татл, нянь сюнγκкыт пасан ланγκкып ухты эвыт акытл.

Тув шенγκ нёхи люпитыс. Котлета пасана ки омыста — скворец ситы си мукемыс чукун аны эвыт нухсыта. Ангкем няхиитл, тувыт вошаттыттэ: „Каврым отны тэтыин хоты!“ А тув ангкем пета кантасъл: „Муь хоты нанг, манэм ант матын!“ Пунтат пуниратл па хивиит: „Чир-чиррр!“ Мунг тувыт сит пата Чир-чир нэмны масэв.

Тарелкая котлетаны парнгыттыта, нох потлыта па тувет мата. Тув иси курымны иса актымтыттэ.

Ий мотты пуш пирысь Иваныч катева нёхи сюнγκк масув. Туп тув тэта нармыт, ротан ванттэв, скворец тув анэт хоси томесл. Мунг

ванттув, муй еты питл. Скворец ёхтымсыс, мукемыс па Иваныч нёт итпи эвыт нёхи сюнгк атэмыстэ. Сит киньси нявлык Иваныч кантымса, тыкны этым хоит пата ёшл ревемыстэ; а скворец ант па патл—ситы тув петангыт напытл. „Чир-чиррр!“ Па иси кумны Иваныч нётлны нухсытэ! Томет посамтыс, ухыт ревийта питыс, сятта каремыс па анэт эвыт еты маныс: „ия, ма питтым арсыр от питны кутэмыта!“

Си вуш эвыт катия скворец эвыт утты омат антом: туп кут Иваныч хатл мевыта хошмыттыйтта отл, скворец вуш сята, тувыт тывыт эвыт муй па патл эвыт нухсыта омытл. Ангкемны тув венш мунгхыпны хот вошатта:

— Я, муй нанг Иваныч хоси кетымтын?

А скворец венш мунгхып каттымта аръятл: „Чир-чирр!“ Сятта торытл—па ангкем уха омсымтл. Ворнак, па и си!

Но Джек питны скворец шенгк тухсамтыйтыс. Джек аны эвыт вась тант па сотамат тэт, а скворец аны хунгына омысл па нухытл. Джек намтыт ухтыя отл, скворец тув шаншла татымтл, амп пун кутны мотты каншл па си сирны айтые—тутн Джека каши антат ус: Джек сит киньси сэмнгыт лап ханим-

тыттэ — итампн тувет си рупута эвыт шенгк
ям.

Ий пуш шай яньсьмев ювпины ангкем уны
аныя луньси йингк поныс, тутн анытат нох
тёхытсита. Туп тув ий пелыка каремыс, мот-
ты тахи эвыт скворец ёхтымтыс — па аны-
сунгын тёхыттиты ана пайтыя. Па хотсат нар-
мыс тув пуштяттыйтта! Пасан йингкны тэт
тэмтэ.

Ангкем няхытыс:

— Ах, нанг йивтып-астап вой!

А скворец вуш ова татымтыс, ревесл, пун-
тат тыстамтл.

Си кема апрынга йис — кашинг лота кет-
мыт, муй кашинг таттыттэ, уны шук тув питл-
ны! Ангкем пакыс, пакыс па тыпет такымса.

— Тухратны, — потыртл, — клеткая там вор-
накетн. Муй па ким эстатн.

Ма скворецем такты хится шенгк ант ка-
шасим, па нэмотты ант вертын — хоты тувыт
клеткая муя па омыста!

Атынга ма ишнем нох пуншсэм сеткаит
нох вусэм. Скворец иси путянг клетка эвыт
ким этмыс, ишни хопа татымтыс па ант уттэ,
хотта манта — ёх муй па сада. Сята хатл ка-
тымсыс. Скворец марыкнгыт тунгматсытэ,
ёвытмыстэ па пурытыс. Садны юх ухтыя та-

тыс, пунтат тыстамтыта нармыс, хорамтыйтл па тувет туп умысь.

Манэм тув петангыт вантта каш, хотсат тув амтыттит. Па ма еша тыштытым, ма па скворец такты хисьтым!

Тув юх ухтыны омсыс, сятта тохытнгыт ёвытмыс па хотты пета маныс. А ма иса тыштыта питсым, сятта татынг хатл мар метмотты тохатман янгхсым.

Ювотынгны ма тэта-яньсьта вохсаим. Тэта-яньсьта омыссув. Туп аны-сунгын савлымтыс, ротан ишни томпины хуттув: „Чир-чиррр!“ Ма скворецем пайтыя ишни пета йит—па пасан ухтыя. Сята вуш ангкем ант пакыс, потыртл:

— Вот нанг ям войлэнгкем! Паси ёхытсын, кашен хотас.

А скворец метмотты оша версытэ—тув хосета кетымтл, кавыртым нёхи тарелка эвыт пайтыя татл. Тэвмат-яньсьмат па шкаф тангыта татымтыс.

Си вуш эвыт тув уляя утта питыс: кашасьлки—садны янгхыт, вутсит ки—ётн; а хун етна йит, пайтыя тувы клеткаита тэрматл.

Суса йис. Сад воста хатсис, харетны нянь сэвырса, а ёхан торытны уны мис ух тампи пумы паит этымытыт. Скворецыт пактыта

актыссыт; татынг хаттытны тор харет нумпины янгхсыт, муй па пумы паит ухтыны омыс-тыт.

Ма скворецем татынг хатл мар янгхта питыс, па итны сит киньси ёх хотта ант ёхтыйсыс. Кат, хутым атны ёх ант ёхтысыйтыс, сятта иса ант ёхтыс. Мосынг, воршны катлса, мосынг, пит ёхтат питны морта мува маныс.

Татыя йис. Ванкутл мунг скворецев отынгны номыттыйтув, етнытны, хун курев нох аттэв па кур хонынгны ма тухыстам актысыйттыт: Джек, Иваныч, Ушан-шовыр пошхем. Хота ин мунг скворецев? Тытынг муй тув?..

Ювотынгны таты парыс. Садны уны этырхареп йингки лотыт ховытсыт. Хатл куттыпны хатл тунг сирлны кутырсыс, па сирны мунг столовойны ишни нох пуншсыйтэв.

Ий пуш ма ётн няшитамны нарынтсым. Ротан ов томпины хуттым: „Чир-чиррр!“ Ма туп нох пакынсым: „Сит па муй?“ Столовая этмысым па касятсым: ишни хопны скворецем омысл па хорамынга туит.

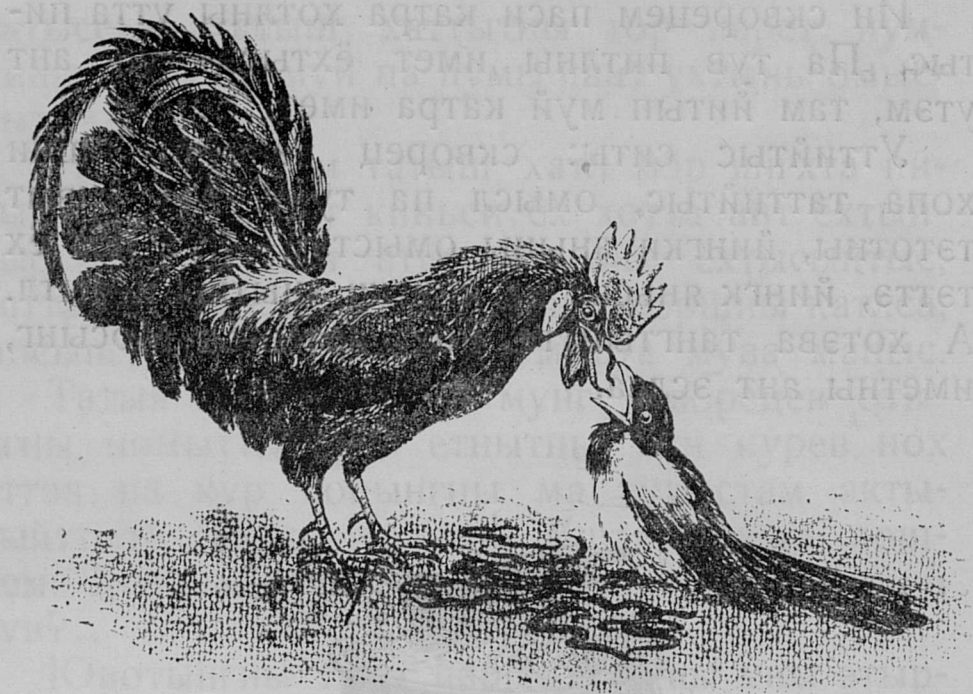
— Скворушка! Хотсясыт ёхытсын?

Ма тув хосьла шушемыта вутсисыйсым, а тув ишни эвыт ким па садны яблоня омсыс. Тангха, тув мунгыт таты мар ёремыс.

Ин скворецем паси катра хотлны утта питыс. Па тув пилны имет ёхтыс—туп ант утэм, там йитып муй катра имет.

Уттийтыс ситы: скворец ванкутл ишни хопа таттийтыс, омысл па туит. Ма тувыт тэтотны, йингки аныны омыстэм—тув иса ёх тэттэ, йингк яньсыл па йингки анытны певытл. А хотэва тангтыйтта нох вотыис. Мосынг, иметны ант эслса.

СИРОТКА.

Нявремытны ай савнэ пошихны тусым...
Пуртыттита тув хотны ант хошис туп торты-
тис. Мунг тувыт варокны, сотаматны, тослтым
няньны тапытсэв, кавыртым ай нёхи сюнγκыт-
ны миинтсэв. Тув тэс иса муйны па ат мие.

Сора савнэ поших тывыт хува йис па
марыкнгыт так питы пунны энымсайнгын.

Тув сора пуртыттита унтлтыс па ётлта хот тангыта утта кастыс.

Туп тув питны там муйсыр шук уттийтыс. Савнэ пошхев тувы рота тэта унтлта нэмхоят ант мошитыс. Вуш шангкап уны тохтынг вой, сикем хорамынг, туса пуртытис, а тэтот ай поших иты вохыт. Эттым ма хот тэпынга, пасан вутпия омыстым, а савнэ вуш пасанны, ма етпемны кариит, омсыйтл, тохытнгыт ара шохыраттыттэ, тутл нох пуншиттэ. Няха па шать тувыт уттийтл. Сит киньси ангкемны Сиротка нэмны масы. Уттийтыс ситы: ангкемны тутла варокны муй па тослтым няньны тутла лукемыттэ, савнэнгны нетамытаит—па паси вохыт, а сам тарелка эвыт ант нухыт. Унтлтысэв мунг тувыт—нэмотты ант тывыт, ситы тув тутла тэтот метшита мосыс. Сиротка сыта-курта тэт, марыкнгыт ювытмыт, осьмарынг питы сэмиетны тарелка пета ангкырымт—мотты эптынг от ант муй утл. Па сятта пурытл па хот тангыт павырт ухтыя омсымтл; муй па ким сада пурытл...

Арсыр лотны янгхыйсыс па арсыр воег питны тухсамтыйтыс: кут Иваныч кати питны, вой ветты Джек нэмып амп питны, васэт питны, сиськурекыт питны; сит киньси пирысь Петрович нэмып хо сиськурек питны савнэ

тухыса ус. Камын тув (Петрович) кашинг вой ханаттыттэ, а тувыт ант хансыттэ. Уттийтыс ситы: сиськурекыт хуры эвыт сема нухтыт — савнэ сята вуш кариит. Тослтым тэтот эптынга автыт, савнэ сиськурекыт кутны тэта-яньсьта кашасьл куш, сит эвыт нэмотты ант тывыт. Сиротка сиськурекыт ки хоси этмыс, татымтыитл, шихтят, тутл нох пунштыттэ — нэмхойтны тув ант тапытта. Тув Петрович хоси торытл, шихтятта питл, а томет тув петангыт ангкырмыт, хивемыт: „Там па муй атым вер!“ — еты шушмыт. А сятта ротан так тохытнгытны ёвытта нармыт, саптыт нохты таттыттэ, кур пастыя тотимтл па хотсат аремыт: „Ку-каре-ку!“ Ситы си сыинга — ас томпины сатыл.

А савнэ камын восыитл-восыитл, мис хота пуритэммит па ангкырмыт... Кашинг вой тувы рота тэт, а тувет хот тэпынга манта рахыт па вохта, тутн ёш эвыт ат тапты.

Ий пуш савнэ питны тарынта нэмхойт оса антом. Татынг хатл иса рупитсыт. Тув вуш кашинг хоята кетмыс-кетмыс, нэмхойтны ант тапытта!

Си хатл ма атынга вуш эвыт ёханны хут нялпыштысым, туп ёх ёхытсым етн отнга па нялпыштыты лот эвыт хисим мув тэртам ким ювытсытам. Тувы сиськурекытны нухтаит.

Петрович ветпыс иси путянг шиватыс, ёх-тымтыс па сиськуректат вохта питыс: „Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!“ А сиськурекыт хотты пета мансыт, а камын ий сиськурек па антом. Вуш Петрович кусты питыс тывыт вохта, вохтыттэ-вохтыттэ, а сятта муv тэр тутлны катлыттэ, тувыт ревийтыттэ, нох ювыттыттэ па паси вохта питтыттэ—тувы сам отынгтта ант кашасъл. Сит киньси турты питыс, а сиськуре-кыт иса ант йитыт.

Ротан хотсясыт савнэ ёхтымтыс; Петрович хоси ёхтымтыс, тохытнгыт ара шохыраттэ па тутл нох пуншсытэ: „таптэ сар маныт“.

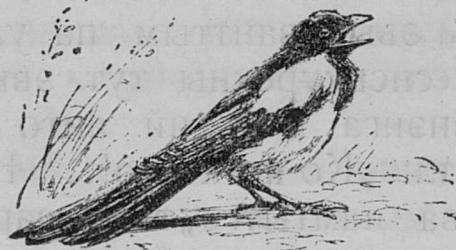
Сиськурек иси путянг апрынга ювемыс, тутла уны муv тэр каттымтыс, нох атымсытэ па савнэ нёт етпины ревийта питсытэ. Томет вантыс, вантыс, сятта муv тэрл каттымсытэ—па нетэмыстэ! Сятта Петровичны кимит отны маты. Ситы кимит, хутмит отл тэстэ, а нят-мит отл Петрович сам ёх тэстэ.

Ма ишни эвыт ванттым па умысьтытым, хотсат савнэ сиськурекны тут эвыт тапытта: ий анто савнэнга мат, ий анто сам тэттэ. А сам потыртл: „Ко-ко-ко-ко!..“ Нётлны муv тэр пета мува памтыт: „тэва сар, ат пата, том муйсыр тыв эптынгыт“.

Па вуш ант утэм, муй сирны там вер

тывыс, хотсат тувет памытсытэ, муй вер — туп ванттым, сиськурек мува хара памытман хивемыс, а савнэ сив торытыс, ухыт ий пелыка понымсытэ, кимит пелыка ангкырмыс па мув хар эвыт мув тэр вус, ёх тэстэ. Сит киньси Петрович ишик пос верман ухыт ревемыстэ; сятта сам уны мув тэр атэмыстэ па нетэмыстэ: „там хоты мунг сиревны хотсат“. Па савнэнгны вуш сит, итаппи, оша верса, — тув хосетны торыттит па нухемийтл. Сиськурек па мув тэрыт акытта нармыс. Ситы нют-ёт касман нарестынгын хой паста. Иси курымны мув тэры пай хотас.

Си вуш эвыт савнэ ёш эвыт па ант тапытсэм. Петровичны тэтот тэта иси путянг унтлытысы. А хотсат тув там вер памытсытэ, ма и сам ант утэм.

**ХОТСАТ МИН КУТЫРА ОСЬМАРНЫ
ВУСТЫМЫН.**

Ма асем курт больницыны врача ус. Мунг курт кимпины утсуб.

Курт томпины ай сумтынг янык отынгтыс. Товен па тунгын мунг, нявремыт, татынг хатл мар тота уттийтсуб. Сит киньси ма нумысым: хун ма уна йитым ма унт тавытты хоя Пахом ойка иты питтым. Сеньсь сохни. тумыттым,

туштам энмыттыттам па унт хуват уны сув
ёшны катлман па хинт тумытман янгхта питтым.

Шуштым унт юшие хуват—лакка сумтыет
па карымсы паит тоттит.

Хатл няры пум лыптыт мухты хуттыт па
ар сёрсып сорненг лак мув хар хуват тэрмыт-
тыт. А ма хатл сорнины тэрмыттым юшие
хуват шуштым па лакка, хаши паит итҗия,
вантыйттым, ант муй хотты ангкыт хоси новы
толых ханемыс.

Сусн ма унта ветпыстыта янгхсым. Ма
пушкан патся сув вуинтсым, па унт хуват
шушсым, мет унт вой хут кусьтыман.

Уттийтыс ситы: туптыны лап энмым катра
ангкыт касяттым па нумыстым — мет там
мойпыр.

Сит киньси паттапны ёхыттаим! Юх
пушканэм эвыт эсылтым, сотпем эвыт юх
кешем лавемытэм—па итья вой питны кат-
тыстым...

Туп сусн атынгаитны унт отынга кутыраит
ёхтыйтсыт.

Тыв сумтыт лакка омыстыт, па ситы вась
нувыет ухтыны омысман па сумыт сема сэмыт
тэвман, вотны ревийсаит.

Ма атынгашик нох катыйтсым, реп ухпата
этмыйтсым па там питы уны воет пета хув

умысьтысым. Но ий пуш па ма тыв хосета
вана томеста ант мошиттым.

Туп ма томеста питтым, а кутыраитны вуш
шиватсаим, сапыттат хува таттытат, тавтыс-
тыт.

Ий-кат курым вертым, а тыв марыктатны
ревемытыт — па ин па ара мантыт.

Но вот ий пуш асем хоси Пахом ойка
ёхтыс. Ма тувет потыртсэм, хотсат атынгаит-
ны кутыраит вантта янгхтым па хотсат тыв
хосета томеста ант мошиттым.

Ойка няххытыс па нюхмыс:

— Я, мин нанг питэнны осьмарны вутты-
мын! Асен эвыт воханта, тутн хатэвыт ма
питэмны ветпыса манта эслтаин. Туп хув
ат ота.

Асемны ветпыса эслсаим. Яна па, ма ий
кума па ант воимтыйтаим — нумыссым, мо-
сынг, ветпысэм оттэм.

Хун хотна римых ус, ойка ма хосема
ёхтыс.

Нова лытхаты унта мин унт юш хуват
путлысмын. Ойка хир па пушкан тус. Ма
иньсьмысэм:

— Акия, хиренны муй тайтын?

Тув туп ёшлны ревемыс — арт ёхытл, ка-
сяттэн.

Мин унт хара этсамын.

Унт харны пум хот ус.

Ойка пушканл иты понсытэ па хирет нох тэрпытсытэ. Ма тох ангкырмысым па аты си хивемысым. Хиры тыпины лансяк эвыт верым кат кутыра отыс. Ханшенг лансяк эвыт кутыраит верман, а питы от эвыт — итыраит. Итыра тывыт путянг итыра пасьнга эвыт верман ус. Ма нэмхотась оша верта ант мошитсэм, муй пата ойкая там ёнтты воет мосмытсысыт. А тув няххийтыс па манэм нэмотты ант потыртыс. Ай сумыт эвтыс, па тывыта сешкан кутырайнгыт йирсытэ па сумтыт унт хары куттыпны тоньсьсытэ. Хувытта нумысын тутн, там ай сумтые ухтыны кат тытынг кутыра омысл.

Ойка си вертат етшиптыс, пум хотла тангыс па маныт вохсытэ.

— Хутнта,— тув манэм нюхмыс,— интам кутыраит тыв тэта ёхыттыт, мин кутырайнгытымын касяттаит па нумыстыт: там тытынг отнгын, тын хосетна омыстыт, тутн сумыт сема сэм тэта. А мин сята вуш тывыт тьяктыттымын.

Ойка хусты питыс.

Ма тусашик омыссым, пум хотлны вусые версым па кимты ангкырмысым.

Унтны патлам ус. Юхыт вуш лыпытты пита хатьсиман тотъсыт, а мув хар новы соиттыны лангкман. Сиськи туипсы ант сатис. Туп вурсикыт нюлак пун эвыт верым килаит иты атэт воссыт па ий анто ий нува пурытэмытыт.

Сятта унт нумпины хатл похныс. Соитты тотата питыс, па хатл ёшит йингк сэмыт ухтыны хорамынга хуттысыт. Унт иси путянг кашинга йис, метмотты атынга вурты алыны шошимса.

Ротан хотты ванны марык ювытты сый хутмысым: уны тохтынг вой йит! Вусые эвыт ангкырмысым, шиватсэм—сумтыемына, хотя сешкан кутырайнгытымын омыссангын, тытынг кутыра омсыс. Па симись уны, хорамынг! Ма вантлта ий пуш па тытынг кутыра ант вантсым. Кашинг пуныет туса вантэн.

Сам тув питы; тыв пасынгаит шохаренг, сэм хутипнгыт вуртэнгын.

Нува татыс, ухыт нох атымсытэ па вантыитл.

Ма хоты хивемытым:

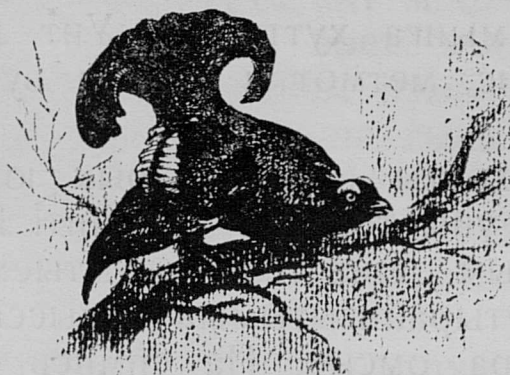
— Акия, эста!

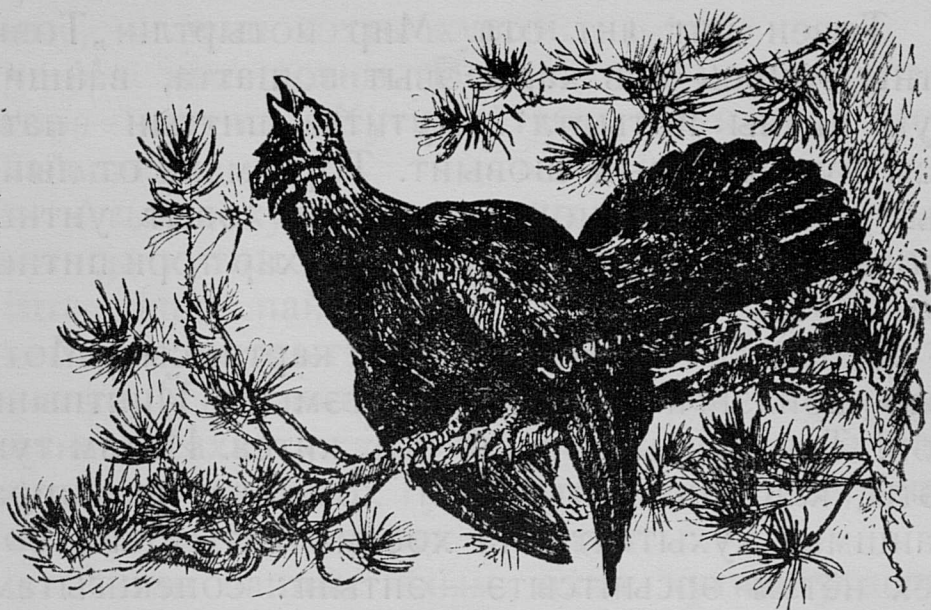
Кутыра пакныс па пурытыс.

А ойка шенгк кантымса.

— Ия рахыт,— потыртл,— ветпысны хи-
вийта! Интам иса кутыраит пакынсытан.
Нюр-вар ма нангыт панны вусэм.

Ситы мин си пуш нэмотты ант па вет-
самын.

АНТ УТЫ ВОЙ ВЕТТЫ ХО.

Мет ям ветпыс товен — лук кеимны.

Вой ветпыстыты ёхны унтны си тахи кеим нэмны вохта, хотя атынга хуньтитны лукыт кашинг арытат кейтытат.

Кеима ювын манта рахыт, тутн хуньтыл унта тох ёхытта.

Ий пуш ма унта хотна патламны ёхытсым.

Ат тэвын, мелык. Ма ангкыт ухтыя омыс-сым па хуньтл тавыттым.

Товен унт ант отл. Мир потыртл: „Тови атны тоньсь муv хары эвыт вошатта, ваншипум питны потыртл“. Хутнтта питтын—патлам кутны торын шовыит. Торн маха от лыптыт итпи эвыт нох эттыт, сит эвыт унтны шовынг сый. Па метмотты муv хар торн питны потыр тут.

Ротан хотты ванны нувыт картимсыт. Мотсыр войлэнгки хухытл, посэмыт. Йинтпынг вой! Тув иситы товины нох китса. Интам тув тэты, кантынг. Унт хуват хомылха па сопра каншман хухыттит. Ма хосема ёхтымтыс, сопек нётэм эпсыйтсытэ—эптынг: сопекнгытам войны нох тювытман. Пенгка аръятсытэ. Ма курем нёхтэм, йинтпынг вой посэмыс, сопекем пухытмыстэ па еты хухытмыс.

Ма тусашик омыста тэсятыйттым. Отмем йиты. Ювотынг номсэм—тутн атынга хуньтл тавытта. Сятта ухэмны ар номыс ховытл, хотты пета мантл, туты...

Ротан хутмысым: „Гав!..“ —па хотсат няхытл: „Ха-ха-ха-ха!..“

Отым саха пушканэм катымтэм. „Вот пакныпсаим!“ А нэмотты паттап антом. Там хо пойтэк ус. Товен тув иситы кеит.

Интам хо пойтэк ай унт юшие хуват патлам кутны нямык тупты мисэт кутны хухыт-

тит па пойтэк нэнгыт канштыттэ. Паси кеймыс, ин вуш хотты хувын.

Ма нох тотим. Пойтэк ки нох веритыс, сора хуньтл. Хутнтыйттым, лук ант муй кеймыт.

Атынга хуньтлны унтны ром, па си роммыпсы кутны кашинг сый шенгк туса сатьл. Вот хаши пай кутны сиськилэ туймыс, па кемынга версытэ—хотны атынга, па хусты питыс. Отынгмит тови хомылха сепырмыс, мантэт сахат юха хоис, иты кериис—па паси иса нох роммыс. Туса хутнман патнгытанны тёвытл, хутнты вурек ант мат.

Ротан ванпыс ёхым юхыт кутны утантты сый сымытыс: „Чок-чок-чок!..“ Мет хоят юх нялыны сэнгкыт. Сятта мет кешетны карты хуват: „Щчики-щчики-щчики!..“ Па хусты питыс. Па еша ронтман паси—туп сасьман нармыт.

Па оша ант па вертэн, хотя там ай сиськие нухесл па туит мет уны лук. Там тув тови арет. Сит киньси яма арийта тув ант хошл.

Интам тув хосьла томеста мосл. Туп томеста мосл осьмаренга аитта.

Лук там тувы сир хуренг вой, кей такты мана па томеса сар тув хосета! Еша курен

итпины нув картимтл иси путянг хутмыттэ па хот пурытл.

Но хотсат туйта питл, кеемыт, иси путянг, мет патты йит. Сит пата тув лук нэмны си масы.

Лук хоси кейтэт артны томеста рахыт. Кеймыс — па ма ий курым, кат курым вертым. Патлам, кур итпины нэмотты ант катл нувы пай ухтыя пайты пурымтын. Муй тампи картинг сый, верста сай хутмытэн. Интам патта ант рахыт — пушка эвыт тяка, ант хутмыттыттэ. Лук кейта нох вотыис, ма иси курымны нох тотимтым, тоттим, ант па нэхтытым.

Там вуш ёхым юх, хотсясыт лук кеим сасыл. Юх пета ванттым — патлам, кейты хоем ант катл. Мосл еша тавытта, хун нова лытхатта питл.

Ма ванпысны тотти ёхым юха нохылштым. Пушканем тэсятман тавыттым.

Лук ант хуттыттэ, хоты тув ванпыслны вой ветты хо тотыл. Ситы тувы рота си кеит.

Ротан ий пелыкны кеим сый кутны нувыт картимсыт. Ма пакынсым. „Хой там лук хоси па томесл, интам касяттэм“.

Иса вана па вана йит... Си па муй пись? Нэмхоят ант катл. Патлам, аты па тутн йип-

лыт оша версэм. Хуттэм: кимит ёхым юх хоси
нох тотимтыс. Ситы хус кем курым ванпысны
тоттимын.

Новашик йис. Ёхым юх ухтыны мотты
питы уны отшиви катыс. Па хоты там лук!
Тув нув ухтыны омысл па кеит.

Но интам манэм тув унтангыт вер хун.
Ма тувыт сэма павытта аръяттэм, хой тота
ёхым юх хоси, хаши пай том пелыкны ха-
немыс.

Па хоты муй тув ант тякыт? Па хоты лук
тув эвыттэт хуньтл пелыкны — ситы тувет лук
яма катл. Мосынг, маныт ма сырыя эслсым
па нюры пушканэм муемны хисьтым? Муй-
сыр тув ханнэхо? Ма вуш паттапны ёхытта
питсаим. Ма пушкан ант эслсым, тув па ант
эсл. Ситы тавтысман си тоттитымын.

А хуньтл вуш хурытта питыс. Вурты ту-
рым харны юх нув ухтыны уны питы вой
катл. Тув саптыт ниньсшитэ, тохытнгыт ара
таттийтсыттэ па ситы кейман омысл.

Хувытта кейты сый па тохыт сэнгкты сый
сатис. Па там лук вохыпсыя уны нэ лук йит.
Хувын тотти ёхым юх ухтыя татыс. Лук ом-
сым нувыт эвыт пурьтл, тохтынг тухыс нэ-
нгыт хоси мув хара татл. Интам тув тухыс
нэнгыт етпины тарнэнг якыт якта нармыс.

Лук тывыт ара шохыраттыттэ, тохытнгыт иты эслыттэ па лук нэнгыт хоси хухытмыт. Мантл си пелык эвыт, хота вой ветты хо хане-мыс. Там тув хаши пай хоси ёхтымтыс... Еты хухытмыс...

Ротан ёхым юх сай эвыт мотты сёрем от этмыс па пайтыя лука наптыс. Каттымтсытэ па китнта муv хар хуват хатытсиснгын. Сый, рантынг сый, тохыт ювытты сый...

Ма пушканэм шашимсэм, эслсым. Иты нёрытыйтым лукем тавырта хот пурытыс.

Вана ёхтымсым... Там кемын хой — ант уты вой ветты хо!

Унт кати — шумыш ветман отл. Ма тувыт нох вантысэм. Муйсыр уны — амп туватты. Ухыт кати ух тампи, туп патнгытны хув питы пуныт. Пунтл хопшат, питы лотып, нямык, тывыт ван, мет хоятны шупа сэвырмысы. А курнгыт муй тампенгын! Кур патэнгыт вутынгын осум иты нямыкнгын. Симись кур ухтыны ветпыс хоси томеста ям.

Ветым кати шаншема хонымсэм.

Там хоты вой! Шумыш, ветта оса вер хун. Муйкем лук, кутыра, шовыр тытнга хисъл! Шумыш тывыт — мет паттапынг вой.

Ма ёх шушмысым. Ветпысэм тута кены вер хун. Ёх шуштэм мар тангкыртам кашат-

тыт. Сит эвыт шук хун, маны ныпем тавырт
антом.

Панта этсым. Уны унт сора сохныс, ай
юхып унт отынгыс. Вуш иса нова йис. Ит
пелыкны патнгыт сорненг тутны вуситсаит.
Сора хатл похынгл. Хашет кутны сиськет
туйтыт. Сумтынг янынг тампины кутыраит
кейтыт.

ХОЙ ТАТЫ ИСЬКИ ЭВЫТ АНТ ПАТЛ.

Таты сёрых хатла йис. Хатл похныс — йилинг соитты хатл ёшны аты си сэвиит. Тоньсьны лангкым унт отл. Метмотты там иськины ин вой-хут аратэн иса певымсаит — ий сыите ант па сасьл, туп юхыт иськи эвыт утман, утман картайт.

Ма унт хара этсым. Унт хар томпины тюк катра хут юхыт тоттит. Хут павыт иты ихтыс-

сыт. Си аратты пав тайтыт, хоты тыв тавыртэт эвыт юх тув отнгыт иты мевытсыт.

Муй сёрых! Татэн сиськи туйты сый от хутмытэн. Ин тывет туйты вер хун. Па оттат морты мува мансыт, а хасим оттат ханем сай вотыта мансыт па кантынг иськи эвыт ханемысыт.

Па ротан хусты-сыйты тотти унт нумпины тови вот иты шовийман кашинга туйты сиськи пакыт ма нумпемны пурытыс. Па там хоты шовняхыт—шошенг овыс мир. Тыв иськи эвыт ант паттыт. Шовняхыт хут юхыта татсыт. Сиськет хут павыта так куртатны каттымсыт па ухпартоха тоийтыт. Ситы тоийман, тыв вангкаренг нёттатны эптынг хут пав сэм тэтыт. Хун ар пав уттит, тывет тат кеша тэтот тармыт. Ма унт хар куттыпны тотьсым па умысьтысым, хотсат тыв хут пав сэм тэсыт.

Атынга хатлны восты хут юх тыит, вурткам хут павыт па кашинга тэты-яньсьты шовняхыт хуттысыит. Па нумыссым, там вуш товия йис. Там интам вотынг мув эпытны авмыт, унт нох тытнгатл па, похынты хатл хуньсиман, сиськет туймытыт.

Ма хутнта питсым. Там муй, вурастысым муй? Унт эвыт яна па кашинга туйты сиськи сый сасыл. Ма ант нёхамыман тотьсым па иса

хутнсым — там шоп муй рохып. А хотты пета ванны, хут юхыт кутны, шовнях тови тур сыйны туит.

Па туп сятта ма номыттэм тохтынг воет утыпсы. Си вер ма нэмхунты оша па ант павтыйтсэм, а вот интам ма сам там вер вантсэм.

Ханяя ма хут хоси томессым, хота сиськи ариис, па нох хунгхта питсым. Хут тэпсыт веншема ёшнгытама петлсыйттыт; ма эвыттэм пакным шовнях туйта нох вотыис па янас хута татымтыс. А ма ий карся хунгхсым. Па вуш тывыта си ёхыттым. „А юх ухтыны нэмотты антом, — ма, шатитман, нумыссым. — Там туп вор потыр“.

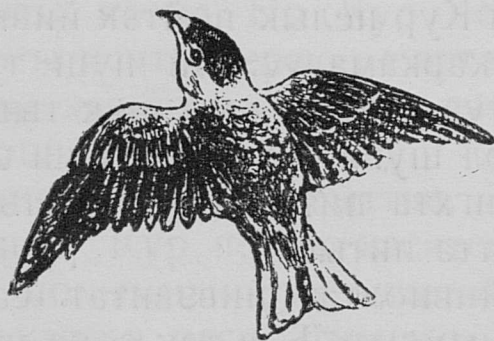
Ма иты вохытта питсым па ма етпемны касятсэм сит, муй уйтта ант ямастысым: ворыха потым па тоньсьны лангкым нувыт кутны ай тыхтые катыс, а тотта няры пум хорасып пунынг сиськие омсыс — там нэ шовнях. Ма ант уйман нув кавысьхымсэм па тотта пакным сиськилэнгки пурытыс. Ма иты макыратсым па си пись эвыт хасьшик хивемысым: тыхытны иньси карты питым кат няры поших нэхатыс. Шовняхыт — туп тыв таты иськи питны поших энмыттыт.

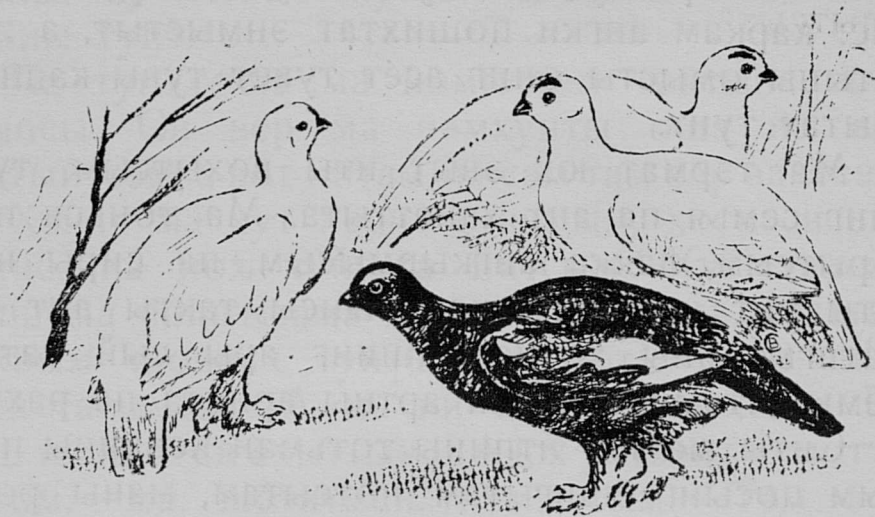
Тыхыт нумпины тоньсьны лангкым нувыт ихтыссыт. Унтны иськи эвыт юхыт ара потсыт,

а тата, катра хут юх нувыт кутны вуш товия
йис: каркам-ангки пошихтат энмыстыт, а нув
ухтыны омысты оинг асет тувет тувы кашинг
арытат туит.

Ма тэрмат юх эвыт иты вохытсым, тутн
оинг семья па ант ханаттыта. Ма тонься иты
торытсым, лакка ангкырмысым, па сиры иты
таты унт шукынга па утыпсы такты ант ус.
Патнгытамны хотна кашинг ары сый сатис.
Кемын, тамись иськи артны арийта па рахыт.

Ситы ма юх итпины тотьман иськины пев-
мым посынг ёшнгытам нотсытам, маны роты
няхытсым па тыхытны утым таты иськи эвыт
патты няры пошхыт отынгны ишкасьман ну-
мыссым.

АНТ КАТТЫ ОШНЕ.

Сыры Кур пелык пойтэк йивпохтат йивэвитат иты каркама ус. Ий пуш тунг сохынтым пораны тув питлны уны шук тывыс: вой ветты хоны курл шупа ветса. Си вуш эвыт тув нохемыман янгхта питыс па атма тэта питыс. Тув нөхет питта питыс.

Тув йивпохтат йивэвитат сахсэнга йисыт па уна энымсыт. Тыв так сора утсыт. Ханшенг пунтат лакынсыт па таты кеша новы тюк пунны энымсаит.

Туп атэт Кур пелык тунг „тумтыпсэт“ ант пелытсытэ.

Тув мушинг ус па йитып пунны туса ант энымса.

Татыя йис. Тэтот антом, тутн тэтот каншта — мосыс курнгытны тоньсь ара хирта. Но вот ий пуш, хун пойтэкыт харны тэсыт, ротан ий отэт паттап шиватыс, паттапынга хопкасытыта питыс па мув хара нахемыс. Тув ювпетны па оттат иты нахемысыт па хусты питсыт. Нэмхойтны тыв ситы ханятыйтта ант унтлсаит, тыв ситы сэма питмытат вуш эвыт верынтсыт, — ситы тыв сэма питмытат вуш эвыт ант унтлтыйтман хухыттита па сема сэм нухта хошсыт.

Новы тоньсь харыны ханемым тохтынг воет Кур пелык тохытпи иса ант катсыт. Тув атэт ханшенг пай иты катыс. Но Кур пелык сит ант устэ, тув хоты иситы верыс па оттат сирны. Туп интам тувы ханшенг сахытны тунг сирны ханятта ант мошитса.

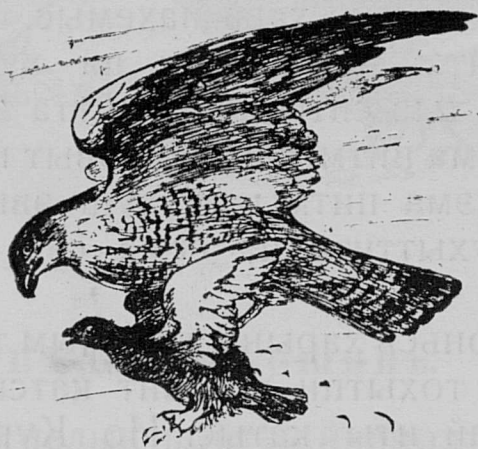
Хар нумпины ворш пурыттис. Тохтынг ворнакны ханшенг Кур пелык касятса.

Тохытнгыт понымман тув иты маныс па ветпысл куншемыман паси этмысыс.

Етна йис. Тоньсинг хар хатл वोся ёшитны хуттысы.

Туп реп ухтыема пита катты ханшенг пуны пай вотны нѣхатсаит—там иса муй хасис Кур пелык эвыт.

А тув йивпохтат па йивэвитат ант катты ошниетат тумытман сыры иты тоньсинг хар хуват шушийттыт.

АЙ УНТ ЭНМЫТТЫТЫ ХО.

Ма ий пуш туп сусн унт хуват шушсым.
Лакка сус сирны тэвн: туп хотты катра юх
сехырл па нува тэхырман ювотынг дуб юх
лыпт, иты керийман, шовиит.

Ма лакка вантман антшик тэрматман
шушсым.

Ротан шиватсэм: муv харны сэмтат тэвым ёхым юх павы пай отыс.

Нохты юх ухтыя ангкырмысым. Па там хоты ёхым юх хун, там хоп юх! Хоп юх ухтыны ёхым юх пав ант энмыт. Кемын, там хоятны тыв таттиит. Вуш там тангки муй?

Юх лакка нох вантсэм. Ванттым, ма нумпемны юхны хул. Си хула пав метшиман па итн отты павтат тампи.

Ма ий пелыка мансым па ангкыт порыха омыссым.

Веттэм минут омыссым, ванттым, юх хоси мотсыр ханшенг вурты ухып ай тохтынг вой йит. Ма оша версэм—там уны ханшенг хонгхра ус.

Хонгхра йит па тутлны пав тут.

Ёхтыс па хоп юхыта татымтыс; па юх нув ухтыя хун, а юх порыха татыс.

Так кунштатны кара каттысыс, а итлта тывытны вортысл. Тыв пасьнгаит так—там так вортыпсы.

Иитып павыт тохе хулыта метшистэ, а катра павыт иты ювытсытэ.

Сятта тусашик омсыс, ара татым тывыта вортысыс па юрыт муйкемны павыт нухта нармытсытэ.

Сит павыт хоттыстэ па янас пава ёхым юх хоси маныс.

Сит пата си хоп юх итпины си арат ёхым юх пав пай ус.

Кемын хонгхрая хулынг хоп юх мустыс па „куснис хотл“ пата пирийсытэ—ситы мунг, натуралистит¹, хонгхра пав тэты лотл вохтэв.

Хув ма хонгхра пета вантсым, хоты тув юрл муйкемны нётлны павыт нухсытэ. Вантсым па нумыссым:

„Сит тув шенгк ям верыт мортатэт па унта ям верыт. Иса семаит тутла хун тикымтыт, ар от мува павытл. Семаит мув хара питтыт: па оттат сомыттыт, па оттат энимсыт.

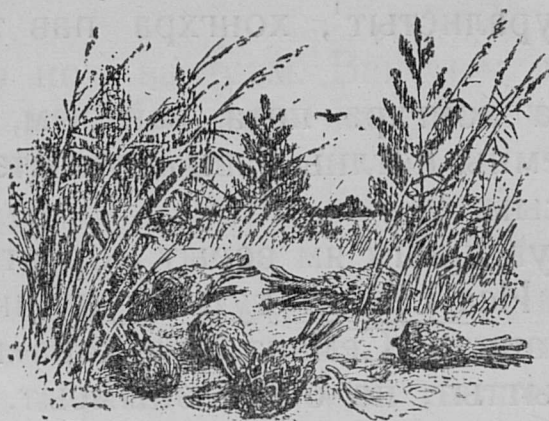
Мосынг, интам хонгхраны нухым пав эвыт иси мотты сема иты керийс. Па от си от эвыт юхие энмыт, отынгны шенгк ай от, сятта такамтл, юр муй вут па карся этырхар турым хар пета ниньшимтл...“

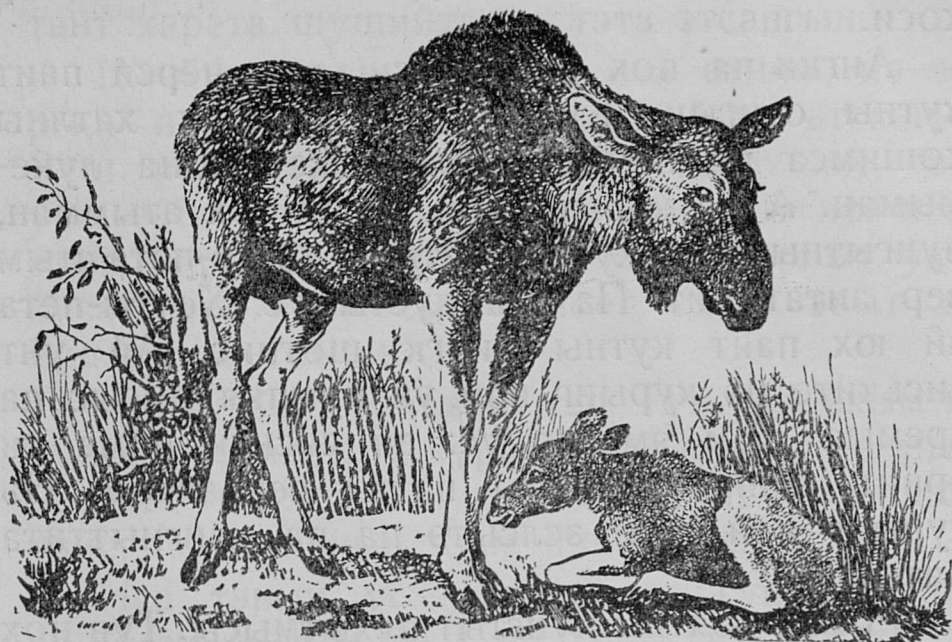
Ма лакка вантта питсым: муй арат сята ай юхие мув эвыт катл! Хойны тыв омыссаит: хонгхраны, шовняхытны муй па тангкетны, а, мосынг, па вотны сематат тыв тусыит.

¹ *Натуралист*—природа (турымны утты) отыт унтлтыйт-ты хо.

Вотым торн кутны пум киньси кутшик ай
юхиет каттыт.

Па хутымъянг, нятъянг от нарыт, па тата
омысты тахемны ай вуншл юхып ёхым этымыт.

КУРЫНГ ВОЙ ПОШИХ.

Кашинг тунг хатлны тюк унт кутны нэ курынг вой хоси поших сэма питыс.

Нэ курынг вой уны ус, мис киньси па уны. Тув пун хопшат па сосым, а курынг вой поших ая па вурткамшика сэма питыс, исат мет мис поших. Курнгыт васитенгын-васитенгын, тамисынгынны мет тотьта ант рахыт—интам му-

рэмытнгын. А патнгыт унэнгын, мет шовыр хоси.

Ангки па пох ёхан хоси, тюк нёрси паит кутны отнгын. Курынг вой поших хатлны хошимса па отмыс, нётл анкет хона лукемыман. А нэ курынг вой, ухыт нох атымман, пунгытны отыс, хутынтыйтман, хотся-пета атым вер антат йит. Па иса хусты ус. Хотты-пета ай юх паит кутны йингк шотиис. Ай унт сиськите нэ курынг вой ух нумпия омсыс па аремыс. Там ям вер ус: ай сиськи рома ки ариит, ванны нэмотты патты вер антом. Нэ курынг вой ухыт эслсытэ па па мангныттита питыс.

Роман хоятны пунгыт пухытмысы. Тув нох пакныс. Там муй? Нэмотты патты вер—там курынг вой поших рутсис па тув вась курнгытенгыта нох тотьта вутсийтыс. Тув тарынтыс-тарынтыс, сятта торытыс па нох тотис. Нэ курынг вой паттамыс па па нох тотис.

Етн пета курынг вой поших вуш яма янгхта унтлтыс. Тув анкет юпины хухыттис, вангкылымыс, якыс па нётлны нэ курынг вой курнгыта пухтантыс.

Отынг хаттыт пармет. Нэ курынг вой пошхыт питны юх пант кутны ёхан хоси уны унт кутны еты уснгын. Хаттэвын тын, йиты

сайны отман мангынгын, а хатл хуттыты етпины
тант харета шушийта па тэта этсангын.

Нятмит хатлны, хотсат иса етнны, нэ ку-
рынг вой пошхыт пита шушийтта этсангын.
Вуш иса патлама йис. Юх тыит сай эвыт
уны енгта тылысь этыс, па иси путя иса хары
этыр харыя йис па этыр хары торныт ухты
хуват, мет питы емынг воет, юхыт эвыт хув
йиплыт вангкысмет.

Нэ курынг вой вуш тэс. Тув уны ёхым юх
пунгытны тотис, а курынг вой поших макрынг
нётлны тув хонтл пухытсытэ, патымнгыт пох-
тиис, па кашинга эсым йингк шепыс.

Иса тэвын ус. Унт отыс. Туп сопраит,
арийман, нюрымны ёхан хоси ант отмет.

Вот хоис, ювын эпыт авытмыс, вот уты
хары торын па хорамынг лыпыт эпыт тус. Нэ
курынг вой ухыт вот пелыка керытсытэ, па
нётлны йиты эптынг йилынг татмыс.

Роман тув тавтамыс, ухыт карся атымсытэ,
нёт вуснгыт ара таттэ па паста сорашик
йилынг татта питыс. Курынг вой поших, нэ-
мотты ус ант уйман, эсым йингк шепыс. Се-
кунда, кимит маныс, нэ курынг вой иса эп-
сыис.

Паси вот хоис; па сита нэ курынг вой

иси путя оша верыс — эпыт иса шенгк авта
питыс. Си атым вер вана ёхыттапитыс.

Тув патнгыт вот пета тоньсьтэ, кашинг ай
сый катлман. Си итн, хирым тахины нув му-
ремыс... Нурынг вой тув курымтат хуват
томесл. Нэ курынг вой карысь пая нох торы-
тыс. Курынг вой поших эсым эвыт нох паста
торытыс. Тув анкет пирны хухытта вутсийтыс,
па анкет кантынга омытыс па курытны итьяя
пурмыс. Курынг вой поших утым тахетны
хасис.

Тотта, карысь пай эвыт, нэ курынг вой па
ий пуш нётлны татмыс. Кемынга ус: нурынг
вой тув хосета патлам юрем эвыт томесл.

Си етпины, ай юх паит кутны, кат няры
пум тут сэмнгын, кат порвой сэмнгын суттыс-
нгын. А том па, па... Роман тут сэмыт ай юх
паит кутны хатысыйтта ант питсыт, ий тахины
потмысыт. Порвоет нэ курынг вой касятсыт
па нох тотимсыт. Сятта тут сэмыт аиттыте
ара пета лакка вангкта питсыт. Воет нэ курынг
вой лакка вусэт. Иса паттапынг йит ёхтыс.
Иса юрыт акытман, нэ курынг вой еты торы-
тыс па хухытмыс, сорым юх тыит па нувыт
пантлны мурысьсыман. Тув ювпетны порвоет
хухтысмет. Кашинг курымны тыв иса еты па
еты си хары эвыт мансыт, хота ай юх паит

хоси ай вуркамшик курынг вой поших хасис.

Иса ювын курынг вой поших ай паит пунгытны, анкет тавытман, янгхыс.

Атынга йис. Сиськет арийта питсыт. Хатл анкырмыс па хары юхыт, ай юх паит хуттытэ. Унт харыя ханшенг нэ сиськурек-лук татынг лук поших пакыт пита янгхыс. Лук пошхыт ханшенгыт па пунынгыт усыт. Тыв кашинга хары хуват ара хухытмысыт, а нэ лук хашнга пай уйтыс, курнгытны ара хирсытэ па, мет поших омысты ими, нявремтат вохман, тув сирлны увыс. Ко-ко-ко! Лук пошхыт хухытмысыт па эптынг хашнга пошхыт нухта питсыт. А нэ лук ий пелыкны тотис па вантыс, тутн воршны муй па вохсарны антат ёхытсаит.

Курынг вой пошиха шенгк марсем ус. Тув нэ лук хоси шушмыс, а томет пакныс, пунтат нох атымтэ, тув сирлны потырта питыс па еты нявремтат хары янас пелыка тустэ.

Вуш карся хатл этмыс. Лук пошхыт тэсыт па анки пита ай юх паит кута мансыт, а курынг вой поших иса унт хары хуват янгхыс. Тув вевты йис па шенгк тэты-яньсьты ус. Хун унтны хар сайны нув мурысьсыты сый сатис, курынг вой поших ухыт атмысьйттэ па тавтыс, анкет муй шашис.

Хирым тахины паси нувыт картята питсыт, иса ванашик, ванашик. Исипа, ангки. Курынг вой амытман етты хухытмыс.

Ай юх паит ара мансыт. Хой тами? Курынг вой поших нох тотис. Ай юх паит эвыт кат вой катсангын. Тув симисит нэмхунты хотны ант уис.

Муй верта? Хухытта муй антом? Анкет тувыт унтлтыта ант етшис, хоты симись йитытны утта. Курынг вой поших патнгыт тоньсьтэ па патманшик тотис.

Военгын шенгк писингын уснгын.

Тын пир курнгытынны йиснгын, а ёшнгытынны ревеснгын. Курынг вой поших касятман, тын сыинга увемыснгын па пайтыя тув хосета хухытмыснгын.

— Ванта, ванта, Ваня, мис поших, анкет тохытпи, атэт, томтыс. Хой там, сам?—эви, сырыя курынг вой поших хоси хухытман, увыс.

Пох па хухытмыс.

— Мосынг курт эвыт,—тув лопыс.— Мис пакыта маныс, а мис поших хасис.

Эви курынг вой ухыт эвыт васькыстэ па пат сайт куншистэ. Курынг вой пошиха тами шенгк мустыс. Тув саптыт татсытэ па эви ернас эпсыйта питыс. Ернас антыпны йирысман ус, а пунгтытны полах ревиис. Курынг

вой поших полах тута вус па аръятта питыс, мосынг тотта, анкет эсым тый иты, эсым йингк посыл.

— Даша, ванта—антып шепыт! Исипа, тэты-яньсьты. Тапытта мосл.

— Па мин хосемынны эсым йингк хиры типины!

— А мин хотсат тувыт тапытта питтэмын? Тув, исипа, анкет шепыт.

— Па муй? Лансяк эвыт эсым вертымын. Хоты сяси мис пошхыт яньсьлтыт.

Даша лансяк ёвыртыс па лансякны типпи лап морыхтэ. Сятта типпи хомта катлтэ па тавтыс, хун пумып эсым йингкны мухты манса.

— Там, Ваня, эсым ештыс. Мишка, Мишка!—тув курынг вой поших вохыс.—Сар, аръятэ!

Эви тув веншл типины тувемысы. Курынг вой поших йира хатымыс, сятта эсмыт эпсыис, па, эсым йингк оша павытман, иси путя эсым нямык мис поших патымнгытны катымсытэ. Катымсытэ па шепта нармыс.

— Пака нанг, ухенны ат ревема,—эви няхыс, хун курынг вой поших, ант пакман, типпи ёш эвыт таттис.—Шошимтэн, отшам от!

— Даша, тувыт ёх тутэмын. Етн курта хухыттийттымын, иньсистэмын, хой мис поших антом.

— Па, унтны ант хийтэмын! Иса томесл. Я, Мишка, мин питэмынны мантув.

Па курынг вой поших Даша ювпины хухытмыс, хоты тув анкет ювпины хухыттис. Даша хоси симись эптынг тэтот ус, па тув иситы яма курынг вой поших сапыт па шанш куншис, метмотты тами нэ курынг вой нятымны верынттым киньси.

Унт пирысь тавытты ики мотты хотлэнгкет хоси верыс, хун унт эвыт нявремнгын курынг вой поших пита хухытсангын.

— Сятсяси, ванта-сар, мин мис поших тусмын!— Даша увыс.— Тув унтны томтыс, анкет эвыт хасис.

Пирысь ики „мис поших“ пета вантыс, сятта нявремнгын пета ухыт кавсяттэ.

— Па хотся нын тувыт вусэти?

— Унтны, сятсяси,— Даша тэрматыс.— Тув унт хары хуват янгхыс, миныт касятыс па мин хосемына пайты. Па тув ма ювпемны сам ёхтыс. Ванта, ма эвыттэм ант мантл.

— Ситы, ситы, анкет хатыс муй порвоетны тэсы. Си тув, нушаинг от, нын хосетна си вуратыс.

— Па муя, сятсяси, хатыс? — нявремнгын осьхося питсангын. — Пакыт питны курта маныс.

Пирысь ики ёш ревемыс:

— Эк, оштэнгын, ия там мис поших? Там ошты вой, курынг вой поших.

Нявремнгын нют пета ангкырмыснгын. Курынг вой поших? Си муй пись! Даша курынг вой поших саптыт эвыт апытмытэ — роман хухытмыт.

— Сятсяси, а муя тув мин хосемына йис?

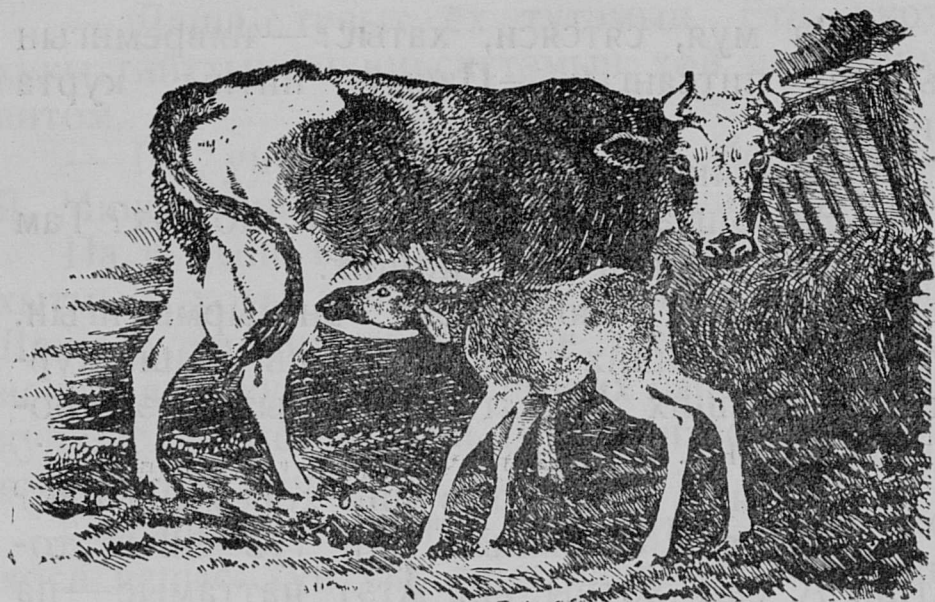
— Си пата си маныс, муй тув ангки тохытпи. А сам хотны ай. Атэт паттамыс — па си кашинг хоят хоси йит. Па тув, мосынг, ханнэхо отынг пуш вантл.

— Сятсяси, па хотта мунг тувыт тутэв? — Даша иньсисыс.

— Хотта тута? Тув мунг хосевны ат утл. Тувыт йиратын-сар, нын ювпетны тутн антат хухытмыт, а нын пакыта хухтыйтатн па Рыжуха вошататн. Мунг тувыт (курынг вой поших) луньси эсым йингкны сюньтлтытэв.

Нявремнгын курынг вой поших йирысэтн па хухытмыснгын. Сора тын пира ёхытсангын, мис тусэтн.

— Сятсяси, сятсяси, хота курынг вой поших? — ий турны нявремнгын увыснгын.

— Татынг, татынг нын курынг вой пош-хэтн. Рыжуха мис хота туватн-сар, сятта па курынг вой поших уйттув.

Пирысь ики ов пуншис па мис вошатыс. Нявремнгын пирны тангсангын. Шангк каты хатл ювпины мис хотны патлам ус. Пирысь ики мис эвыт шунши тарпытыс.

— Я, вурты, мана!

Роман хувын утты сунгны мотты хошамтта питыс. Даша вантыс. Курынг вой поших... Муя па тув тата? Рыжуха па ант вохым мой хо шиватыс. Тув паттапынга омыс, ухыт

эслсытэ па паттаптыман курынг вой поших хоси хатымыс.

Даша пакныс. „Мишка хатыс!“ Сэмнгыт лап ханьсытэ. „Па муя тув ант увыт?“ Сэмнгыт нох пуншсытэ. Си муй пись! Мис тотыл ухыт эслман па курынг вой поших эпсыит. А тув Рыжуха эвыт ант патл, тувыт па эпсыйтсытэ, курынг вой поших Рыжухая нётл ноттэ, сятта роман ухыт тув хонтла лукемыстэ, эсым уйтыс, нётлны пухытмыстэ па шепта питыс.

— Си хошим отны сюньтлсэв—пирысь ики няхыс.

— Сятсяси, па муя Рыжуха тувыт (курынг вой поших) ант пухыттэ? Хоты ситы?—нявремннын увысннын.

— А нын ситы ат хорытатн, Рыжуха рома ат йит,—пирысь ики тынэтн туйны усис.—Ократа манатн.

Ократны пирысь ики хот пунгыта омсыс па осьмарынга сэмыт ханимтыс:

— Ма хосемны ант хантл. Ма симись ясынгу утым.

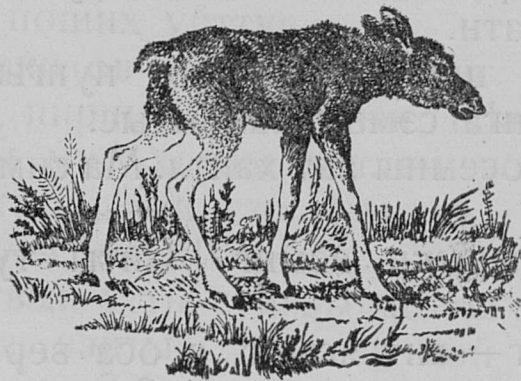
— Муйсыр си ясынгу? Ситы тув нанген хутмыт.

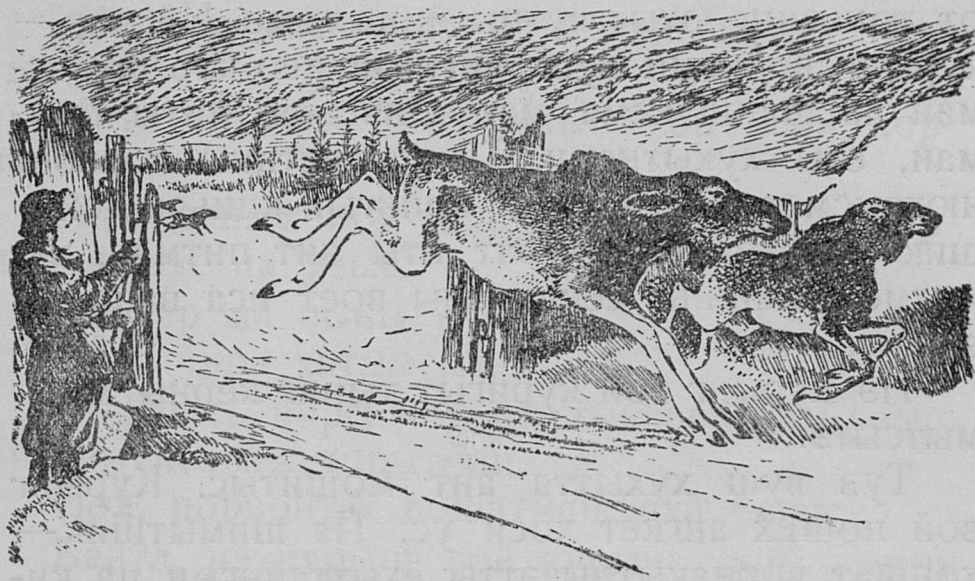
— Ясынгу—ант ясынгу, а оса вер. Ханнэхо тув нявремыт хотсат уттэ? Сэмны. Я, а вой па ёш вой—нётны. Эпыт посны. Си нын хун

мансын, ма курынг вой поших мис хота тат-
сэм па мис посьны тювытсэм, тутн тув Рыжуха
эпытны ат авыс. Рыжуха эвыт мис поших ву-
сув, па тыныйсув, тув иси путя кантамыс па
курынг вой поших хоси наптыс: хой тамись?
А хухытмыс па эпсэмыс—тув отл. Интам ку-
рынг вой поших тувет пох патся питл.

Етн пирысь ики нявремннгын пита мис хота
ангкырмыс. Рыжуха курынг вой поших пита
сонтых ухтыны отсангын. Мис ант мосман
увыс па хатымыс, курынг вой поших пунгытны
лап ханятман.

— Ант вутэв, ант вутэв, ат пата! — пирысь
ики няхыс — Оша павыттэ, тув отл. Я, нанг
яма ота.

МИТЯ ТУХСЫТ.

Ий пуш декабрь иськи тылысьны нэ курынг
вой пошхыт питны тюк поит хоси отсангын.
Нова йита питыс. Турым хар вурта йис, а тонь-
сьны лап тувым унт, иса новы хусты тотис.
Рав нох сутты соитты юх нувит ухтыя па
курынг военгын шаншнгын ухтыя парыс.

Курынг военгын мангынгын.

Роман хотты пета иса ванны тоньсь сехыр-
мыс. Нэ курынг вой тавтэмыс. Мотты хопшат

от тоньсинг юхыт кутны йипылмыс. Ий мар — курынг войнгын вуш, енгкынг кер кар шукатман па шанш кема мат тоньсьны йиты манман, еты хухытнгын. Тын ювпетны порвоет нюхтысмет. Тыв курынг войнгын киньси кенышик усыт па кер хуват иты ант питман, хухытмет. Кашинг секунданы воет иса вана, па вана...

Нэ курынг вой курнгыт тыинг керны мушмытсытэ.

Тув вуш хухытта ант мошитыс. Курынг вой поших анкет хоси ус. Па шимытшик — хопшат ворнакытны этты ёхыттайнгын па кытынтак маншитайнгын.

Етпины хары, саплот унт каравытситы хот пунгытны, овыт вутнга пуншман.

Курынг военгын ий мар кемны нох тотьсангын: хотта манта? Пирны исат пунгытны тоньсь сехрат — порвоетны этты си па ёхыттайнгын.

Сиртны нэ курынг вой, хасим юртат акытман, пайты ов пета наптыс, курынг вой поших — тув ювпета.

Митя, унт тавытты хо пох, хот етпины тоньсь хирыс. Тув вураны ий пелыка торытта алэмыс. Курынг военгынны тув хась йиты павты.

„Курынг военгын!.. Муй тын пита, хотся тын?..“

Митя ов пета йира тукыс — ов хоси порвоет.

Пох шаншл нох торытыс, па тув сита сарны усемыс па увыс:

— Сар ма ныныт?

Воет йира хатымсыт.

— Пирсь, пирсь! — Митя тыв ювпетны увыс, ов ким пелыка торытман.

Пох, порвойтат вошатман, ёхи ёхтыс.

Вантл, нэ курынг вой курынг вой поших пита хувын утты сарай сунга тангсангын.

— Си хоты паттамыснгын, иса торыйтынгын — нявлыка Митя лопыс. — Нэмотты эвыт ат пататтын. Интам ант хантыт.

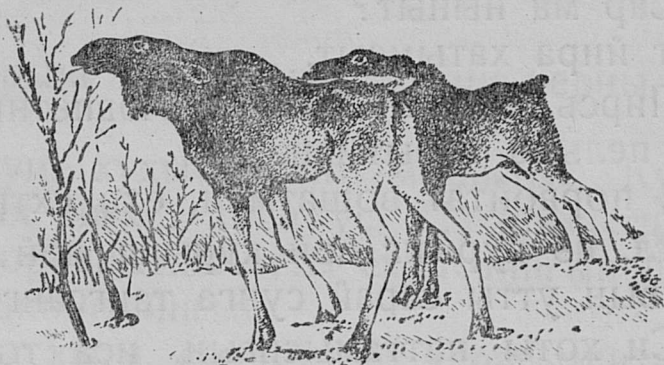
Па Митя, аиттыте ов эвыт йира манман, ёхи хухытмыс лопта, муйсыр мойнг хоит тыв хосета ёхытсыт.

А курынг военгын ократны тотьсангын, паттапэти маныс, па йира унта мансангын. Си пора эвыт тын иса тат мар каравытситы хот пунгытны уснгын.

Атынга, школа пант хуват, Митя ванкутл хувыттасыт унт харны курынг военгын вантсытэ.

Тын, пох касятман, ант хухытсангын, а туп,
тын уны патнгытын тоньсьман, тув петангыт
вантсангын.

Митя тынэтн ухыт кашинга понтсытэ, хоты
йис тухыснгыта, па еты хухтыс.

МОЙПЫР ПОШИХ.

Ий пуш мин унгх эвыт мойпыр ким рувыт-сэмын па ветсэмын. Вана ёхытсамын па унгхны хоят нингхратл. Ма пит хоем потыртл:

— Мосынг, пошихтат...

Тув унгха тангыс па тотта кат мойпыр поших ким татыс. Тын ёнтты мойпыр поших тампенгын уснгын, симись нямыкнгын па кутнгын.

Хоты мойпыр пошихнгын хатл па унт касятсангын, амытсангын, па тоньсь ухтыны тасятсангын.

рынтта нарымсангын. Тын тоньсь итпины, унг-хытны сэма питсангын, туп интам отынг пуш новы тахия тикымсангын. Мойпыр пошихнгын ханнэхо отынг пуш касятсангын па иса ант патсангын. Мойпыр имины тын хотна ант унтлтайнгын ханнэхо эвыт патта. Мойпыр пошихнгынны мунг катансатув эвыт па ван ошнитув эвыт каттыйсаюв, мет там ошты военгын антомнгын, а ётн ократны утты амп пошихныгн.

Ма мойпыр пошихнгын ёш ухтыя вустам, па хунгын пата ханемытсам. Па вой ветты хоит ветым мойпыр ими ёштат, куртат йирысаит, па кут ныр ёштат, куртат мухты си морхы. Сятта мойпыр ими тангкыр ухтыя понса, па мунг унт эвыт ёхи мансув.

Ий мойпыр поших унтны ма вой ветты тухыстамны вусы, а кимит мойпыр поших ма пирысь ики хоси тусэм. Си пирысь ики хотытны ма хоттасым.

Пирысь ики мойпыр пошиха шенгк амтыс:
— Си минэмын пирысь имемны умысь питл!

Мунг мойпыр пошиха сюкун аныя эсым йингк понсув па хот хары куттыпа омыссэв.

Мойпыр поших лакка хув янгхыс, ёнгхрыс, нётл эсым йингка нухтэ, па сятта иса тохе шошимсытэ. Тув туп там унта анкет шептыс-

тэ, па сютны сюкун анэвыт яньсьта ант хошис. Мунг сиртны па сюкун аныя эсым йингк шошимсуб.

Ма хот харыя омсым па туем эсым йингка эслсэм. Мойпыр поших туй пета вантыс, сятта-тувыт нётэмыстэ, — эптынг, туй иса эсым йингкны. Мойпыр поших айттыте туй тута вустэ. Туй шепыт па иси путя эсым йингк ёхи татл.

Айттыте ма мойпыр поших тут эвыт туем вусэм, а тув туса тэсятыйтман, нях кема ёнгхырмыман па эсым йингк пукаит эсылман иса эсым йингк яньсис.

Хун мойпыр поших яньсис, тув хошим кур пунгыта хот хары ухтыны ниньшис па отыс.

Мунг тэсув па па отсув. Пирысь ики имет пита кур тангытны, а ма утас ухтыя отсым.

Роман ювын ма паттапынг сый эвыт нох верытсым. Оша ант павыттэм, хой тамиты сялыт. Асвесея вуситсэм па ванттым: мойпыр поших ант отл, хот харыны янгхыт па шать кема иса хот сыя, няврем иты, увыт. Тув нох верытыс, иськины певымса, кур хурытыс, хот тыпины иськи па патлам. Мойпыр поших пакныс па увта питыс. Муй тув питлңы верта?

Ма нох тотимсым. Кур нох атьсэм, сюкун аны тыпия эсым йингк шошимсым. Мойпыр поших тэс па тут хоси отыс.

Ма па отым. Туп воимтаим—хуттэм, паси мойпыр поших увыт. Паси нох китсым, асвесея вуситсэм, утас ухтыя омсым па лоптым:

— Муй нанг, Мишутка, сялтын? Муй на- нген мосл?

А мойпыр пошихны мет оша верта, муй тув питлны потыртыт,—ма хосема хухытмыс, маныт ёшнгытны курем эвыт катлтымсытэ, нох вуратл.

— Я,—тувет лоптым,—яха оттымын, атэт паттын ки.

Тувыт вусэм, утас ухтыя пунгтэма понсэм па ошнины лангксэм.

Роман хуттэм: мойпыр поших ма ёшем ёшнгытны эпыттытэ па тув хосета таттытэ. Ма туем таттэ, тута вустэ, па шепта питсытэ.

„Ай нанг,—нумыстым—ошты ай отыте! Я, шепе, шепе па туп ота ат сяла“.

Па мин ситы така воимсаймын, атынга пи- рысь икины вурана нох китсаймын.

ТОХАТЫМ МОЙЦЫР.

Вой ветты хоит янгкем хатл мойпыр ювпини нюхыттисыйтмет. Ветта ант мошиттэт и унгхыта отта ант матэт. Туп тув отл, паси пакныптытэт. Вой ветты хоит хотна ветпыс вер путянгыт ант утэт, а мойпыр хутты ус: хоты нымыт сый тоньсь хуват хутмыт, интам нох торытл — па еты хухытмыт.

Вой ветты хоит вантыт—оса вер антом тамись вой ветта. Номыс версыт нюра-вара мойпыр ант пакныптыта, а кемынга тайта, хотта тув отл, па мат тоньсь унта ант ханта—тувы отл. Ситы версыт.

Кат тапыт парыс. Мет шенгк тоньсинг февраль тылыся йис. Февраль тылысь отынгны лопта: „Февраль ёхытл, иса пантыт (юшит) лап тут“. Кашинг хатл кем тоньсь па во-тас.

Иймоттыйтны, ювын, турым нох сайкымтыс. Атынга хатл похныс, па вурткам па этыр хары вуша тумтыптым унт нох хуттытэ. Иса юхыт тавырт ватаинг ошнета ёврысмет, новы милыт понсыт, нувтат йиты эслтат, мет ёштат уны пунынг посыт тыпины.

Си атынга вой ветты хоит паси унта мойпыр ветпыса ёхытсыт.

Туп там пуш атэт ант ёхытмет—пирысь мойпыр ветты хо—Никита аки нётта вохсыт.

Никита сам мойпыр хорасып—уны, мак-рынгшик, веншл иса тюк тушны энымса, а иты эслсым сэм хутимнгыт итпи-эвыт итья сэм-нгыт суттытнгын. Никита нымытны йит, ий курыт эвыт па курыта кавысьхийтл. Хотсат вуш курым верл—аръятэ тувыт нюхытта!

Унта ёхыттытат унта иса айкем вой ветты ёхтат юрты паиттэ. Каша питмет, муй мосты тахета ёхытмет.

Унт харыны тотьсыт, ампат том тюк унт тахия эслтат—хотта ювотынг пуш мойпыр лангкыс.

Вой ветты хоит хонгхса татсыт па унт хуват ара мансыт.

Ий сёс парыс, кимит. Ампыт иса тюк унт тахи янгхсыт, кашинг ай юх пай эпсыйсыт—унгх антом. Мойпыр антома йис, мет мув мухты кериис.

Вой ветты ёх паси унт харыны актысьсыт па ант утэт, муй еты верта. Никита аки тухыстат эвыт иньсисл:

— Мосынг, мойпыр таттасыт маныс. Нын пантл туса кусьсэти?

— Па, кашинг атынга тюк унт тахи лакка керытыйтсув. Ким маным пант ант ус. Мойпыр ант этысыс.

Никита сита сам номыса питыс: „Хотта тувет манта? Тув пуритта таттасыт ант мошитыс...“

Роман Никита амп хувын тюк унт тахины хорытта питыс. Вой ветты хоит пушкантат вустат, па амп сый пета хухытмысыт. Ай юх паит этты, рохним юх паит этты вураны

ёхытсыт. Ванттыт — си кем торас вер: амп тангки мойпыр патся уйтыс. Амп ёхым юх итпины тотъл нохты пета вантл па хорытл.

Ёхым юх тый вутынг. Иса юх нувытны лап понман, тангха, сыры моттысыр уны тохтынг вой тыхыт ус, а интам тоньсьны иса лап тусы, па нэмотты ант касяттын.

Вой ветты хоита тораса йис. Айкем отыт эвыт хоят лопыс:

— Там ветпысны куш тангки ат тутн ветта. А мосынг тота куница ханемыс. Туп тотта тувыт тавырт ким вошатта. — Вой ветты хо пушкантл нох атымтэ па юх тыя эсылтэ, вой пакныптыта тутн.

Роман юх эвыт юх нувыт па тоньсь хоты йиты парымсыт.

Мотты уны от иты кериит — па пайты ёх ухтыя. Вураны еты торытсыт. Ванттыт — мойпыр.

Мойпыр тоньсь ухтыя вой ветты хоит кута кериис.

Нох торытыс — па хухытта.

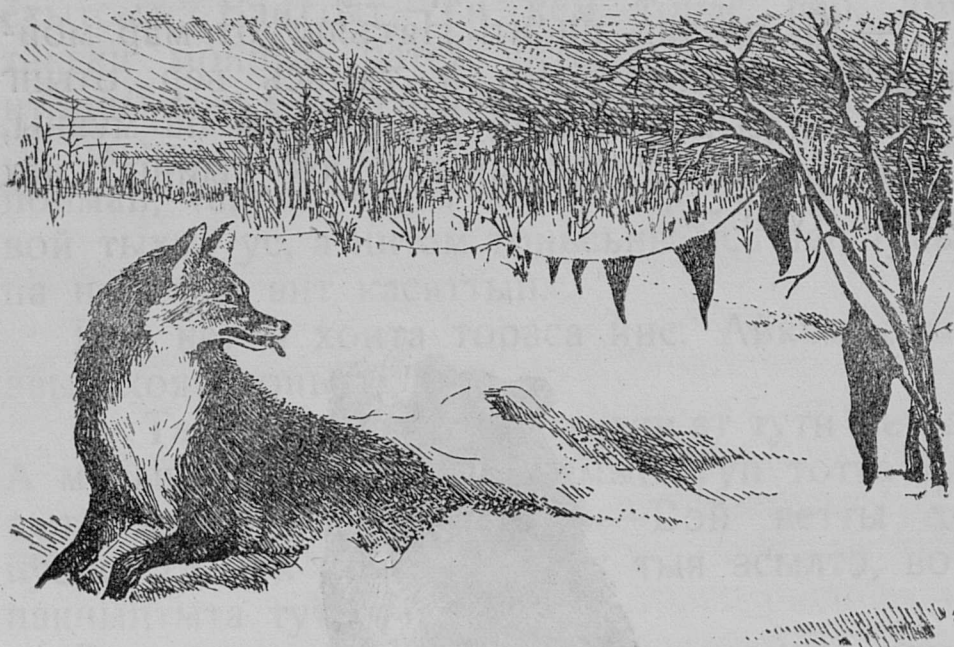
Ай ёх паттамысыт, вой пета вантыт па пушкан эвыт ант эслтыт. Па ситы тутн паси маныс, туп Никита ям вер верыс: пушкан вус па эслтыс.

Вой вангкылмыс па кериис.

Никита аки ёшнгыт ара тустэ:

— Я, па там писит! Нятыянг от мар мой-
пырыта ветпыстытым, а тамись вер отынг
пуш вантсым: мойпыр унгх антом па муvны,
антом па тоньсь итпины, а юх тыйны унгх
верыс тутн.

ВОЕТ ОСЬМАР.

Там вер тат сохынты артны ус, хун тоньсь
шенгк мат па тохны янгхта тавырт ус.

Мин Пахомыч пирысь ики питны хатл мар
хускем верста харет па унт паит хуват лакка
мохытсымын, а ветпыс иса ант тикмийтыс. Ма
иса вевты йисым. Пушкантымын па сумкаты-
мын тохытпи, мин пормысны шавиим ныпты-
мын тусмын.

Ма вуш ветпыса ямастыпсэм иса тохатсэм, самем шенгк вохса па вураны пирысь ики ювпины шушсым па тув пакыпсэта умысьсым.

Мин мотсыр карысь репа хунгхсамын.

Ротан Пахомыч манэм ёшлны ревемыс. Ма тэрмат тув хосета шушемысым па тохе ангкырмысым, хотта тув памтыс.

Хувын тоньсинг харны мотты тытынг от пита катыс па хатысыс.

— Тами тув, тюпием, тэнгкрасьман янгхыт, — пирысь ики кашинга лопыс.

Сумкаем эвыт ма бинокль вусэм, па иси курымны тэты па вевты верем ёремысэм ма етпемны сыстам тоньсь ухтыны пунынг вурты вой тарантыс. Тами вохсар ус. Кати иты тув омсыйтыс, аръятман торытыйтыс, ухытны тонься тангтыйтман, па сорашик етпи курнгытны тоньсь ара хирман. Сятта паси лакка навыртыйтыс, вантыс па йитпа торыттис. Бинокль лысыт пись версыт, мет там тавытты итны ошты вой ма етпемны ант патман тарынтл. Вохсар хар тэнгкрыт ветпыстыс, вой ветты ёх сирны „тэнгкрысма“.

— Я, вантта тармыт, вуш патлама йис — Пахомыч лопыс. — Ванта, хатл иса тэта йис, унта нюхытта мосл па татта...

Мин реп эвыт эстысмын, па кат пельк эвыт аиттыте вой хоси хаттытта питсамын.

Мин веремын ус — вохсар ант пакныптыта, а туп тув тэнгкрыт ветпыстыты кумны ант мата. Вохсар там йитытны хува ант хонтат, а ван унта мантл, ханемыт па тота тавытл, хун ант вохым мой хоит мантыт, па ветпыс еты верта.

Исат ситы си йис. Хун миныт вохсар шиватсытэ, тув навырмыс, сот курым кем хухтыс па омсыс. Сятта паси навырмыс, ант тэрматман ван унт пай хоси хухтыс па тота лангкыс.

Мин вет муй янг минута кемны вуш унт хоси ёхытсамын.

— Я, интам сорашик, — Пахомыч, тангкыр эвыт ныпыт нык ювытман, команда мас.

Ма иси вер версым. Мин ныпемын эвыт хув вась шуншия ёнтым вурты лансяк флажокыт татсамын. Кашинг хоят тув вась шунши отнгыт юх паит хоси йирсытэ па арсыр пелька унт хонинг хуват вась шуншемын тёрнгыттыман па тувыт юх нувыт па юхыт хоси тахырман эстысмын.

Вурты лансяк сюнγκыт кены вот эвыт торыйман па новы харны катман, тоньсинг нувыт кутны эстысмет.

Мин кат пелык эвыт ай унт пай симись флажокытны антыптымын, муй йитып кут хута ихтыйттаит.

Ма поталэм төрнгыттыта шенгк тэрматым. Ветпыс веремын сит эвыт ут, мин мосынг, тувыт моттыны паттамыман унт эвыт на-вырмыт па мантл, нур лакны тутэт етпины.

„Ма поталэмны кат верста кем вась шунши, па Пахомыч хоси па кат верста кем. Муй тармыт, тутн иса унт пай лакка тута?“

Кашинг курым кемны ма поталэм иса ая си йис...

„А-на-на, ант тармыт!“

Па си, хун ма вуш ювпи янг метраем төрнгытсым, етпины кена тоньсь сый сатис, унт паит эвыт Пахомыч шашис.

— Тармыс! — мин яха лопсамын па шунши отннгын нюта йирысмын.

Флажокынг лак нюта ёхтыс.

— А ким маным пант ант утыс? — Пахомыч, тотьман па венш сякыт эвыт шангк йингк мунгхысман, иньсисыс.

— Антом, ант вантсэм.

— Си, тангха, ант маныс лап татта етшимын.

— А мин, Пахомыч, ёх ант хасьмын? Вуш

патлама йис эслта — ма, унта атьман, иньси-сэм.

Хатл омсыс, патлама йис. Хувын утты юх паит етн этыр хары патламны томытыйтмет.

— Мин тамхатл тувыт ант хантэмын — ма тухсэм лопыс. — Хатэвыт там вер версэмын. А интам курта шай яньсьта па отта мантымын. Атынга етн киньси оинг.

— Пахомыч, хутнта, тув ия етн па лак эвыт ким ант этл?

Пырысь ики няхемыс:

— Ат пата, вуш лап йирысэмын ки — отнгыт. Антом вохсар, антом порвой флажка сэвыр мухты ант мантл.

— Ювын флажкаит ант каттыт.

— Воины тыв ювын утыит. Ант уттэ ки, нётлны хуттыттэ. Тыв эвыттэт ханнэхо эпыт. Ёхытл, нётлны эпсымыт: атым вер — па пира, па ситы си лакны, мет осьны омыста хасъл. — Пырысь ики кашинга сэм рапсымыс: — Туп туса эста, мин отэмын питл. А вуш хун ант хойтын, сирны нангыт тьявтыпта, тув паттамыман флажокыт этты торытл.

Мин ван курта хотта мансамын. Ма мантэм сахат нумысым: „Иса марны вохсар номсыннг па осьмарыннг воя тунгыта, а муйсыр там номыс, хун тувыт ситы ки кена осьмарытта!

Унт лакка шунши лансякыт питны татсамын, вохсар татынг ювын лакны омыста питл па тавытл, атынга ёхыттыт па тув эслта“. Ма нэм моттыя атма йис, муй мин, ханнэхойнгын, тамиты кена па оса унт иты номсынг вой осьмарынгсэмын.

Туп атынга новашик йис, вуш мин мосты тахемынны усмын.

— Я, Егор Алексеевич, интам атым вер ат-вера.— Пахомыч ма петангем хусты лопыс.— Унта мана, хус курым кем флажокыт эвыт унт паит кута тотя па вантыйта, а ма унта танг-тым кимит пелык эвыт. Нанг хосена манта питтым, айттыте шухман. Вохсар, хун хутмыт-тэ, навырмыт па унт хонынг хуват керитта питл па пайты нанг петанген торытл.

Сирны ат тэрмата, эстэ.

Пахомыч юхыт сайны лангкыс. Ма уны юх пай хоси тотьсым. Тавытты минутаита си йис, туп тыв вой ветты хоетны уттыит. Лакка шенгк сыйты ус. Иса унт новы, соиттыны тумытман тотис.

Ма етпемны мотты каремыс. Юх паит эвыт тоньсь иты парыс. Ма нох канирнгым, сорашик пушкан курокингын тэсятсытам. Интам тюк тахи эвыт пунынг, вурткам, па моссыр каркам вой, там ант нэхатты унт сай эвыт катсыт.

Секунда, кимит... Антом, нэмхойт тюк унт сайны ант нэхатл. Тангха, вотны юх нувыт эвыт тоньсь иты потса.

Ма паси пушканэм ёша лонсэм па тусашик тотьсым. Шенгк тавытман мар шенгк хув йит. Татынг сёс мара йис, а ма исат кашинг сыя хутман, тотьсым.

Па ротан паси кены тоньсь сехырты сый... Па сыингашик...

Антом, там шоп. Паси юх нувыт эвыт тоньсь татынг пайны иты парыс.

Тытэм ёх ермыс. Ма тэсэйттым, тавыт-тэм...

Нувыт ара манмет, па тотта Пахомыч тоньсинг ух катыс.

— Муй вохсарен эя эстэн ким? — ма хо-сема ювман, тув кантынга лопыс.

— Хоты ким эстэм?! — Тув тата ант ус.

Пахомыч тотимтыс па ёшнгыт ара тувемьтэ:

— Хоты ант ус? Хотта тув маныс? Ма унт иса хуваттэт янгхсым, вой унгх антом, па тамись ай унтытены тув и ант питл.— Пахомыч ухыт ревемийтыс.— Мосынг, хотты пета тюк тахины ханемыс. Мантым па янгх-тым.

Пахомыч паси унтны лангкыс. Вет минута кем ант парыс, хотсат хувытта тув маныт вохыс.

Ма тув хосета тэрматсым.

Пирысь ики унт хонынг хоси мотты тоньсь ухтыя вантман па ухыт кавсяттыман, тотис.

— Ванта-сар, Алексеич, муй мин кумаемын ювын верыс,— тоньсь пета атьман, тув лопыс.

Ма ёхытсым. Тюк унт тахи эвыт унт хонынга вохсар пант маныс, ветхосьянг курымкем флажокыт хоси ант манман, ротан антомайис. Там тахины йитып нох хирым тоньсь пай катыс, мет вохсар тох лап хирыс па тота хасис.

Иси путя ма оша ант версэм, муй вер. Пахомыч, ма терыпсымем уйман, унт хонынга флажокыт том пелыка атис:

— Нанг том хотта ванта.

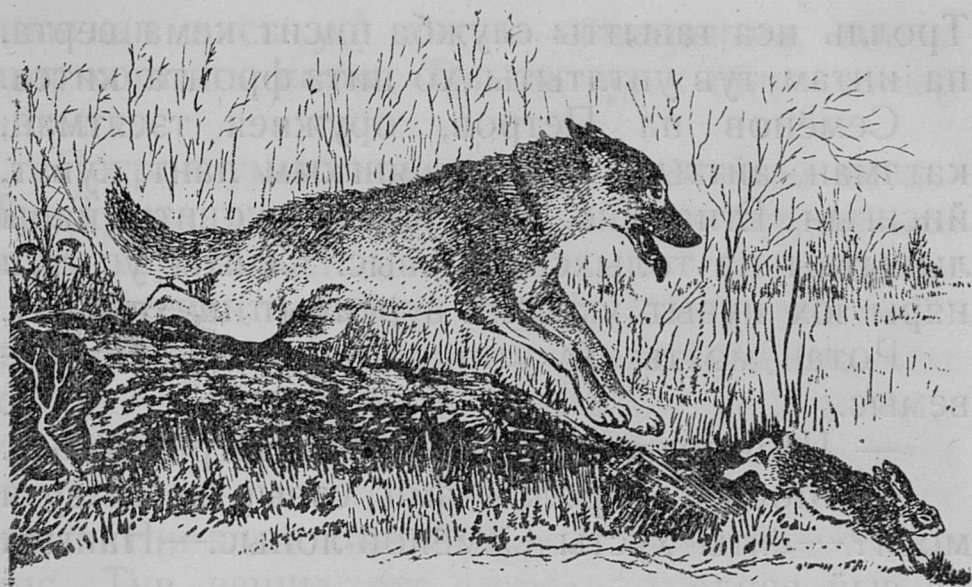
Ма ангкырмысым: янг курым кем флажокыт сайны кимит тамись нох хирым тоньсь пай— па пайты тув итпет-эвыт хара вохсар пант маныс.

Сита ма иса оша версым: вохсар ювын унт хуват янгхман, хоты тувет мосл, пайты флажокыт сэвыр этты манта патыс, тув там вер

тув сирлны версытэ. Тоньсьны вус хирыс па
там „патты тахи“ тоньсь итпины вангксытэ,
а сятта хар хоси ёхтантыс па маныс.

Мин ситы унт эвыт нюра си ёхытсамын.
Вохсарны мин осьмарсаймын. Номыс шук,
осьмарсытэ антом ханнэхо иты, а тув вой
сирлны.

РАЗВЕДКАНЫ УТЫМ ВЕР.

Лейтенант Семёнов па боец Николай Петров разведкая мансангын. Семёнов туп там ванны частя ёхтыс, па Николай отынг пуш йитып начальникыт утты шоши оша павытта тустэ. Тын унтынг тув хонынг янгхсэти, па пира ёхи йиснгын.

Уны хопшат амп Тролль, Николай панны янгхты тухыс, хутмит разведка участника ус. Тролль Петров хоси кутия уттэтсат тикмыс. Тув Петровны унтлта пограничной школаны,

Тролля иса тавытты служба писит кема верта, па интам тув унтлтыты хо пита фронта китса.

Семёнов па Петров, оружиея тэсятман, катлман, айттыте хув ант янгхым пант хуват, йиснгын. Етна йис. Тыт рувны сус иты няры лыпытны па толахсыны авыс. Сыйты ус, туп няры юх нувыт ухтыны вурсикыт шухийтмет.

Ротан мотты от етпины картемыс па шивемыс.

— Шовыр пакныптэв—хусты Петровлопыс.

— Мосынг, Тролля амп сэвыр эвыт вута мосл?—ситы хусты Семёнов лопыс.—Напытл па сый верл.

— Ат пататы, товарищ начальник,—Петров, няхман, лопыс.—Тролля атым вер ант верыс.

Разведчикнгын еты мансангын. Вуш куртэтна мантэтнсат, тын тюк пой юхынг тахия тангсангын.

Па си мотты унтны сымытыс. Шовыр пант шупа торытыс па юх паитны томтыс.

Тролля шук кемшика юх паит хоси хухытмыс, мува нётл нухсытэ, тотимтыс па ротан курнгыт муйкем лангкым вой ювпины наптыс.

Петров там пись эвыт тытл ёх ермыс. „Си нанген!“ Тув Тролля шухмыс. Сита хун ус! Туп унтны хува питым сый сатис. Па ротан (тами

шангкап пиль ус) антом сёнгхрыпты, антом
амп хортыты сатис: Тролль тур сыйны шовыр
нёхыттэ.

Петров умысь эвыт ант нёхамыман тотис.
Тув Троллит, исат хутнтыйтым Троллит, тамись
атым вер верыс!

Лейтенант етышик тотис, йира керытман,
па ий ясынг ант лопыс. Николай мува сатыпты
кем ус. „Тув турлны ант хорыт,— тув нумысл“.
Имоттыны иса хуста йис. Сятта хотты пета
иса ванны лыптыт шовеммет, па Тролль юх
паит итпи-эвыт ким торытыс. Амп тавырта та-
тыс. Тув веншл иса шовыр пунып ус. Тув
полшинг тякыс, тарынтман нятмытны тутл эвыт
пунит ким ювытта. Кусяит хоси шушимман,
тув вевты отыс.

— Муй нанг версын? Шовыр каттын! —
Николай туп мошитыс лопта.

Тув ампыт ант сэнгкта: интам муя, атым
вер нох ант иймоттэти.

Лейтенант, Николай пета ант ангкырмыман,
лопыс:

— Кет антыпа вута! Ёхи!

Вуш куртны, хотя ванаыман, командир
Николай пета каремыс:

— Амп хатэвыт йира вута. Уксим муя
тайта — па ова тангыс.

Николай ант уйтэ, хоты ёхи ёхтыс па норы кериис. Тухыстат актысмет.

— Муй нанг питэнны? Муй вер тывыс?

Николай нэмотты ант лопыс.

— Па нын муя няврем хоси торастыты, вантыты, атым ханнэнгхоя,— хоят шатитман лопыс.

Боецыт йира мансыт, отта тэсэтыйтта нармысыт.

Там ювын кат хоят хотны ант отыс: Николай па Тролль. Амп мет оша тайтэ, муй мотты атым вер тывыс. Тув ант нёхамыман кусяит норы пунгытны тотис, тув номсынгу ухыт тох понман, па иса Николай пета вантыс. Николай там ошинг ханнэнгхо хорасып вантыпсы пета ант мошиттыс вантта. Тув, отты лотны керитыйтыс, амп пета ант вантыс, ант нумыста, отта. А отта тув ант мошитыс.

Иймоттыны нова йита питыс. Николай нох тотис, винтовка вус па тэпынга этыс. Тролль кашинга тыит ревийман, иты торытыс па, тув нётл кусяит пета кериттэ, мет тувыт тув питэтны манта вохтыттэ.

„Ошты! Па каш верл, унта вохтыттэ,— Николай нумысыс.— Я муй, тухсэм, тангха нанген унтны хатта. Исипа антом па ократ овны“.

Па Николай, ампыт амп сэвыр эвыт вуйман,
паста унта шушмыс.

Тув самытны марсем ус. Лакка хасим лып-
тыт парийсыт. Няры юх нувыт ухтыя иськи
йингк сэмытны шив питыс. Унтны иськи, нюры
па марсема ус.

Там пои пай, хота мотхатл Тролль шовыр
ювпины нюхтысма. Пант эвыт амп йира ке-
рытыс па унта понантыс, ангкырмийтман, панны
кусяит вохман.

„Паси тох таттыттэ,—шук кема Николай
нумсыс.—Я, ангкырмытым сар там шовыр пета!
Тролль тыв петангыт иса унтлтыпсыт ёремыс“.

Юх паит хоси хотна патлам ус, па Нико-
лай, нувыта вангклытман, туп амп ювпины
маныс. Тролль тюк унт тыпины нох тотис—
мув ухтыны тув етпетны хопшат хатым шовыр
отыс. Николай туса вантыс. Вой сох па та-
хетны менымман ус.

Ротан Николай шиватыс, муй кашенг та-
хет моттыя нова каттыт. Николай иты мены-
тыс, кашенг тахитат ханыс па нох торыйтыс:
рава маншим сох итпины тув антом нёхи,
антом вур, а симись пун матымтыс. Муй пись?
Там вой кат сох таис!

Николайны тувыт паста новы тахия татсэ, па
пись вер эвыт увыс. Тами иса шовыр ант ус,

а хопшат шовыр соха тумтыптым, новы
ампите!

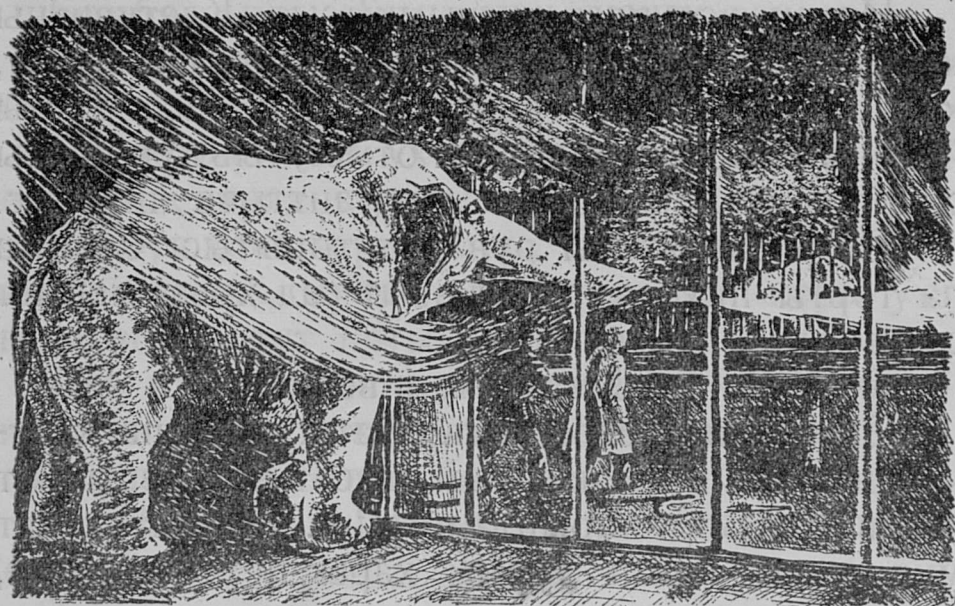
Хонтл эвыт туса лап тювтым конверт
катыс. Амп шовыр вушны нур хо письма тут-
тита ота ус!

Ситы туп Николай оша верыс: тангха, там
хой, а антом Тролль мотхатл нёхыттисыйтым
итны хорытыс.

Минута парым кемны Николай па тув тус
ампыт вуш юретн муйкем пира курта тынынг
ветпыс пита хухытсангын.

Начальник партыпсы „амп йира вута“ вер-
ман ус. Си вер сам Троल्लीны верса.

ТУТ ХУРЫТТЫ—МАНЬКА.

Кашинг хатл утыпсы парыс. Маркынг па няты курынг зоосад мирыт отта тэсятыйтмет. Отым тур сыйны васэт сатиймет. Патлам кутны хоят, тусашик тэсятыйтман, орыис. Васэт марыктатны шухман, ий матынг эвыт па матынг пуртисмет, па омыссыт.

Йингк матнгытны патлама сотыс, па тув ухтэтны, мет уны няврыт, отты хотнгыт нова катсыт. Иса патлама йис. Ювын ёхтыс.

Интам иса воет хусты питсыт. Клеткаитны курыкыт па ай сиськет мангынта питсыт. Вутэт, козаит па ханшенг воет отысмет. Иса хусты йис. Пум сорытты воет ант отмет, тыв пум кутны сихремымет, па ювын вот аиттыте шовиис.

Па ротан хусты рув нох торытыс. Сыннга па торты питы турпаит эвыт сад хуват яснгыт сатимсыт:

— Мир, рувынг паттам вер...

Па иса нох верытсыт. Матнгытны па клеткаитны, сыйны пакынтым, васэт нох верытмет па увсыт. Воет тарынта питсыт. Пантыт хуват мир, питы ювын турым хары пета вантман, паста шушийтсыт.

Хувын отынг пушкан сый сатис, тув ювпетны кимит, хутмит... Нохты тутынг этыр хары прожектор лентаит хунгхсыт. Турым харыя вангктыт, патнгыт матысман па пирийман. А патнгыт сай эвыт вуш паттапынг мотор сый сатис. Тами нур хо самолёт вош нумпины сэвыит. Хотты-пета ий пелькны си марымтыс — па мув нох торытыс.

— Фугаска ювтыс, — лев клетка хоси тотим каравытьситы хоит эвыт ий хо лопыс.

Паси марымтыс. Ёх клетка хоси хусты питмет. Кашинг хоят ий номыс таис: „Хотта керит?“

Бомба сый... Тами вуш шенгк ванны.

— Интам мунг хосева тайтэ,— паттапынга иси тур сый сатис.

Па ротан мунг ухтув нумпины пайты иты керийты снаряд шухмыс.

Ёх мув хоси керийсыт... Клетка хот тангыта мотты кериис, мухты маныс, па хот хары ухтыны восты тут нятым вуситыс.

Лев ими сыит питны решётка хоси торытыс. Лев поших анкет ювпины торытыс. Клетка хот харыны вуситты бомба тэсы.

— Шланг мия! Йингкны шошме! — дежурной увыс.

Тавытты хоит пожарной крана наптысмет. Шлангыт тэты бомба пета шашет.

— Йингкыт пунше!

— Пуншсэм.

— Йингк ант йит.

Па сита ротан иса оша павытсэт — бомбаны хотты пета йингк понты тахи шукатса, йингк антом. А тут нятым клетканы иса уна йис. Хот хары сохтыт тэтыит. Восты тут нятмыт юхыт нётыйтыт. Воет хоси вангктыт. Анги па пох, паттамыман, клетка сунга тангсангын. Лев поших ухыт лев ими ёш пат итпия лукемытэ па иса торыис. Заведующий ёхтымтыс. Мир клетка пунгытны тюкиймет.

— Муй верта? — паттап кема хоят лопыс. —
Ветрайны йингк ант вута.

Заведующий воет пета ангкырмыс па хусты
лопыс:

— Эслсыта винтовка эвыт... Ситы ант
тангта... Исат тэтыит.

Нэмхоят ёврая ант лопыс. Питы винтовка
тур клетка решётка мухты лукемса, па вой ме-
выта шашса.

Лев ими, тангха, оша павыттэ. Тув иса ми-
янтыс па нох торытыс. Кашенг атым сый тув
унгхыт эвыт сатис.

— Ат эстаты! — хоят увыс. — Ким эстаты.
Тув ёшны тайты от, ант хантыттэ...

— Ант мосл, — заведующий лопыс. — Хойны
уты, муй питл... Ветатн! — ротан заведующий
увыс.

А там мар мотты шоттиис, па тут хоси
йингк шотимыс. Па, па.

Иса умысьсыт, хотся йингк полыит. Хотся,
хойны шланг катлта?

А нюры шланг мув харыны отыс. А хоят
патлам тахи эвыт йингк шошмыс.

— Там Манька! — тавытты ики увтыс.

Иса ванны утты клетка хоси ангкырмымет.
Вантыт — карты решётка мухты слон нёт луке-
мыс, па тув эвыттэт тута пайты йингк шотиит.

— Ма номсынг отэм, шошме, шошме! —
самыт нох амытман заведующий увемыс, уны
клетка хоси напытман, хотя слон ими ус.

А Манька тув партытсытат тохытпи тувы
верыт вертэ. Тув нётла йингки тахи эвыт йингк
вут па ванны утты клетка шошимтл.

Манька па сыры йингк эстыйтис, хун няв-
ремытны нерат верынта. Интам тув тарынтыс
хувашик тув эвыттэт ант вохым тутынг от во-
шатта.

Сора тут хурйтса. Сирны слон ими хусты
питыс па мангынта нармыс.

А атынг сам заведующий тувет татынг ветра
эптынг булка тус.

Слон ими аиттыте вуитсытэ нёт тыитны, па
тута тох киттыйта. Тув ант си отынгны нум-
сыс, муй пата тамись сюнь тувет хоис.

ОШТЫ ПА ОСЬМАРЫНГ ОТЫТ ОТЫНГНЫ.

(Послесловие.)

Нявремыт, там книганы нын арсыр воет отынгны потрыт тунгытсыты, си отынгны, хоты тыв уттыт, хоты ханнэхоят пита уттыт, хоты нурынг оттат эвыт хонтатыйттыт, хоты ветпыстыт, хоты тэтот пормыстыт. Муй там воет отынгны лопта: тыв, номсынгыт муй оштэт?

Па, мосынг, тами и томи ант лоптын. Там хоть шовыр вута: тув шенгк номсынга верыт, хун оса тахины тув пантат тэрыптыт. Я, а муй симись вер Ушан комнатаны верыт? Тами вуш, иса ант номсынга.

Сит па пойтэкыт отынгны. Кашинг ат марны тывет шенгк ям, тыв нурынг оттат эвыт „та-

вытты вуштатны“ ханятыйтта. Тыв тунгын хопшатыт, а татэн новет.

Я, а Нохемыты-кур, муя ситы верыс? Эя тув ант уйтсытэ, муй тув хопшат пунтатны новы тоньсь ухтыны ант ханятта?

Муй, вохсар? Тув отнгытны моньсны моньсьта, муй тув иса воет киньси осьмарынг вой. А си вер оша ант павыттэ, муй шунши вурты лансяктатны — тами антом стена, антом ось, муй тув итпета мосл хухытмыта, па унта манта. А иса ант мосл тами пата тоньсь итпины вус верта.

Хотсат там верыт оша павытта? Тами пата сыры нумта мосл, муй воет туп моньситны нумыстыт па вертыт хоты ханнэхоит, а шопки тыв ханнэхо иты ант вертыт, а тыв сиретны, вой сирны.

Ханнэхо, мотты вертэт етпины, сыры иса нумыстыт, ухытны понтыттэ хоты верта, па туп сирны вера вуянтл, а воет хоси янас сирны.

Па итны воет оша ант павыттыт, муя тыв ситы вертыт, а ант янас сирны. Иса шоврыт, туп хоты унашик йитыт, тывы пантат тарыптыта нарымтыт. Тыв тамия нэмхоятны шовырыми — анкетны, па па хоятны ант унтлтытыит. Тыв тами сэма питмет вуш эвыт хоштыт верта,

ситы иты хоты хухытта хоштыт, торн маншита па юх кар нюнгхырта. А там Ушан унт эвыт комнатая тикмыс, па иса ситы си верыс, хоты тув камын, харны па унтны верыс.

Па пойтэкыт па лукыт па нэмхоятны ант унтлтытаита ханятыйтта, хун нурынг хо ванны. Тыв тами сэма питым хаттэт эвыт вертыт, ситы хоты сэма питым хаттэт эвыт вуш хухытта па сэмыт нухта хоштыт. Па хопшат Нохэмтыкур ситы верыс, хоты иса пойтэкыт, па иса ант нумсыс, си отынгны, муя тув тами верыт.

Кашинг тови мунг унттува па садтува тови моинг отыт — маркынг воет пурыттийттыт; тыхыт верта нарымтыт. Па айшик маркынг воет, нэмхунты нявремыт ант таинмет, а тыхыт ситы вертыт, хоты пирысь воет, — тыв нэмхоятны тамия ант унтлтытыт.

Унтны утты воет „яма“ тыв хоттат вертыт, „осьмарынга“ нур хойтат эвыт ханятыйттыт, „туса“ тэтот ветпыстыт иса антом си пата, хоты тыв иса сырыя яма нумыстыт па вертыт — ситы туп ханнэхоит вертыт. Воет аты оса верта мошиттыт, иса тыв вертат отынгны ант нумысман.

Воет вертатны нэмотты ант утым от ант тайтыт. Мунг осьхось ант вертув, муй мунг сэм питым вуш эвыт, ант унтлтыйтман, вуш

тэтот тэта, тыт татта, сэмны рапсатта, хутыт-
тита хоштув, па ёшев менымта, петтитаюв муй
каврым отны тэтыюв ки.

А шенгк осьхось си вер, хоты маркынг воет
ант унтлтыйтман, сэмыт нухта, хухыттита, пур-
тыттита, тыхыт верта мошиттыт, муй шоврыт—
пантат тарыптыта.

Туп ат нумсаты, муй воет исат туп ситы
вертыт. Утты маретны тыв ар вера унтлтыт-
тыт, арсыр вер оша вертыт. Ситы вуш тохытпи
номыс йит.

Туп сэма питым воет иса ханнэхоит эвыт
ант паттыт. Нын нумтэтн, хоты курынг вой
поших Даша пирны хотыта сам маныс, а мой-
пыр пошхыт, отынг пуш ким унгхтэт эвыт
татмевны, сита, ханнэхоят утты сахат, кашинг
ёнтыпсы нармыттымет.

Ханнэхо эвыт патта нявремыт ангкитатны
унтлтытаит, муй тыв сам тамия унтлтыйттыт.

Си тахетны, хота воет ханнэхоит питны
нэмхунты ант хунсянтыйтмет, тыв отынгны иса
ант паттыт. Уны учёной Чарлз Дарвин хан-
шис, хоты тув мувытны янгхметны ант уты
си мув пая тикмыс, хота нэмхунты ханнэхоит
ант утыйтмет. Ошты маркынг воет мув
янгхты хоит си кема вана эстыйттат, муй ёшны
тывыт катлта мосыйтыс. Туп си вуш эвыт, хун

экспедицияны утым хоит маркынг воет катлта па пушкан эвыт тьякта питсыт, воет шенгк сора ханнэхоит эвыт патта унтлтыйтмет.

Па там книганы мунг тунгтым вохсар, па шенгк ошты антом. Тув тув сирны, вой сирны, а исипа патты вер эвыт маныс. А там вохсар янас вой вотты хоитны флажканы па ки татта, тув па сорашик атым вер эвыт манта унтлтыт.

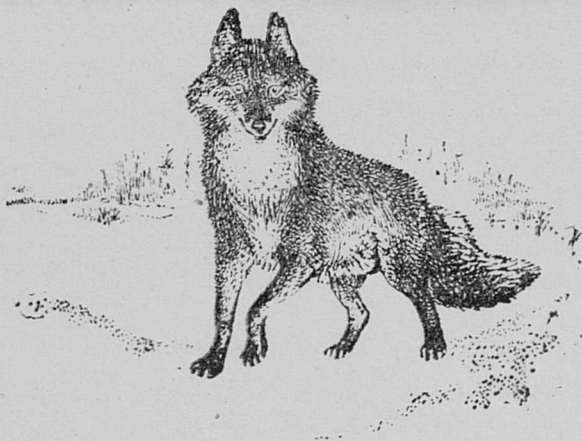
А Манька-тут хурытты от атма тув упыт-сяит йингкны нявремыт вошатта верта, хун тув йитып паттапыт от вошатыс, си паттапынг от, каврытсиман, ванны утты клетка эвыт тув хо-сета вангкметны?

А мет яма хар верыт па номыс ётн тайты воет хоси уттыт. Амп сора рахыт унтлтыта арсыр сыит ута, муйсырыт ханнэхо тув пат-лны нэмхунты ант хуттыттэ. Амп тув эп сытны мошитл унтлтыта, пантл сирны ветты вой уитта, а муй сот ханнэхо пантыт кутны тув кусяит пант уитта.

Тов ванкутл пантл туса унтлтыттэ па оша павыттыттэ, тув кусяит киньси. Симись верыт уттыт, хун пухрем, тоньсь ханнэхо пантл та-рынтыттэ, па ант уттэ хотта манта, уштат ювыттыттэ, па номсынг вой тувы ёхты манты пант уитл.

Па воег тыв турым миим отгат: — хутыпсы, эптыпсы, вантыпсы па номсэт — ханнэхо киньси ям утта мошитыс, а сит пата ий шенгк верыпсынг па номсынг тов муй амп тунгыта унтлыта ант мошитсыт. Тами пата ханнэхо номыс мосл.

Ситы си уш, муй воег верыпсынгыт па номсынгыт антом ханнэхо иты, а тыв сиретны, вой сирны.

КОТ ИВАНИЧ.

Жил у нас в доме огромный, толстый кот — Иваныч. Ленивый, неговорящий. Целые дни он лежал на спине. Бывало, заберётся на тёплую скамью, свернётся клубком и уснёт. А потом ланы раскинутся, и он зевот морщит глаза. Из-за этого зовут Иваныча часто от приятеля дворничихи, от Бобыля, дядьки.

Г. СКРЕБИЦКИЙ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Жил у нас в доме огромный, толстый кот — Иваныч. Ленивый, неговорящий. Целые дни он лежал на спине. Бывало, заберётся на тёплую скамью, свернётся клубком и уснёт. А потом ланы раскинутся, и он зевот морщит глаза. Из-за этого зовут Иваныча часто от приятеля дворничихи, от Бобыля, дядьки.

Иваныч любил утешаться так, чтобы ему было тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, до под одеяло заберётся. А однажды вот что изобрёл. Замесила мама тесто в кадучке и поставила на печку, чтобы оно лучше поднялось, а сверху ещё тёплым платком прикрыла. Прошло часа два. Мама вышла поглядеть — хорошо, аж тесто поднимается. Глянула, а в кадучке на мягком, тёплом тесте леж на спине Иваныч спит. Всё тесто прижал к себе и помозгалось. Так мы без пирога и остались. А Иваныч мыши прицалось.

Иваныч-мама в таз тёплой воды, погалила таз коту и на тазу лежал. Мама моет, а он и не морщит — мурлыкает, зевот на весь дом. Вымыли его, вытерли и опять на печку свист положили.

Вообще Иваныч был очень ленивый кот, даже мыши не ловил. Иногда мышь скребётся где-нибудь рядом, а он и не поворачивает.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. СЕРБИНСКИЙ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

КОТ ИВАНЫЧ.

Жил у нас в доме огромный, толстый кот — Иваныч: ленивый, неповоротливый. Целые дни он ел или спал. Бывало, заберётся на тёплую лежанку, свернётся клубком и уснёт. А потом лапы раскинет, сам вытянется, а хвост вниз свесит. Из-за этого хвоста Иванычу часто от нашего дворового щенка, от Бобки, доставалось.

Жил Бобка в сарае. Он был очень озорной щенок. Как только дверь в дом откроют — шмыгнёт в комнаты и прямо к Иванычу. Схватит его зубами за хвост, стащит на пол и везёт, как мешок. Пол гладкий, скользкий, Иваныч по нему, словно по льду, катится. Спросонья сразу и не разберёт, в чём дело. Потом опомнится, вскочит, даст Бобке лапой по морде, а сам опять спать на лежанку отправится.

Иваныч любил улечься так, чтобы ему было и тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, то под одеяло заберётся. А однажды вот что натворил. Замесила мама тесто в кадушке и поставила на печку, чтобы оно лучше поднялось, а сверху ещё тёплым платком прикрыла. Прошло часа два. Мама пошла поглядеть — хорошо ли тесто поднимается. Глядит, а в кадушке, на мягком, тёплом тесте, как на перине, Иваныч спит. Всё тесто примял и сам измазался. Так мы без пирогов и остались. А Иваныча мыть пришлось.

Налила мама в таз тёплой воды, посадила туда кота и начала мыть. Мама моет, а он и не сердится — мурлычет, поёт на весь дом. Вымыли его, вытерли и опять на печку спать положили.

Вообще Иваныч был очень ленивый кот, даже мышей не ловил. Иногда мышь скребётся где-нибудь рядом, а он и внимания на неё не обращает.

Как-то зовёт меня мама в кухню:

— Погляди-ка, что твой кот делает!

Гляжу — Иваныч растянулся на полу и греется на солнышке, а рядом с ним целый выводок мышат гуляет; совсем крошечные, бегают по полу, собирают хлебные крошки, а Иваныч будто пасёт их — поглядывает да глаза от солнца жмурит.

Мама даже руками развела:

— Что же это такое делается!

А я говорю:

— Как „что“? Разве не видишь? Иваныч мышей караулит. Наверное, мать-мышиха попросила за ребятами присмотреть, а то мало ли что без неё может случиться.

Но иногда Иваныч любил ради развлечения и поохотиться. Через двор от нашего дома был хлебный амбар, а в нём водилось много мышей. Проведал об этом Иваныч и отправился как-то после обеда на охоту. Сидим у окна, вдруг видим — по двору бежит Иваныч, а во рту огромная мышь. Вскочил он в окно — прямо к маме в комнату. Сел посреди пола, выпустил мышью, а сам на маму смотрит: „вот, мол, каков я охотник!“

Мать закричала, вскочила на стул, мышь под шкаф шмыгнула, а Иваныч посидел-посидел и спать на печку отправился.

С тех пор от Иваныча житья не стало. Утром встанет, вымоет лапой мордочку, позавтракает и отправится в амбар на охоту. Минуты не пройдёт, а он уж домой бежит и мышью тащит. Принесёт в комнату и выпустит. Полон дом мышью развёл. Потом уж мы так приладились: как он на охоту — сейчас все двери и окна запираем. Иваныч поносит, поносит мышью по двору и пустит, а она назад в амбар убежит. Или, бывало, задушит мышью и начнёт с нею играть: подбрасывает, лапами ловит, а то положит её перед собою и любит. Вот однажды играл так — вдруг, откуда не возьмись, две вороны. Сели неподалёку и начали вокруг Иваныча скакать, приплясывать. Хочется им мышью у него отнять —

и страшновато. Скакали-скакали, потом одна как схватит сзади Иваныча клювом за хвост! Тот кубарем перевернулся— да за вороной, а вторая подхватила мышь— и скрылась! Так Иваныч ни с чем и остался.

Впрочем, Иваныч хотя мышей и ловил, но никогда их не ел. Зато он любил полакомиться свежей рыбой. Как приду я летом с рыбалки, только поставлю ведёрко на лавку, а он уж тут как тут. Сядет рядом, запустит лапу в ведёрко, прямо в воду, и шарит там. Зацепит лапой рыбу, выкинет на лавку и съест. Иваныч даже повадился из аквариума¹ рыбок таскать.

Как-то раз поставил я аквариум на пол, чтобы воду сменить, а сам ушёл в кухню за водой. Прихожу обратно, гляжу и глазам не верю: у аквариума Иваныч— на задние лапы привстал, а переднюю в воду запустил и рыбу, как из ведёрка, вылавливает. Трёх рыбок я потом недосчитался.

С этого дня с Иванычем просто беда: так от аквариума и не отходит. Пришлось сверху стеклом закрывать. Как забудешь, сейчас двух-трёх рыбок вытащит. Уж мы и не знали, как его отучить от этого.

Но только, на наше счастье, Иваныч и сам очень скоро отучился. А случилось это вот так.

Принёс я однажды с реки вместо рыбы в ведёрочке раков и поставил, как всегда, на лавку. Иваныч сразу прибежал— и прямо в ведро лапой. Да вдруг как потянет назад! Глядим— за лапу рак клешнями ухватился, а за первым раком— второй, а за вторым— третий... Все из ведёрка за лапой тащатся, усами шевелят, клешнями щёлкают. Тут Иваныч глазища вытаращил, от страха шерсть дыбом поднялась: „Что за рыба такая?“

Тряхнул он лапой, раки на пол полетели, а сам он хвост трубой— и марш в окно. После этого никогда больше к ведёрку не подходил и в аквариум перестал лазить. Вот как напугался!

¹ Аквариум — стеклянный ящик, в котором содержатся рыбы.

Кроме рыбок у нас в доме было много разной живности: птицы, морские свинки, ёж, зайчата... Но Иваныч никогда никого не трогал. Он был очень добрый кот и дружил со всеми животными. Только с ежом Иваныч вначале никак не мог ужиться.

Этого ежа я принёс из леса и пустил в комнате на пол. Ёжик сначала лежал, свернувшись в клубок, а потом развернулся и забегал по комнате. Иваныч очень заинтересовался ежом. Дружелюбно подошёл к нему и хотел обнюхать. Но ёж, видимо, не понял доброго намерения Иваныча — он растопырил колючки, подскочил и пребольно кольнул Иваныча в нос.

После этого Иваныч стал упорно избегать ежа. И стоило тому вылезти из-под шкафа, как Иваныч поспешно вскакивал на стул или на окно и никак не хотел сходить на пол.

Но вот как-то раз после обеда мама налила Иванычу в блюдечко молока и поставила на пол. Иваныч сел около блюдца поудобнее и начал лакать.

Вдруг мы видим — из-под шкафа вылезает ёжик. Вылез, носиком потянул и прямо направился к блюду. Подошёл и тоже за еду принялся. А Иваныч и не убегает — видно, проголодался, косится на ежа, а сам знай молоко пьёт. Так вдвоём всё блюдечко и вылакали.

С этого дня мама начала их каждый раз вместе кормить. И ведь как они хорошо к этому приладились! Стоит только маме молочником о блюдечко стукнуть, а они уже бегут. Усядутся рядышком и едят. Ёжик мордочку вытянет, колючки приложит, гладенький такой. Иваныч его совсем перестал бояться. Кончат еду — у ежа вся мордочка в молоке, а Иваныч возьмёт его и оближет.

Так и подружились.

За добрый нрав Иваныча мы все его очень любили. И нам казалось, что по своему характеру и уму он больше походил на собаку, чем на кошку. Он и бегал за нами, как собака: мы на огород — и он за нами, мама в магазин — и он следом за ней бежит. А возвращаемся вечером с реки или из городского сада — Иваныч уж на лавочке возле дома си-

дит, будто нас дожидается. Как увидит, сразу подбежит, начнёт мурлыкать, об ноги тереться и вслед за нами скорее домой бежит.

Дом, где мы жили, стоял на самом краю городка. В нём мы прожили несколько лет, а потом переехали в другой, на той же улице.

Переезжая, мы очень опасались, что Иваныч не уживётся на новой квартире и будет убежать на старое место. Но наши опасения оказались напрасными. Правда, попав в незнакомое помещение, Иваныч начал беспокойно бродить из комнаты в комнату, всё осматривал, обнюхивал, пока наконец не добрался до маминой кровати. Тут уж, видимо, он сразу почувствовал, что всё в порядке, вскочил на постель и улёгся. А когда в соседней комнате застучали ножами и вилками, Иваныч мигом примчался к столу и уселся, как обычно, рядом с мамой. В тот же день он осмотрел новый двор и сад, даже посидел на лавочке перед домом. Но на старую квартиру ни разу не ушёл. Значит, не всегда верно, когда говорят, что собака людям верна, а кошка — дому. Вот у Иваныча вышло совсем наоборот.

ВОРИШКА.

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко — никогда ничего не уронит, не разобьёт.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка любила лазить по ним: заберётся бывало на рог и сидит на нём, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она очень хорошо знала. Только войдёшь в комнату, белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит — она просит сахару или конфетку. Очень она любила сладкое.

Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете, лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовёт мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

— Кто же это из вас конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим — не знаем, кто это из нас сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал — и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился и сказал, что теперь всё будет запиравать, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась. Вспрыгнет на плечо, мордочкой о щеку трётся, за ухо зубами дергает, просит сахару. А где его взять? Не осталось ни конфет, ни сахару.

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба — и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку, — и опять на шкаф.

„Постой, — думаю, — куда это она хлеб всё носит?“ Подставил я стул и заглянул на шкаф. Вижу — старая мамина шляпа лежит. Приподнял я её — вот тебе раз! Чего-чего только под ней нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я — прямо к отцу и показываю: „Вот кто у нас ворюшка!“

А отец рассмеялся и говорит:

— Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстаёт.

После этого случая перестали от нас запиравать сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла.

Но белка на этом не успокоилась, всё продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку хлеба, орех или косточку — сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно

вечером, усталые, поели — и скорее спать. А кошелку с грибами на окне оставили: прохладно там, грибы не испортятся до утра.

Утром встаём — вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовёт. Прибежали к нему, глядим — все олени рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, за зеркалом и за картиной — всюду грибы. Это белка ранёхонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить. В лесу белки всегда грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка всё старалась забраться куда-нибудь, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали-искали её — нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес. Жалко нам стало нашей белочки.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дрова, подожгли. Вдруг в печке как завожится что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила — и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идёт. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в печку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Всё это наша белка для гнезда в трубу затащила. Вот какая! Хоть и в доме живёт, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

БЕЛАЯ ШУБКА.

Один год долго зимой снег не выпадал. Реки и озёра давно льдом покрылись, а снега всё нет и нет.

Зимний лес без снега казался хмурым, унылым. Все листья с деревьев давно опали, перелётные птицы улетели на юг, нигде не пикнет ни одна птичка; только холодный ветер посвистывает среди голых обледеневших сучьев.

Шёл я как-то с ребятами по лесу, возвращались мы из соседней деревни. Вышли на лесную поляну. Вдруг видим — посреди поляны над большим кустом вороны кружат. Каркают, летают вокруг него, то вверх взлетят, то на землю сядут. Наверное, думаю, они там какую-то еду себе нашли.

Стали ближе подходить. Заметили нас вороны — одни в сторону отлетели, по деревьям расселись, а другие и улетать не хотят, так над головой и кружат.

Подошли мы к кусту, смотрим — что-то под ним белеет, а что, сквозь частые ветки и не разберём.

Раздвинул я ветки, гляжу — заяц, белый-белый, как снег. Забился под самый куст, прижался к земле, лежит, не шевельнётся. Кругом всё серое — и земля и опавшие листья, а заяц среди них так и белеет.

Вот почему он воронам на глаза попался — оделся в белую шубку, а снега-то нет, значит и спрятаться ему, белому, негде. Дай-ка попробуем его живьём поймать!

Подошли мы с разных сторон к кусту. Просунул я руку под ветки, тихонько, осторожно, да сразу как схвачу его за уши — и вытащил из-под куста!

Бьётся заяц в руках, вырваться хочет. Только смотрим — одна лапка у него как-то странно болтается. Тронули её, а она переломана. Значит, сильно его вороны потрепали. Не приди мы во-время, пожалуй и совсем бы забили.

Принёс я зайца домой. Папа достал из аптечки бинт, вату, забинтовал зайцу сломанную лапку и посадил в ящик. Мама положила туда сена, морковки, мисочку с водой поставила. Так у нас зайка и остался жить. Целый месяц прожил. Лапка у него совсем зажила, он даже из ящика выскакивать начал и меня совсем не боялся. Выскочит, побегаёт по комнате, а как зайдёт ко мне кто-нибудь из ребят, опять в ящик прыгнет.

За это время, пока заяц у нас дома жил, и снег выпал, белый, пушистый, совсем как зайкина шубка. В нём зайцу легко прятаться. В снегу не скоро его заметишь. Вот и решил я с ребятами его в лес выпустить.

Посадили мы зайца в кошелку и понесли выпускать. Утро было тихое, накануне ночью насыпало много-много снега. И всё кругом сразу переменялось. Лес сделался белый, мохнатый. Так уютно в нём стало, чисто, светло и даже как будто теплее.

Пришли мы на полянку, открыли кошелку и выпустили зайца. Он сразу сел — понять не может, где ж это он. А потом как пустится бежать, мигом в заснеженных кустах исчез. Вот когда ему белая шубка пригодилась!

У Ш А Н.

Охотиться я начал очень рано. Когда мне исполнилось двенадцать лет, папа подарил мне охотничье ружьё и стал брать с собой на охоту.

Вот как-то осенью возвращались мы с охоты. Слез я с телеги и пошёл рядом — ноги размять. А проезжали мы через лес. Вся дорога была завалена жёлтыми листьями: их было очень много, они шуршали под ногами. Так я и шёл, глядя под ноги и гоня перед собою листья. Вдруг вижу — на дороге меж листьев что-то темнеет. Нагнулся, смотрю — зайчонок, да такой маленький! Я так и ахнул: ведь только что здесь телега проехала, как же она зайчонка не раздавила?

— Ну, — говорю, — видно, такой ты, зайка, счастливый!

Взял я его на руки, а он съёжился на ладони, сидит, дрожит, а бежать и не собирается. „Возьму-ка, — думаю, — его к себе домой — может, он у меня и выживет, а то всё равно погибнет — уж очень поздно родился. Ведь скоро и зима настанет, замёрзнет, бедняга, или лиса съест“.

Настелил я в охотничью сумку листьев, посадил туда зайчонка и привёз домой. Дома мама налила в блюдечко молока и дала зайке. Только он пить не стал — мал ещё, не умеет. Тогда мы взяли пузырёк, вылили туда молоко, надели на пузырёк соску и дали зайчонку. Он понюхал соску, поводил усами. Мама выдавила из соски каплю молока, помазала зайчонку нос. Он облизнулся, приоткрыл рот, а мы ему туда

кончик соски и всунули. Зайчонок зачмокал, засосал, да так весь пузырёк и выпил.

Прижился у нас зайка. Прыгает по комнатам и никого не боится.

Прошёл месяц, другой, третий... Наш заяц совсем большой стал, и прозвали мы его Ушан. Жить он устроился под печкой. Как испугается чего-нибудь — прямо туда.

Кроме Ушана, у нас жил и старый кот Иваныч и охотничья собака Джек.

Иваныч с Джеком были самые большие приятели. Вместе ели из одной чашки, даже спали вместе. У Джека лежала на полу подстилка. Зимой, когда в доме становилось холодно, придёт бывало Иваныч и пристроится к Джеку на подстилку, свернётся клубочком. Джек сейчас же к нему: уткнётся своим носом Иванычу прямо в живот и греет морду, сам дышит тепло-тепло, так что Иваныч тоже доволен.

Когда в доме появился заяц, Иваныч на него не обратил никакого внимания, а Джек сначала немножко беспокоился, но скоро тоже привык; потом все трое очень подружились.

Особенно хорошо бывало по вечерам, когда затопят печку. Сейчас же все они к огоньку — греться. Улягутся близко-близко друг к другу и дремлют. В комнате темно, только красные отблески от печки по стенам бегают, а за ними чёрные тени, и от этого кажется, что всё в комнате движется: и столы и стулья — будто живые. Дрова в печке горят, горят, да вдруг как треснут — и вылетит золотой уголёк. Тут друзья от печки врассыпную. Отскочат и смотрят друг на друга, точно спрашивая: „что случилось?“ А потом понемногу успокоятся — и опять к огоньку.

А то затеют игру. Начиналось это всегда так. Вот лежат они все трое вместе, дремлют. Вдруг Иваныч Ушана легонько лапой хват! Раз тронет, другой... Заяц лежит-лежит, да вдруг как вскочит — и бежать, а Иваныч за ним, а Джек — за Иванычем, и так друг за дружкой по всем комнатам. А как зайцу надоест, он марш под печку, и игре конец.

А перед тем как улечься спать, Ушан каждый раз, бывало,

следы запутывал. На воле заяц всегда так делает: начинает бегать в разные стороны — то направо побежит, то налево. Если на снегу посмотреть заячий след, так и не разберёшь, куда заяц ушёл. Такие следы называются „заячьи петли“. Наткнётся охотничья собака на заячьи петли — пока разбирается, ходит по следу туда-сюда, а заяц уже давно услышал её и убежал.

Вот и наш Ушан каждый день, прежде чем залезть под печку, старался следы запутать. Бывало прыгает взад и вперёд по комнате, выделывает свои заячьи петли, а тут же на ковре дремлет охотничья собака Джек и посматривает на него одним глазом, будто смеётся над глупым зайцем.

Так прожил у нас Ушан всю зиму. Настала весна, да такая дружная, тёплая... Не успели оглянуться, как уже зазеленела трава. Решили мы Ушана в лес, на свободу, выпустить.

Посадил я его в корзину, пошёл в лес и Джека с собой взял — пусть проводит приятеля. Хотел и Иваныча в корзину посадить, да уж очень тяжело нести; так и оставил дома.

Пришли мы с Ушаном и Джеком в лес, вынул я Ушана из корзинки и пустил на траву. А он и не знает, что дальше делать, не бежит, только ушами шевелит. Тут я хлопнул в ладоши. Ушан прыг-прыг! — и поскакал к кустам. Джек увидел — и за ним.

А Ушан всё в лес не бежит, скачет вокруг куста, и Джек за ним так и носится, будто дома.

„Вот, — думаю, — по кустам-то лучше друг за другом гоняться, чем по комнатам“.

Я на зайца шапкой замахал, кричу:

— Беги в лес, косой! Чего здесь вертишься?

Ушан испугался и поскакал в лес, а Джек за ним.

Подождал я — Джек не возвращается. Только вдруг слышу в лесу заячий визг, ещё и ещё... Я на визг бросился, добежал, гляжу — а уж Джек держит в зубах Ушана.

Я кричу:

— Брось! Что ты делаешь? Ведь это наш Ушан!

А Джек смотрит на меня и хвостом виляет, будто хочет сказать: „Я же тебе зверя поймал, а ты на меня кричишь“.

Видно, не узнал Джек в лесу Ушана и схватил, как обыкновенного дикого зайца.

Отнял я Ушана, и посадил на траву, а сам Джека за ошейник держу, не пускаю.

Тут и зайка, наверно, смекнул, что в лесу с собакой не поиграешь. Приложил уши — и марш в кусты. Только мы его с Джеком и видели.

ПУШОК.

В детстве у меня жил ручной ёжик. Когда его ребята гладили, он прижимал к спине свои колючки и делался совсем мягким. За это мы прозвали его „Пушок“.

Если Пушок был голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом он пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка гулять с собой в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, думал: „Где ему в снегу ковыряться, ещё нос отморозит“.

Но один раз собрался я кататься на санках с горы, а товарищей во дворе нет. Вот я и решил взять с собой Пушка. Достал коробочек, настелил туда сена и посадил ежа. Коробочек поставил в санки и побежал к пруду, где мы всегда катаемся с горы. Я бежал во весь дух, воображая себя конём, и вёз в санках Пушка.

Было очень хорошо; светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо. Я смотрел на это и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются толстые синие верёвки, а внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики, и это было очень забавно.

Накатался я досыта с горы и повёз санки с ежом домой. Везу — вдруг навстречу ребята, бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли. Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы пробыли до самого вечера. Глядели, как с волка снимали шкуру, как её расправляли на деревянной рогатине.

О Пушке я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу бросился в сарай к санкам. Гляжу — лежит мой Пушок, свернувшись в ящике, и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормозил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, он совсем замёрз и умер.

Побежал я к ребятам, рассказал о своём несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящике, в котором он умер.

Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча. Его поймали у нас в сарае. Он был совсем дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да такая тёплая, светлая. Один раз утром отправился я в сад: там весной особенно хорошо — птички поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озёра. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди в куче прошлогодних листьев что-то завозилось. Я остановился. Кто это, зверёк? Какой? Из-под тёмных листьев показалась знакомая мордочка, и чёрные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя, я бросился к зверьку. Через секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носиком, очевидно требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и с торжеством принёс домой.

КОГДА ЗАКРИЧИТ САМЫЙ МОЛЧАЛИВЫЙ ЗВЕРЁК.

Как-то в начале августа, на рассвете, мы с Джеком отправились на охоту. Мы выбрались на знакомую лесную поляну, присели на краю поляны и стали ждать, когда совсем рассветёт и можно будет идти разыскивать тетеревов.

По зорям эти дикие лесные куры обычно выходили на поляны и кормились ягодами брусники. Заслышав нас, они убегали в кусты и затаивались среди высокой травы и прошлогодних листьев. Но Джек всё-таки отыскивал их по следам и, подкравшись, замирал на месте — делал стойку. Он стоял неподвижно, чуть вздрагивая от нетерпения, и ожидал только моего приказания, чтобы броситься и вспугнуть затаившуюся дичь. Я командовал: „Вперёд!“ Джек бросался, и тяжёлые жирные птицы с шумом вылетали из своей засады.

Я стрелял. Если птица падала, Джек опрометью кидался её поднимать и с торжеством подавал мне. Если же я промахивался, он долго смотрел вслед улетевшей дичи, а потом оборачивался ко мне с таким укоризненным видом, будто хотел сказать: „Эх, брат, плох ты!“ И мы шли дальше.

В это утро, только мы подошли к кустам, Джек остановился и замер на стойке — почуял дичь. Я скомандовал: „Вперёд!“ Джек бросился в кусты, но оттуда никто не вылетел, а только послышался какой-то странный писк. Я даже не понял, кто это так кричит — зверь или птица.

В недоумении я раздвинул кусты и увидел совершенно необыкновенное зрелище: Джек, виляя хвостом, раскапывал носом кучу прошлогодних листьев, а вокруг его морды бегал и угрожающе пищал большой старый ёж.

Что это значит? Я ещё никогда в жизни не слышал, чтобы ёж так пищал. И почему он не свёртывается в клубок, а бросается прямо на собаку, норовя её укусить? Я нагнулся к Джеку и тут только разглядел и понял, в чём дело. В развороченных сухих листьях копошились три крохотных, почти совсем голых ежонка. Так это мать-ежиха защищала своих детей! Джек покосился на ежиху, потом на меня, будто спрашивая: „Чего она так кричит? Я ведь и не думаю их кусать“.

— И молодец, что не тронул,— похвалил я,— не стоит с ними связываться. Идём-ка лучше тетеревов искать.

Джек, видимо, согласился. Он весело замахал хвостом и побежал прочь.

ДОГАДЛИВАЯ СИНИЧКА.

В детстве у нас было так заведено: как наступит осень, мы и начинаем ловить птичек для своего живого уголка. Много наловим и рассадим по клеткам.

А весной, только начнёт пригревать солнце, побегут по дорогам весёлые ручьи,— тут мы вынесем все клетки во двор, раскроем дверцы и выпустим птичек на свободу: летите в рощи, в леса, вейте гнёзда, выводите птенцов, а осенью опять возвращайтесь к нам на зимнюю квартиру.

Разные птицы у нас в клетках зимовали: синицы, щеглы, снегири. Ловили мы их западнёй. Это небольшая клеточка, только дверца у неё не в бок открывается, а вниз.

Вот мы, бывало, откроем западню, а к входу палочку-сторожок приставим, чтобы он не давал дверце захлопываться. Внутри конопляных семян насыплем и повесим западню в саду, на сучке дерева.

Прилетят в сад какие-нибудь птички, сядут на дерево, где западня висит, и увидят в ней зёрнышки. Подлетят птички к западне, полезут внутрь, чтобы семян поклевать, сторожок зацепят — дверца за птичкой и захлопнется.

Один раз попалась нам в западню синица, да только какая-то бесхвостая. Взяли мы её и выпустили. А через несколько дней она опять попалась. Мы её опять выпустили. Так она за неделю несколько раз у нас побывала. Прыгает бывало внутри, зёрнышки поклёвывает, будто она на воле, а не в запертой клетке. Такая уж, видно, смелая! Может, раньше где-нибудь в клетке жила, вот и привыкла.

И презабавная была пичужка: без хвостика, совсем кругленькая, как пушистый шарик. Важно так бывало в клетке сидит, словно у себя дома.

Мы уж и не знали, что с ней делать. Как в сад ни придем, западня закрыта, а в ней бесхвостая синица сидит, зёрна клюёт. Не даёт нам других птичек ловить, да и только.

А потом вдруг попадаться перестала. Мы думали, не случилось ли с ней что-нибудь, даже пожалели, что её к себе домой зимовать не взяли.

Только однажды утром приходим в сад, смотрим, а наша бесхвостая синичка около западни с ветки на ветку перелетает. Потом на крышку западни уселась, с крышки — на дверцу, а с дверцы — прыг прямо в западню, да так ловко, что сторожок и не задела.

Стоим мы под деревом и смотрим, что же дальше будет. Наклевалась синичка досыта конопля, прыг из западни на дверцу — и опять сторожок не задела. Посидела на дверце, почистила клювик, отряхнулась и улетела. Вот ведь какая догадливая: значит, смекнула, как ей в западню лазить, чтобы дверцу не захлопывать. Так всю зиму у нас и прокормилась.

ДРУЖБА.

Сидели мы как-то с братом зимой в комнате и глядели на двор в окно. А на дворе, у забора, вороны и галки копались в мусоре.

Вдруг видим — прилетела к ним какая-то птица, совсем чёрная, с синевой, а нос большой, белый. Что за диво: ведь это грач! Откуда он зимой взялся? Глядим, ходит грач по помойке среди ворон и прихрамывает немножко — наверное, больной какой-нибудь или старый; улететь на юг не смог с другими грачами, вот и остался у нас зимовать.

Потом каждое утро повадился грач к нам на помойку летать. Мы уж нарочно хлебца ему покрошим, каши, творожку от обеда. Только мало ему доставалось: всё бывало вороны поедят — это уж такие нахальные птицы. А грач тихий какой-то попался. В сторонке держится, всё один да один. Да и то верно: своя братия улетела на юг, а он один остался; вороны — ему компания плохая. Видим мы, обижают

серые разбойницы нашего грача, а как ему помочь, не знаем. Как его покормить одного, чтобы вороны не мешали?

День ото дня грач становился всё грустнее. Бывало прилетит и сядет на забор, а спуститься на помойку к воронам боится: совсем ослаб.

Один раз посмотрели мы утром в окно, а грач под забором лежит. Побежали мы, принесли его в дом; он уж еле дышит. Посадили мы его в ящик, к печке, попонкой закрыли и дали всякой еды.

Недели две он так у нас просидел, отогрелся, отъелся немножко. Думаем, как же с ним дальше быть? Не держать же его в ящике всю зиму! Решили опять на волю выпустить, может он теперь покрепче будет, перезимует как-нибудь.

А грач смекнул, что мы ему добро сделали, значит нечего людей бояться. С тех пор целые дни так вместе с курами во дворе и проводил.

В это время жила у нас ручная сорока Сиротка. Мы её ещё птенцом взяли и выкормили. Сиротка свободно летала по двору, по саду, а ночевать возвращалась на балкон. Вот видим мы — подружился наш грач с Сироткой: куда она летит, туда и он за ней. А один раз, смотрим, Сиротка на балкон прилетела, и грач тоже вместе с ней заявился. Важно так по столу разгуливает. А сорока, будто хозяйка, суетится, вокруг него скачет.

Мы потихоньку высунули из-под двери чашку с мочёным хлебом. Сорока прямо к чашке — и грач за ней. Позавтракали оба и улетели. Так они каждый день и начали на балкон вдвоём прилетать кормиться.

... Прошла зима, вернулись с юга грачи, загалдели в старой берёзовой роще. По вечерам усядутся парочками возле гнёзд, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают. Только грач не нашёл себе пары, попрежнему всюду летал за Сироткой. А под вечер сядут они возле дома на берёзку и сидят рядышком, близко так, бок о бок.

Посмотришь на них и невольно подумаешь: значит, и у птиц тоже дружба бывает.

ЧИР ЧИРЫЧ.

Вечером папа принёс из сарая доску, распилил её и сколотил домик. Вместо окон и дверей в одной из стенок выпил круглую дырочку, а вместо крыльца внизу, у входа, палочку прибил.

— Готово,— сказал папа.— Ну-ка, теперь отгадай загадку: на колу дворец, во дворце певец—кто это?

— Скворец!— закричал я.

— Правильно. Вот мы для него квартиру и смастерили. Завтра утром скворечник в саду пристроим. Добро пожаловать, дорогие гости!

Проснулся я утром.— в окно солнце светит, капель с крыши льёт, и воробьи на весь двор расчирикались.

В саду везде ещё был снег. Мы с папой еле пробрались к старой яблоне. Папа прибил скворечник к длинному шесту и прикрутил шест проволокой к стволу яблони. Скворечник оказался очень высоко— со всех сторон видно.

Прошло дней пять. В саду зачернели проталины, а кругом них разлились огромные лужи. В лужах, как в зеркале, отражаются небо, облака, а когда выглянет солнце— даже больно глядеть, так вода и сверкает.

Один раз зовёт меня папа в сад: „Погляди, какие гости к нам заявились“. Прибежал я, смотрю— на крыше скворечника сидит скворец и распевает. Потом другой скворец к нему подлетел и прямо в домик юркнул.

Поселились в домике скворцы, только почему-то всё один скворец летает. По вечерам сядет на веточку и поёт, а скворчихи и не видать.

Один раз стояли мы с папой под яблоней. Смотрим— скворец к домику подлетел, в клюве у него что-то белеется, наверное какая-то большая, толстая личинка. Сел он на жёрдочку, вдруг видим— из домика высовывается головка скворчихи. Открыла она клюв, скворец сунул ей в рот личинку, а сам засвистел, затрещал и опять улетел.

— Видишь,— говорит папа,— как скворец о своей сквор-

чихе заботится! Даже кормит её, чтобы она с гнезда не улетела. Ведь она теперь яйца насиживает.

Скоро у скворцов вывелись птенцы. Тут уже оба — и отец и мать, — начали детям корм носить. Ходят бывало по грядкам и высматривают добычу. Заметит скворец гусеницу, схватит её и тащит детям. Так это здорово получалось! Скворчатам еда — нам с папой помощь. За день бывало всех гусениц с огорода соберут.

Папа глядит да радуется:

— Хорошая у нас капуста будет! Червяк её уже не тронет. Вон наши длинноносые сторожа как на грядках стараются!

Выросли скворчата, начали уже из домика наружу выглядывать. Целый день пищат — есть просят. Родители им только успевают корм приносить. А наступит вечер, усядутся старики на веточку возле домика, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают.

Вот как-то под вечер сидели скворец со скворчихой на яблоне. Вдруг из-за веток ястреб! Схватил скворца и потащил.

Мы с папой в саду были. Закричали, вдогонку бросились. Я во весь дух бегу, кричу: „Брось, брось, брось!“ Ястреб испугался, бросил добычу и улетел.

Подбежал я: лежит скворушка на земле, клюв открыт, дышит тяжело; наверно, ястреб его здорово помял.

Принёс я его домой, настелил в клетку свежей травы и положил скворца. Наутро он немного оправился — не лежал, а сидел в уголке. Дал я ему гусениц, червей. Одного червяка он клонул и съел, а больше не стал.

Папа сказал:

— Ничего, поправится. Только уж он теперь в семье не работник — ему самому сил набираться нужно. Придётся тебе помогать скворчихе детей растить. Ей одной такую семью не прокормить.

Взяли мы с папой фанерный ящичек, поставили его в саду на дорожку, недалеко от старой яблони, и каждый день я в него стал различных личинок и гусениц приносить.

Скворчиха это живо заметила. Только я принесу еду, отойду в сторону, а она уж тут как тут: подлетит, сядет на край ящичка, схватит гусеницу — и прямо в скворечник. В один миг всё детям перетаскает.

Скворец мой тоже поправляться начал. Аппетит у него после болезни отличный стал. Совсем я с ног сбился, не успеваю еду носить.

Наконец скворчата подросли и начали из гнезда вылетать, а потом и совсем улетели из сада. Тут уж я посвободнее вздохнул — один у меня только иждивенец остался.

Скворец мой скоро совсем поправился. Стал я его понемногу из клетки выпускать. Летаёт он по комнате, а как проголодается, спешит назад в клетку. Ручной — ничего не боится, на плечо сядет, на голову. Как только соберёмся обедать, загремят тарелки, скворец прямо на стол летит, крошки со скатерти собирает.

Очень любил он мясо. Подадут котлеты — скворец так и норовит со сковородки клюнуть. Мама, бывало, смеётся, гонит его: „Обожжёшься ведь!“ А он на маму сердится: „что, мол, не даёшь!“ Пёрышки топорщит, кричит: „Чир-чиррр!“ Мы его Чир Чирычем и прозвали.

Накрошат ему котлету на тарелку, остудят и дадут. Он в один миг всё подберёт.

Как-то дали мяса старому коту Иванычу. Только он уселся поест, вдруг видим, скворец подкрался к тарелке. Мы глядим, что дальше будет. Подбежал скворец, изловчился и прямо из-под носа Иваныча кусочек мяса выхватил. Тут даже добродушный Иваныч возмутился, замахнулся на обидчика лапой; а скворец не боится — так на него и наскакивает. „Чир-чиррр!“ И вдруг тюк Иваныча клювом в нос! Фыркнул тот, затряс головой, а потом повернулся и пошёл прочь от тарелки: „стану, мол, я со всякой мелкотой связываться!“

С тех пор коту от скворца житья не стало: только разляжется толстый Иваныч на солнышке погреться, скворец уж тут как тут, старается за хвост или за ухо клюнуть. Мама его полотенцем прочь гонит:

— Ну что ты к Иванычу пристаёшь?

А скворушка старается маму за полотенце дёрнуть: „Чир-чиррр!“ Потом прыг—и на голову маме сядет. Разбойник, да и только!

Зато с Джеком, папиной охотничьей собакой, скворушка очень подружился. Джек овсянку из миски ест—и скворец на краешек сядет, тоже поклёвывает. Уляжется Джек у себя на коврик, скворец ему на спину взлетит, выбирает что-то из шерсти, так осторожно—никогда больно не сделает: Джек даже глаза зажмурит—видно, приятно ему от такой заботы скворца.

Как-то напилась мы чаю. Мама налила в полоскательницу тёплой воды чашки помыть. Только отвернулась, откуда ни возьмись скворец—и прямо в полоскательницу. Как начнёт в ней плескаться! Весь стол водой залил.

Мама засмеялась:

— Ах ты, негодный!

А скворец уж на двери сидит, отряхивается, пёрышки чистит. До того осмелел—всюду лезет, всё тащит, беда с ним, да и только! Мама терпела-терпела и не выдержала.

— Заприте,—говорит,—этого разбойника в клетку. Или выпустите его.

Очень не хотелось мне со скворушкой расставаться, да ничего не поделаешь—не запирать же его, на самом деле, в клетку!

Наутро открыл я окно и снял сетку. Скворец мигом из клетки выскочил, слетел на подоконник и не знает, куда же дальше лететь—в комнату или в сад. А тут солнце выглянуло. Отряхнулся скворец, расправил крылья и полетел на волю. Уселся в саду на дерево, начал пёрышки чистить, охорашиваться, довольный такой.

Весело мне на него смотреть, как он радуется и грустно немножко—не будет у меня больше ручного скворца!

Посидел он на дереве, потом вспорхнул и полетел куда-то. А я совсем загрустил, потом весь день места себе найти не мог.

Наконец позвали меня обедать. Все сели за стол. Только застучали тарелками, вдруг слышим за окном: „Чир-чиррр!“ Летит мой скворец прямо в окно — и на стол. Тут уж и мама не выдержала, говорит:

— Умница ты моя! Назад прилетел, соскучился.

А скворец будто понимает — лезет к ней, прямо из тарелки варёное мясо тащит. Наелся и на шкаф взлетел.

С тех пор стал он жить на полной свободе: хочет — по саду летает, хочет — по комнате; а как вечер настанет, так уж он обязательно к себе в клетку спешит.

Наступила осень. Пожелтел сад, в полях убрали хлеб, а на лугах у речки, как огромные зелёные кочки, выросли стога сена. Скворцы собрались в стаи; целые дни летали по полям и лугам или сидели на стогах.

Скворушка мой тоже стал пропадать по целым дням, иногда и ночевать домой не возвращался то ночь, то две, а потом и совсем не вернулся. Может, ястреб его поймал, а может, улетел с другими скворцами в тёплые страны.

Пришла зима. Часто вспоминали мы о скворушке, особенно вечерами, когда топили печку и у огонька собирались все мои приятели: Джек, Иваныч и ручной заяц Ушан. Где-то теперь наш скворушка? Жив ли он?..

Наконец и зима кончилась. В саду появились огромные синие лужи. В полдень солнышко припекало совсем по-летнему, и тогда в столовой даже отворяли окно.

Как-то возился я у себя в комнате со своими удочками. Вдруг слышу за дверью: „Чир-чиррр!“ Я даже вздрогнул: „Что такое?“ Выскочил в столовую и глазам не верю: сидит на подоконнике мой скворушка, так и заливается, так и поёт.

— Скворушка! Скворушка! Откуда же ты прилетел?

Хотел я к нему подойти, а он — назад в окно и уселся в саду на яблоню. Отвык, значит, за зиму от нас.

Опять поселился мой скворец в своём старом скворечнике. И скворчиха с ним прилетела — уж не знаю только, старая или новая.

Часто, бывало, прилетит скворушка к нам на подоконник,

сядет и поёт. Я ему еду поставлю, полоскательницу с водой — он всё съест, воды напьётся и выкупается в полоскательнице. А в комнату залетать так и не захотел. Наверное, ему скворчиха не разрешила.

СИРОТКА.

Принесли нам ребята небольшого сорочёнка... Летать он ещё не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, мочёным хлебом, давали маленькие кусочки варёного мяса — он всё ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочёнка отрос длинный хвост и крылья обросли жёсткими чёрными перьями. Он быстро научился летать и переселился на житьё из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочёнок не мог выучиться самостоятельно есть. Совсем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду всё, как маленький птенчик, просит. Выйду на балкон, сяду за стол, а уж сорока на столе, вертится передо мной, приседает, топорщит крылышки, рот раскрывает. И смешно и жалко её. Мама даже прозвала её Сироткой. Сунет ей бывало в рот творогу или мочёного хлеба, проглотит сорока — и опять начинает просить, а сама из тарелки никак не клюёт. Учили — учили мы её — ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм запихивать. Наестся бывало Сиротка, встряхнётся, посмотрит хитрым чёрным глазком на тарелку, нет ли там ещё чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок; или полетит в сад, на двор...

Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, курами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирает, а её не трогает. Бывало, клюют куры из корыта — и сорока тут же вертится. Вкусно пахнет тёплыми мочёными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит. Пристаёт Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает — никто её покормить не

хочет. Подскочит она и к Петровичу, запищит, а тот только взглянет на неё, забормочет: „Это что за безобразие!“ — прочь отойдёт. А потом вдруг хлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки встанет да как запоёт: „Ку-ка-ре-ку!“ Так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в хлев слетает, заглянет к корове в стойло... Все сами едят, а ей приходится лететь на балкон и просить, чтобы её из рук покормили.

Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты. Уж она приставала-приставала ко всем, никто её не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дворе оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу заметил добычу, подбежал и начал сзывать кур: „Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!“ А куры, как назло, куда-то разбрелись, ни одной во дворе нет. Уж петух прямо из сил выбивается, зовёт-зовёт, а потом схватит червяка в клюв, потрясёт им, бросит и опять зовёт — ни за что первый съесть не хочет. Даже охрип, а куры всё не идут.

Вдруг, откуда ни возьмись, сорока; подлетела к Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: „покорми, мол, меня“.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял и трясёт им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом схватила червяка — и съела! А петух уж ей второго подаёт. Съела и второго и третьего, а четвёртого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам всё приговаривает: „Ко-ко-ко-ко!..“ Кланяется, клювом червей на земле показывает: „ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные“.

И уж не знаю, как это у них там всё получилось, как он ей растолковал, в чём дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула

головку набок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здорового червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: „вот, мол, как по-нашему“. А уж сорока, видно, поняла, в чём дело, — прыгает возле него да поклёвывает. Начал и петух червей подбирать. Так наперегонки друг перед другом и стараются — кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук уж больше не приходилось. В один раз её Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

КАК МЫ ПЕРЕХИТРИЛИ ТЕТЕРЕВОВ.

Мой отец служил врачом в сельской больнице. Мы жили на самом краю села.

Прямо за селом начинался молодой берёзовый лес. Весной и летом мы, ребяташки, целыми днями там пропадали. Я даже мечтал: когда вырасту, обязательно сделаюсь лесным сторожем, как дедушка Пахом. Надену лапти, отпущу бороду и буду бродить по лесу с огромной палкой и корзинкой через плечо.

Иду, бывало, по лесной тропинке — кругом берёзки да кусты орешника.

Солнышко сквозь зелёные ветки просвечивает и рассыпается по земле тысячами золотых кружков. А я шагаю по усыпанной солнечным золотом дорожке и поглядываю по сторонам, под кусты, не притаился ли где-нибудь возле пенька пузатый белый гриб.

Осенью я выходил в лес на охоту. Я брал палку вместо ружья и бродил по лесу, воображая, что выслеживаю дикого зверя.

Увижу, бывало, старый, обросший мохом пенёк и представляю себе, будто это медведь. Даже самому жутко станет! Выстрелю из палочного ружья, выхватю из-за пояса деревянный кинжал — и в рукопашную со страшным зверем...

Поздней осенью по утрам к нам на опушку леса прилетали тетерева. Они рассаживались по берёзам и, сидя на тоненьких ветках, качались от ветра, срывали берёзовые сережки, кормились семенами.

Я всегда старался встать как можно раньше, выбегал на бугор и подолгу любовался этими большими чёрными птицами. Но ни разу мне не удавалось подкрасться к ним поближе.

Только начну подбираться, а тетерева уже заметили, вытянули шеи, насторожились. Сделаю ещё шаг-два, а они хлоп-хлоп крыльями — и разлетелись.

Но вот как-то раз зашёл к отцу дедушка Пахом. Я рассказал ему, как по утрам бегаю смотреть на тетеревов, да никак не могу к ним подкрасться.

Дедушка засмеялся и сказал:

— Ну, мы их с тобой перехитрим! Проси отца, чтобы он тебе позволил завтра со мною на охоту пойти. Только не проспи.

Отец на охоту меня отпустил. Конечно, я не мог заснуть ни на минуту — всё боялся проспать.

Дедушка зашёл за мной, когда было ещё совсем темно. Задолго до света мы уже пробирались по лесной дорожке. Старик нёс на плече ружьё и мешок. Я спросил:

— Дедушка, что у тебя в мешке?

А он только рукой махнул — придёт время, увидишь.

Мы вышли на поляну. Там стоял шалаш.

Старик положил ружьё на землю и развязал мешок. Я взглянул в него, да так и ахнул. В мешке лежали сделанные из тряпок два тетерева. Из пестрых тряпок курочка-тетёрка, а из чёрных — тетерев-петух. Хвост у петуха был сделан из настоящих тетеревиных перьев. Я никак не мог понять, зачем дедушке нужны эти игрушечные птицы. А он посмеивался и ничего не отвечал на мои вопросы. Срубил молодую берёзку, привязал к верхушке тряпичных тетеревов и закопал берёзку в землю посредине полянки. Издали можно было подумать, что на берёзе сидят два настоящих, живых тетерева.

Устроил это дедушка, влез в шалаш и позвал меня к себе.

— Слушай, — сказал он мне, — сейчас тетерева прилетят сюда кормиться, увидят наших, подумают, что это живые, и подсядут к ним, чтобы вместе берёзовые серёжки ощипывать. А мы их тут и подстрелим.

Дедушка замолчал. Я уселся поудобнее, раздвинул немного ветки шалаша и выглянул наружу.

В лесу было как-то пасмурно, неприветливо. Деревья уже все облетели, стояли почерневшие, голые, а на земле лежал белый колючий иней. Не слышно было птичьих голосов. Только одни синицы-пухляки, как ватные мячики, прыгали и перелетали с ветки на ветку.

Но вот над лесом показалось солнце. Иней начал таять, переливаться разноцветными огоньками, и весь лес сразу повеселел, будто налился розовым утренним светом.

Вдруг я услышал где-то совсем близко шум крыльев: большая птица летит! Поглядел в щёлку, вижу — на нашу берёзку рядом с тряпичными птицами сел настоящий, живой тетерев. Да такой большой, красивый! Я так близко ни разу тетерева и не видел. Каждое пёрышко можно разглядеть. Сам чёрный, с синеватым отливом; перья хвоста завиваются на две стороны, а над глазами красные брови. Сел на ветку, поднял голову и оглядывается.

Я как закричу:

— Стреляй, дедушка, стреляй!

Тетерев испугался и улетел.

А дедушка очень рассердился.

— Разве можно, — говорит, — на охоте кричать! Всех тетеревов теперь распугал. Зря я тебя только брал с собою.

Так в этот раз мы ничего и не убили.

ТАИСТВЕННЫЙ СОПЕРНИК.

Самая интересная охота весной — на глухаринном току.

Током у охотников называется такое место в лесу, где глухарь каждое утро по зорям распевает свои весенние песни, токует.

На ток нужно идти ночью, чтобы задолго до зари быть на месте.

Вот один раз пришёл я в лес, как и полагается, затемно. А ночь такая тихая, тёплая. Сел я на пенёк, жду зари.

Весною лес спит. В народе говорят: „Вешней ночью земля снег гонит, с травой гуторит“. Прислушаешься — шуршат в темноте травинки, топорщатся, вылезают из-под старого, прошлогоднего листа, оттого по лесу шорох идёт. И впрямь будто земля с травой перешёптываются.

Вот где-то совсем близко затрещали сучки — бежит какой-то зверёк, пыхтит, фыркает. Ежик! И его разбудила весна. Теперь он голодный, злой. Бегает по лесу, ищет жуков да лягушек. Подбежал, понюхал носок моего сапога — вкусно: сапоги салом смазаны. Попробовал зубом. Я шевельнул ногой, ёж фыркнул, боднул сапог и затопал дальше.

Я прилаживаюсь сесть поудобнее. Клонит ко сну. Последняя мысль — не проспять бы зорю. Потом в голове всё путается, уходит куда-то, плывёт...

Вдруг у самого уха: „Гав!.. — да как захохочет: „Ха-ха-ха-ха!..“

Спросонья хватаю ружьё. „Вот так напугал!“ А страшного ничего и нет. Это петушок белой куропатки крикнул. Весной он тоже токует.

Теперь маленький лесной петушок бегаёт в темноте по мягким моховым кочкам, ищет свою курочку-куропатку. Опять крикнул, уж где-то далеко.

Я встаю. Раз петушок проснулся, скоро заря. Вслушиваюсь, не затокует ли глухарь.

В предутренний час в лесу очень тихо, и в этой тишине каждый звук особенно чётко. Вот в кустах чирикнула птичка, да спохватилась — рано ещё, и замолчала. Загудел первый весенний жук, с разлёту стукнулся о дерево, упал — и опять всё стихло. От напряжения в ушах начинает звенеть, мешает слушать.

Вдруг где-то в ближайших соснах знакомое: „Чок-чок-чок!..“ Будто постукивает кто деревянной ложкой о ложку.

Потом как ножом по железу: „Щчики-щчики-щчики!..“ И смолк. А через минуту опять то же, да так тихо, еле слышно.

И не поверишь, что пощёлкивает и щебечет не маленькая птичка, а огромный лесной петух-глухарь. Это его весенняя песня. Лучше петь он не умеет.

Теперь к нему и нужно подбираться. Только подбираться-то совсем по-особенному.

Чуткая, осторожная птица глухарь, попробуй-ка без песни подойти к нему! Чуть хрустнет под ногой ветка, сейчас же услышит и улетит.

Зато как защёлкает, защебечет, сразу будто оглохнет. Поэтому глухарём его и прозвали.

К глухарю нужно подходить под песню. Запел — и я делаю шаг, другой. Темно, под ногами ничего не видно. Ступаю прямо на сучья. Треск какой, за версту слышно. Не беда — теперь хоть из пушек пали, он не услышит. А прервал глухарь свою песню, и я замираю на месте, стою, не шелохнусь.

Вот и сосна, откуда раздаётся глухаринная песня. Вглядываюсь в чащу — темно, не видать певца. Нужно подождать, пока начнёт светать.

Я прислоняюсь к стволу соседней сосны. Ружьё наготове. Жду.

Не чувствует глухарь, что рядом стоит охотник. Поёт себе и поёт.

Вдруг в стороне под песню затрещали сучки. Я вздрогнул. „Кто-то ещё к глухарю подкрадывается. Сейчас увижу“.

Шаги всё ближе, ближе... Что за история? Никого не видно. Темно, а всё хоть бы тень разглядел. Слышу: остановился у другой сосны. Замер. Так и стоим друг от друга шагах в двадцати.

Становится светлее. На сосне вырисовывается что-то огромное, чёрное. Да ведь это глухарь! Он сидит на суку и распевает.

Но мне теперь не до него. Я стараюсь разглядеть, кто же затаился там, за кустом, у соседней сосны.

Что же он не стреляет? Ведь от него глухарь прямо на зорю, значит, ещё лучше виден. Может, меня заметил? Ждёт, чтобы я первый выстрелил и остался с разряженным ружьём? Что он за человек? Мне становится не по себе. Я не стреляю, и он тоже. Так и стоим, затаились, ждём.

А заря всё разгорается. На розовом небе чётко видна на суку большая чёрная птица. Она вытягивает шею, топорщит крылья и щёлкает песню за песней.

Издали слышится коканье и шум крыльев. Это летит на призыв глухаря огромная лесная курица-глухарка. Опустилась у дальней сосны. Глухарь срывается со своего сука, слетает на землю к крылатой подруге. Сейчас он начнёт выделять перед нею свой боевой танец. Глухарь распускает веером хвост, опускает крылья и бежит к глухарке. Бежит мимо той стороны, где затаился охотник. Вот он поровнялся с кустом... Пробежал мимо...

Вдруг из-за сосны метнулось что-то серое... Прямо на глухаря. Хватает, и оба катятся по земле. Шум, возня, хлоппанье крыльев...

Я вскидываю ружьё, стреляю. Помятый глухарь тяжело летит прочь.

Подбегаю... Так вот кто мой таинственный соперник!

Дикий лесной кот — рысь — лежит, убитый моим выстрелом. Я рассматриваю зверя. Какой огромный — с собаку. А морда совсем как у кошки, только на ушах чёрные кисточки. Шерсть мягкая, серая с тёмными крапинками, хвост будто обрублен — совсем коротенький. А лапы, лапы какие! Ступни широкие, мягкие, как подушки. На таких лапах легко подкрадываться к добыче.

Я подвязываю себе за спину убитого кота.

Вот это дичь! Убить рысь не так-то просто. А сколько глухарей, тетеревов, зайцев теперь останутся целы! Рысь для них — самый страшный зверь.

Я направляюсь домой. Мою добычу нести нелегко. До дома плечи заболят. Не беда, своя ноша не тянет.

Выхожу на дорожку. Крупный лес кончается, начинается

мелколесье. Уже совсем светло. На востоке весёлым костром полыхают облака. Скоро выглянет солнце. В кустах на все голоса распевают птицы. За берёзовым перелеском токуют тетерева.

КОМУ НЕ СТРАШНА ЗИМНЯЯ СТУЖА.

В зимнем тумане встаёт холодное, тусклое солнце. Спит заснеженный лес. Кажется, всё живое замёрзло в этой стуже — ни шороха, ни звука, только изредка трещат от мороза деревья.

Я выхожу на лесную поляну. За поляной густой старый ельник. Все деревья обвешаны крупными шишками. Шишек так много, что под их тяжестью склонились концы ветвей.

Как тихо! Зимой не услышишь пения птиц. Теперь им не до песен. Многие улетели на юг, а те, что остались, забились в укромные уголки, попрытались от лютого холода.

И вдруг словно весенний ветерок прошумел над застывшим лесом — целая стайка птиц, весело перекликаясь, пронеслась над поляной. Да ведь это клёсты — природные северяне. Им не страшны морозы. Клёсты облепили вершины елей. Птички ухватились за шишки цепкими коготками и повисли на них вниз головой. Качаясь на шишках, как на качелях, они вытаскивали своими кривыми носами из-под чешуек вкусные семена. Когда хорош урожай шишек, у этих птиц корму хватит и зимой. Я стоял на поляне и любовался, как хлопотали клёсты.

Утреннее солнце освещало зелёные вершины елей, гроздья румяных шишек и весёлых пирующих птиц. И мне почудилось, что уже пришла весна. Вот сейчас запахнет талой землёй, оживёт лес и, встречая солнце, защебечут птицы.

Я невольно прислушался. Что это, или мне только показалось? Из лесу и впрямь послышалась весёлая птичья песня. Я не поверил себе, стоял, не двигаясь, и всё слушал. А где-то недалеко, в зелёных вершинах елей, совсем по-весеннему распевал клёст.

И тут мне вспомнилась одна замечательная особенность

из жизни этих птиц, особенность, которой я никогда не мог поверить. А вот теперь представился случай самому убедиться.

Крадучись, я подобрался к ели, с которой доносилась песня, и полез вверх по стволу. Острые иглы царапали лицо, руки; клёт, испугавшись меня, перестал петь и перелетел на соседнюю ёлку, а я карабкался всё выше и выше. Вот уже близка и вершина. „А на дереве ничего и нет,— с сожалением подумал я.— Всё это только выдумки“.

Я начал спускаться и вдруг прямо перед собой увидел то самое, чего уже не надеялся найти: среди обледенелых, покрытых снегом веток едва виднелось небольшое гнездо, а в нём, будто весной, озабоченно распушившись, сидела зеленоватая птичка — самочка клёста. Случайно я качнул ветку. Испуганная птица вспорхнула. Я наклонился и чуть не вскрикнул от изумления: в гнезде копошились только что вылупившиеся, совсем голые птенцы. Клёсты — единственные птицы, которые в зимние холода могут выводить птенцов.

Над самым гнездом свешивались заснеженные ветви. В лесу от мороза трещали деревья, а здесь, меж сучьев старой ели, уже наступила весна: заботливая мать выводила птенцов, а счастливый отец, сидя на ветке, распевал ей свои весёлые песни.

Я поскорее слез с дерева, чтобы не потревожить счастливую семью. Легко прыгнул в снег, огляделся кругом, и зимний лес уже не казался мне, как прежде, угрюмым и безжизненным. В ушах всё ещё звенела весёлая песенка. Значит, можно петь даже в такую суровую пору.

Стоя под деревом, я тёр заочневшие в шерстяных варежках руки, посмеивался над собой и с восторгом думал о голых малышах в гнезде, которым не страшна зимняя стужа.

ШУБКИ-НЕВИДИМКИ.

Прежде Хромоножка была такой же проворной, как и другие куропатки, её братья и сёстры. Но как-то в конце лета с ней случилось несчастье: охотник прострелил ей лапку.

С тех пор она бегала, приседая, прихрамывая и стала плохо есть. Она заметно похудела. А её братья и сёстры за осень отъелись, выросли и превратились из птенцов во взрослых куропаток. Они были здоровы и отлично себя чувствовали. Пёстрые летние пёрышки у них к зиме сменились белыми, более густыми и тёплыми, как будто они сбросили с себя пёстрые летние платица и оделись в белые зимние шубки. Одна только Хромоножка не сменила свою летнюю „одежду“. Она была нездорова, слаба, и у неё плохо росли новые пёрышки.

Пришла зима. Кормиться стало труднее, приходилось лапками разгребать снег — отыскивать еду. И вот однажды, когда куропатки кормились в поле, вдруг одна из них заметила опасность, тревожно закокала и припала к земле. А за ней и остальные прилегли и замерли. Никто не учил их так прятаться, они это делали с самого дня рождения, так же как со дня рождения, не учась, умели бегать и клевать зёрнышки.

На белом снегу притаившиеся белые птицы были совсем незаметны. Все, кроме Хромоножки. Она одна выделялась пёстрым комочком. Но Хромоножка этого не понимала, ведь она поступала так же, не раздумывая, как и другие. Только её пёстренькая одежда теперь уже не могла скрыть её, как летом среди травы.

Над полем, часто махая крыльями, летел ястреб-тетеревятник. Его-то и заметила та куропатка, которая первая закокала и припала к земле.

Крылатый разбойник сразу увидел на снегу пёстренькую Хромоножку. Сложив крылья, упал он вниз и вновь поднялся, унося в когтях свою добычу.

Наступил вечер. В косых лучах солнца искрилось снежное поле. Только на бугорке темнела и шевелилась от ветра кучка пёстреньких перьев — это всё, что осталось от Хромоножки.

А её братья и сёстры попрежнему разгуливали по белому полю, укрытые от глаз врага в свои шубки-невидимки.

МАЛЕНЬКИЙ ЛЕСОВОД.

Шёл я раз поздней осенью по лесу. Кругом как-то особенно тихо, по-осеннему: только поскрипывает где-то старое дерево да шуршит, цепляясь за ветку, последний дубовый лист.

Я шёл, не торопясь, поглядывая кругом.

Вдруг вижу: на земле набросана целая куча сосновых шишек. Все вылущенные, растрёпанные.

Посмотрел вверх на дерево. Да ведь это не сосна, а осина! На осине сосновые шишки не растут. Значит, кто-то натаскал их сюда. Уж не белка ли забралась?

Оглядел я со всех сторон дерево. Смотрю, немного выше моего роста в стволе расщелина, а в расщелинку вставлена сосновая шишка, да такая же трёпаная, как и те, что на земле валяются.

Отошёл я в сторону и сел на пенёк. Просидел минут пять, гляжу, к дереву птица летит, небольшая, поменьше галки. Сама вся пёстрая, белая с чёрным, а на голове чёрная с красным кантиком шапочка. Сразу узнал я большого пёстрого дятла.

Летит дятел и несёт в клюве сосновую шишку.

Прилетел и уселся на осину; да не на ветку, как все птицы, а прямо на ствол, как муха на стену. Зацепился за кору острыми когтями, а снизу ещё хвостом подпирается. Перья у него в хвосте жесткие — крепкие подпорки.

Сунул свежую шишку в ту расщелину, а старую вытащил оттуда клювом и выбросил. Потом уселся поудобнее, оперся на растопыренный хвост и начал изо всех сил долбить шишку, выклёвывать семена.

Расправился с этой, полетел за другой.

Вот почему под осиной столько сосновых шишек очутилось.

Видно, понравилась дятлу эта осина с расщелиной в стволе, и выбрал он её для своей „кузницы“ — так мы, натуралисты, называем место, где дятел шишки расклёвывает.

Засмотрелся я на дятла, как он своим клювом с размаху шишки долбит. Засмотрелся и задумался:

„Ловко это у него получается: и сам сыт и лесу польза. Не все семена-то ему в рот попадут, много и разроняет. Упадут семена на землю, какие погибнут, а какие и прорастут.

Может, из той шишки, что сейчас дятел долбил, тоже семечко упало. На другой год вырастет из него деревцо, сперва совсем маленькое, а потом окрепнет, возьмёт силу и потянется вверх, к высокому, вот как сейчас надо мною, голубому небу...“

Стал я вокруг себя оглядываться: сколько их тут из земли топорщится! Кто их насажал: дятел, клёсты или белки, а может, и ветер семена занёс.

Едва выглядывают из сухой завядшей травы крохотные деревца, чуть потолще травинки. А пройдёт тридцать-сорок лет, и поднимется вот на этом самом месте молодой сосновый бор.

ЛОСЁНОК.

В весёлый летний день в самой чаще леса у лосихи родился лосёнок.

Лосиха была огромная, больше домашней коровы. Шерсть на ней была серая, жёсткая, а лосёнок родился маленький, рыженький, совсем как домашний телёнок. Ножки тоненькие, тоненькие, кажется, на таких и стоять нельзя — сейчас переломаются. А уши огромные, как у зайца.

Мать и сын лежали у ручья, в густых ольховых зарослях.

Лосёнок угрелся на солнышке и заснул, уткнув морду в живот матери. А лосиха лежала рядом, подняв голову, и чутко прислушивалась, не грозит ли откуда-нибудь опасность. Но всё было спокойно. Где-то в кустах журчала вода. Лесная малиновка села на ветку над самой головой лосихи и запела. Это был хороший признак: если птичка так спокойно поёт, значит, близко нет ничего страшного. Лосиха опустила голову и тоже задремала.

Вдруг кто-то толкнул её в бок. Она вздрогнула. Что такое? Ничего страшного — это лосёнок отдохнул и пытался встать на свои тоненькие ножки. Он пыжился, примеривался, потом подпрыгнул и встал. Лосиха забеспокоилась и тоже поднялась.

К вечеру лосёнок уже хорошо выучился ходить. Он бегал за матерью, спотыкался, приплясывал и тыкался мордой в задние ноги лосихи.

Прошли первые дни. Лосиха с лосёнком продолжали жить в зарослях у ручья, в самой чаще огромного леса. Днём они дремали, лёжа в прохладной тени, а по зорям выходили гулять и кормиться на лесные поляны.

На четвёртый день, как всегда, вечером, лосиха с лосёнком вышли на прогулку. Уже совсем стемнело. Из-за верхушек деревьев вылезла огромная круглая луна, и сразу вся поляна стала синяя-синяя и по синей траве, как чёрные змеи, поползли от деревьев длинные тени.

Лосиха уже наелась. Она стояла возле большой сосны, а лосёнок тыкал носом ей в живот, чмокал, с аппетитом сосал молоко.

Было совсем тихо. Лес спал. Только не спали лягушки, распевая в болоте у ручья.

Набежал ветерок, пахнул ночной свежестью, принёс знакомые лесные запахи трав, цветов...

Лосиха повернула голову на ветер, потянула носом прохладный душистый воздух.

Вдруг она насторожилась, высоко подняла голову, стала носом жадно втягивать воздух. Лосёнок, ничего не подозревая, продолжал сосать молоко. Прошла секунда, другая, лосиха всё нюхала. Среди множества знакомых лесных запахов она почуяла ещё один особенный, страшный запах. Теперь ей нужно было разобрать, усиливался он или нет.

Опять пахнул ветерок, и тут лосиха сразу поняла — запах усиливался. Значит, опасность приближается.

Она насторожила на ветер уши, ловя каждый малейший звук. Вот внизу, в лощине, хрустнула ветка... Враг крадётся

по её следам. Лосиха одним прыжком выскочила на бугор. Лосёнок оторвался от соска, даже чмокнул. Он хотел бежать за ней, но мать сердито фыркнула и топнула ногой. Лосёнок остался на месте.

Оттуда, с бугра, лосиха ещё раз потянула носом. Сомнений не было: враг подкрадывался к ней из тёмной лощины.

Вот впереди, в кустах, блеснули два зелёных огонька, два волчьих глаза. А вон ещё и ещё... Вдруг огоньки в кустах перестали двигаться, застыли на месте. Волки увидели лосиху и остановились. Потом огоньки медленно поползли в разные стороны, в обход. Звери окружали её. Настал страшный миг. Собрав все силы, лосиха сделала огромный скачок вперёд и понеслась, ломая на пути сухие ветки и сучья. Следом за ней неслись волки. С каждым шагом они удалялись всё дальше и дальше от той поляны, где остался в кустах маленький рыжий лосёнок.

Всю ночь лосёнок бродил возле кустов, ожидая мать.

Настало утро. Запели птицы. Выглянуло солнце и осветило поляну, деревья, кусты.

На поляну вышла пёстрая курочка-тетёрка с целым выводком тетеревят. Тетеревята были рябенькие, пушистые. Они весело разбежались по поляне, а тетёрка нашла муравьиную кучу, разрыла её лапами и, как наседка, завохтала, сзывая детей. Ко-ко-ко! Сбежались тетеревята и стали клевать вкусные муравьиные яйца. А тетёрка стояла в стороне, поглядывала, не летит ли ястреб, не крадётся ли лисица.

Лосёнку было очень скучно одному. Он подошёл к тетёрке, но она испугалась, распушилась, завохтала и увела детей подальше, на другой конец поляны.

Уже высоко поднялось солнце. Тетеревята наелись и ушли с матерью в кусты, а лосёнок всё бродил один по поляне. Он устал и был очень голоден. Когда в лесу за поляной раздавался треск сучьев, лосёнок поднимал голову и ждал, не покажется ли мать.

Вот в лощине опять затрещали сучки, всё ближе, ближе. Наверно, мать. Лосёнок радостно побежал навстречу.

Раздвинулись кусты. Кто же это? Лосёнок остановился. Из кустов показались два зверя. Таких он ещё никогда не видал.

Что делать? Бежать или нет? Мать не успела научить, как поступать в таком случае. Лосёнок насторожил уши и стоял в нерешительности.

Звери были очень странные. Они шли на задних ногах, а передними размахивали. Увидев лосёнка, они громко закричали и побежали прямо к нему. Они показались лосёнку совсем не страшными, а главное, он очень соскучился. Лосёнок подождал, поглядел и сам пошёл навстречу.

— Смотри, смотри, Ваня, телёночек заблудился, без матки, один. Чей бы это, а? — кричала девочка, первая подбегая к лосёнку.

Подбежал и мальчик.

— Верно, из деревни, — сказал он. — Корова-то, небось, к стаду ушла, а телёнок и отстал.

Девочка погладила лосёнка по голове, почесала за ухом. Лосёнку это очень понравилось. Он вытянул шею, начал обнюхивать на девочке платье. Оно было подпоясано шнурком, а на боку болталась кисточка. Лосёнок забрал кисточку в рот и стал пробовать, не потечёт ли оттуда, как из соска матери, молоко.

— Даша, глянь — пояс сосёт! Наверно, голодный. Покормить бы.

— Да у нас молоко в котомке!

— А как мы поить-то его будем? Ведь он, пожалуй, мать сосёт.

— Ну и что же? Сделаем из тряпки соску. Как бабушка телят поит.

Даша свернула тряпочку и заткнула ею бутылку, потом опрокинула бутылку и подождала, пока затычка пропиталась молоком.

— Вот, Ваня, и соска готова. Мишка, Мишка! — позвала она лосёнка. — Ну-ка, попробуй!

Она поднесла к его морде бутылку. Лосёнок попятился,

потом понюхал соску, и, учуяв молоко, сразу схватил её мягкими телячьими губами. Схватил и засосал.

— Да постой ты, не мотай головой,— смеялась девочка, когда лосёнок нетерпеливо дёргал бутылку из рук.— Прольёшь ведь, дурашка!

— Даша, отведём его к нам домой. Вечером в деревню сбегает, спросим, чей пропал.

— Конечно, не оставлять же в лесу! Совсем заблудится. Ну, Мишка, идём с нами.

И лосёнок побежал следом за Дашей, как бегал за своей матерью. Ведь у Даши была такая же вкусная еда и она так же хорошо чесала ему шею и спину, ничуть не хуже, чем это делала лосиха языком.

Дед-лесник мастерил что-то у избушки, когда из лесу прибежали ребята с лосёнком.

— Дедушка, глянь-ка, мы телёночка привели!— закричала Даша.— Он в лесу заблудился, от матки отстал.

Дед поглядел на „телёночка“, потом на ребят, покачал головой.

— Да где же вы его взяли-то?

— В лесу, дедушка,— заторопилась Даша.— Он по полю ходил, увидел нас и прямо к нам. И сюда за мной сам пришёл. Гляди, от меня и не отходит.

— Так, так, значит, мать-то сдохла али волки съели. Вот он, горемыка, к вам и пристал.

— Да почему ж, дедушка, сдохла?— удивились ребята.— Небось, со стадом в деревню ушла.

Дед махнул рукой:

— Эх, глупые, да разве это телёнок? Это ж зверь дикий, лосёнок.

Ребята переглянулись. Лосёнок? Вот так диво! Даша лосёнка даже за шею обняла— вдруг убежит.

— Дедушка, а почему же он к нам-то пошёл?

— Потому и пошёл, что без матки. А сам ещё мал. Оробел один— вот и идёт ко всякому. Да он, поди, и человека-то впервой видит.

— Дедушка, а куда же мы его денем?—спросила Даша.
— Куда девать-то? Пускай у нас и живёт. Привяжите-ка его, чтоб за вами не убежал, сами сбегайте в стадо, пригоните Рыжуху. Мы его тёпленьким молочком и угостим.

Дети привязали лосёнка и убежали. Скоро они вернулись обратно, привели корову.

— Дедушка, дедушка, а где же лосёнок?—в один голос кричали ребята.

— Цел, цел ваш лосёнок. Ведите-ка Рыжуху в хлев, потом и лосёнка найдём.

Дед отворил ворота и погнал корову. Ребята вошли следом. После яркого солнца в хлеву казалось темно. Дед снял с коровы верёвку.

— Ну, рыжая, иди!

Вдруг в дальнем углу что-то завозилось. Даша вгляделась. Лосёнок... Зачем он здесь?

Рыжуха тоже заметила незваного гостя. Она страшно замычала, нагнула голову и угрожающе двинулась на лосёнка.

Даша так и ахнула. „Пропал Мишка!“ Даже зажмурилась... „Да что же он не кричит?“ Открывает глаза. Вот так диво! Корова стоит опустив голову и нюхает лосёнка. А он и не боится Рыжухи, тоже обнюхал её, потёрся об неё мордой, потом вдруг сунул голову Рыжухе под живот, нашёл сосок, поддал носом и засосал.

— Вот тёпленьким и угостили,—засмеялся старик.

— Дедушка, да почему ж она его не забодала? Как же так?—закричали ребята.

— А вы не орите тут, пусть Рыжуха успокоится,—погрозил им пальцем дед.—Айда на двор.

На дворе дед сел на завалинку и хитро подмигнул:

— У меня не тронет. Я слово такое знаю.

— Какое там ещё слово! Так она тебя и послушает.

Дед набил трубочку, затянулся.

— Слово—не слово, а дело самое простое. Человек своё дитя как узнает? Глазом. Ну, а зверьё да скотина—носом. По нюху, значит. Вот когда вы ушли, затащил я ло-

сёнка в коровник да и вымазал навозом, чтобы он Рыжухиным духом пропах. У Рыжухи-то телёнка отняли, продали, она сразу и разъярилась, бросилась к лосёнку: чей, мол, такой заявился? А подбежала, понюхала — ан свой. Теперь он ей вместо сына и будет.

К вечеру дед с ребятами заглянул в хлев. Рыжуха с лосёнком лежала на соломе. Корова недовольно замычала и подвинулась, заслоня боком лосёнка.

— Не возьмём, не возьмём, не бойся! — засмеялся дед. — Признала, свой, значит. Ну и спи себе на здоровье.

МИТИНЫ ДРУЗЬЯ.

Однажды в декабрьскую стужу лосиха с лосёнком ночевали в густом осиннике. Начало светать. Порозовело небо, а лес, засыпанный снегом, стоял весь белый, затихший. Мелкий блестящий иней оседал на ветви, на спины лосей. Лоси дремали.

Вдруг где-то совсем близко послышался хруст снега. Лосиха насторожилась. Что-то серое мелькнуло среди заснеженных деревьев. Один миг — и лоси уже мчались прочь, ломая ледяную кору наста и увязая по колена в глубоком снегу. Следом за ними гнались волки. Они были легче лосей и скакали по насту, не проваливаясь. С каждой секундой звери всё ближе и ближе...

Лосиха изранила ноги об острые льдинки. Она уже не могла бежать. Лосёнок держался возле матери. Ещё немного — и серые разбойники нагонят, разорвут обоих.

Впереди поляна, плетень возле лесной сторожки, широко раскрытые ворота.

На миг лоси остановились: куда деваться? Но сзади, совсем рядом послышался хруст снега — волки настигали.

Тогда лосиха, собрав остаток сил, бросилась прямо в ворота, лосёнок — за ней.

Сын лесника Митя разгребал во дворе снег. Он еле успел отскочить в сторону. Лоси чуть не сбили его с ног.

„Лоси!.. Что с ними, откуда они?..“

Митя бросился к воротам и невольно отшатнулся — у самых ворот волки.

Дрожь пробежала по спине мальчика, но он тут же замахнулся лопатой и закричал:

— Вот я вас!

Звери шарахнулись прочь.

— Ату, ату!..— кричал им вдогонку Митя, выскакивая за ворота.

Отогнав волков, мальчик вернулся во двор.

Видит, лосиха с лосёнком забилась в дальний угол, к сараю.

— Ишь, как испугались, дрожат всё,— ласково сказал Митя.— Ничего, не бойтесь. Теперь не тронут.

И Митя, осторожно отойдя от ворот, побежал домой рассказать, какие к ним во двор гости примчались.

А лоси постояли во дворе, оправившись от испуга и ушли обратно в лес. С тех пор они всю зиму так и держались в лесу возле сторожки.

Утром, по дороге в школу, Митя часто издали видел лосей на лесной поляне.

Заметив мальчика, они не бросались бежать, а только внимательно следили за ним, насторожив свои огромные уши.

Митя весело кивал им головой, как старым друзьям, и бежал дальше.

МЕДВЕЖОНОК.

Однажды на охоте выгнали мы из берлоги медведицу и убили её. Подошли к ней, вдруг слышим — в берлоге кто-то пищит. Мой товарищ и говорит:

— Должно быть, дети...

Залез он в берлогу и вытаскивает оттуда двух маленьких медвежат. Ну, совсем как игрушечные, такие же мягкие, толстые.

Как увидели медвежата солнце, лес, обрадовались, начали возиться, кувыркаться в снегу. Ведь родились-то они под

снегом, в берлоге, только теперь в первый раз попали на вольный свет. Людей медвежата видели тоже впервые и несколько не опасались. Медведица ещё не научила их бояться человека. Медвежата хватили нас лапами за валенки, за полушубки, будто не дикие звери, а самые обыкновенные дворовые кутята.

Я взял обоих медвежат на руки, спрятал их за пазуху. Другие охотники связали убитой медведице лапы, продели между лапами толстый кол, взвалили его на плечи, и мы пошли из лесу.

В деревне одного медвежонка взяли мои товарищи — охотники, а другого я принёс в избушку к старику, у которого остановился на ночлег. Дедушка медвежонку очень обрадовался:

— Вот нам со старухой утеха-то будет!

Мы налили медвежонку в сковородку молока, поставили посреди избы. Медвежонок долго ходил кругом, фыркал, тыкал в молоко мордой и, наконец, всё разлил. До этого он ведь только сосал свою мать и, конечно, не умел пить из сковороды. Тогда мы снова налили в сковороду молока. Я сел на пол и опустил в молоко палец. Медвежонок посмотрел на палец, потом лизнул его — вкусно, палец весь в молоке. Медвежонок осторожно забрал его в рот, начал сосать и заодно тянуть молоко.

Потихоньку я отнял у медвежонка палец, а он, прилавившись, всё продолжал пить молоко, смешно фыркая и пуская пузыри.

Когда медвежонок напился, он растянулся на полу у горящей печурки и заснул. Мы поужинали и тоже легли спать. Дед с бабкой на печи, а я на лавке.

Ночью просыпаюсь вдруг от страшного крика. Не могу понять, кто это так плачет. Зажёг свечу и вижу: не спит медвежонок, ходит по полу и на всю избу жалобно, как ребёнок, кричит. Проснулся он, значит, озяб, печка погасла, в избе холодно, темно. Испугался медвежонок и начал кричать. Что с ним делать?

Встал я. Наложил в печурку дров, разжѐг огонь, налил в сковороду молока. Наелся медвежонок и улѐгся к огоньку.

Я тоже лёг. Только заснул—слышу, опять медвежонок кричит. Опять встал, зажѐг свечу, сел на лавку и говорю: — Чего ты, Мишутка, плачешь? Что тебе нужно?

А медвежонок будто понимает, что с ним говорят,— подбежал ко мне, лапами меня за ногу хватает, карабкается. — Ну,—говорю ему,—давай вместе спать, если один боишься.

Взял его, положил на лавку рядом, укрыл полушубком. Вдруг чувствую: обнял медвежонок мою руку своими лапами и тянет к себе. Подтянул, забрал в рот мой палец и засосал, как соску.

„Ах ты,—думаю,—малышка глупый! Ну, соси, соси на здоровье, только спи, не плачь.“

Да так мы с ним крепко заснули, что утром дед нас еле добудился.

ПРОПАВШИЙ МЕДВЕДЬ.

Дней десять гонялись охотники за медведем. Убить не могут и в берлогу улечься не дают. Только он ляжет, опять спугнут. Охотники-то молодые, неопытные, а медведь попался осторожный: как заслышит по снегу шорох лыж, сейчас же вскочит—и наутѐк.

Видят охотники—не простое дело убить такого зверя. Решили напрасно медведя не пугать, а выследить, куда он заляжет, и не трогать его до глубоких снегов—пускай себе облежится. Так и сделали.

Прошло две недели. Наступил самый снежный месяц—февраль. Недаром про него говорится: „Февраль придѐт, все пути заметѐт“. Чуть не каждый день снег да метель.

Наконец, как-то в ночь, непогода утихла. Утром выглянуло солнце и осветило лес, разряженный в розовые и голубые одежды. Все деревья укутались в тяжѐлые ватные шубы, нахлобучили белые шапки, низко опустили ветви, будто руки в огромных пуховых рукавицах.

В то утро охотники опять пришли в лес за медведем. Только на этот раз не одни — пригласили на подмогу старого медвежатника дядю Никиту.

Никита сам, как медведь, — огромный, сутулый, всё лицо заросло густой бородой, а из-под нависших бровей блестят живые, острые глазки. Идёт Никита на лыжах, переваливаясь с ноги на ногу. Зато уж как шагнёт... попробуй угонись! Пока до лесу дошли, совсем замучил молодых охотников. Рады, что наконец до места добрались.

Остановились на поляне, пустили собак в ту самую чащу, куда в последний раз скрылся медведь, закурили и разбрелись по лесу.

Прошёл час, другой. Облазили собаки всю чащу, каждый куст обнюхали — нет берлоги. Пропал медведь, будто сквозь землю провалился.

Сошлись охотники опять на поляне и не знают, что дальше делать. Дядя Никита спрашивает товарищей:

— Может, ушёл отсюда медведь. Вы след-то хорошо проверили?

— Да, каждое утро кругом чащи обходили. Не было выходного следа. Не выходил медведь.

Тут и сам Никита призадумался: „Куда же ему деваться? Не мог же он отсюда улететь...“

Вдруг где-то далеко в чаще Никитова собака залаяла. Охотники схватились за ружья, бросились на голос собаки, полезли через кусты, через валежник, насилиу пробрались. Глядят — эка досада: собака-то не медведя, а белку нашла. Стоит под сосной, смотрит вверх и лает. Вершина у сосны широкая, разлапая. Вся сучьями завалена, видно, раньше было гнездо какой-то большой птицы, а теперь снег всё забил, и не разглядишь ничего.

Обидно стало охотникам. Кто-то из молодых сказал:

— На такой охоте хоть бы белку убить. А может, ещё куница там затаилась. Только трудно выгнать оттуда. — Он поднял ружьё и выстрелил в вершину, чтобы выпугнуть зверя.

Вдруг с дерева как посыплются сучья, снег. Валится что-то

огромное — и прямо на людей. Едва отскочили. Глядят — медведь.

Шлёпнулся медведь на снег прямо посреди охотников. Вскочил — и бежать.

Молодёжь растерялась, смотрят на зверя и не стреляют. Так бы и опять ушёл, да только Никита не сплюснул: вскинул ружьё, выстрелил. Зверь споткнулся и упал.

Развёл дядя Никита руками:

— Ну и чудеса! Сорок лет на медведей охочусь, а такое в первый раз увидеть довелось: чтобы медведь не на земле, не под снегом, а на дереве берлогу себе устроил.

ЗВЕРИНАЯ ХИТРОСТЬ.

Это было в конце зимы, когда снег очень глубок и трудно ходить на лыжах.

Мы с дедом Пахомычем исколесили за день добрых двадцать километров по полям и перелескам, а добыча всё не попадалась. Я совершенно измучился. Кроме ружья и сумки, каждый из нас тащил большой заплечный мешок, в котором находились орудия нашей охоты.

Я уже потерял всякую надежду на успех, ужасно проголодался и только покорно плёлся за дедом, удивляясь его невероятной выносливости. Мы взобрались на какой-то высокий бугор.

Вдруг Пахомыч махнул мне рукой. Я быстро подошёл к нему и поглядел в ту сторону, куда он указывал.

Вдалеке на заснеженном поле темнело и двигалось что-то живое.

— Вот она, голубушка-то, мышкует, — весело сказал старик.

Я достал из сумки бинокль, взглянул и вмиг забыл и голод и усталость: прямо передо мной на чистом снегу резвился рыжий пушистый зверь. Это была лиса. Она, как кошка, приседала, нацеливалась и делала прыжок, зарываясь мордой в снег и быстро разгребая его передними лапами. Потом опять вска-

кивала, оглядывалась и вновь прыгала. Стёкла бинокля делали чудеса. Казалось, что этот осторожный дикий зверь беззаботно резвится прямо передо мной. Лиса охотилась за полевыми мышами, выражаясь по-охотничьему, „мышковала“.

— Ну, будет глядеть, а то поздно уж,— сказал Пахомыч.— Вишь, солнце-то совсем низко, а нужно ещё в лес загнать и затянуть...

Мы спустились с бугра и стали с двух сторон медленно подвигаться к зверю.

Наша цель была—не напугать лису, а только помешать ей охотиться за мышами. В таких случаях лиса обычно далеко не удирает, а уходит в ближайший лесок, прячется там и ждёт, когда пройдут непрошенные гости, чтобы снова продолжать прерванную охоту.

Так всё и вышло. Когда лиса нас заметила, она вскочила, отбежала шагов на сто и села. Потом опять вскочила, не торопясь побежала к ближайшему перелеску и скрылась в нём.

Через каких-нибудь пять-десять минут мы уже были у опушки.

— Ну, теперь живее,—скомандовал Пахомыч, сбрасывая с плеча свой мешок.

Я сделал то же самое. Мы вытащили из мешков связки красных лоскутных флажков, нашитых на длинную бечёвку, привязали каждый свой конец бечевы к кусту и пустились в разные стороны по опушке, разматывая бечёвку и цепляя её за ветки кустов и деревьев.

Красные куски материи повисли между заснеженными ветками, трепеща от лёгкого ветра и резко выделяясь на белом фоне.

Мы опоясывали с двух сторон перелесок гирляндой красных флажков.

Я очень торопился размотать свой клубок. Ведь успех охоты зависит от того, сумеем ли мы окружить флажками притаившегося в лесу зверя или, потревоженный чем-нибудь, он выскочит и уйдёт из леса прежде, чем мы замкнём круг.

„У меня в клубке около двух километров бечёвки, да у Пахомыча километра два. Хватит ли, чтобы окружить весь лесок?“

С каждым шагом мой клубок становился всё меньше и меньше... „Ох, нехватит!“

И вот, когда я уже разматывал последний десяток метров, впереди послышался лёгкий хруст снега и навстречу из-за кустов показался Пахомыч.

— Хватило! — оба разом, как сговорившись, сказали мы и соединили концы наших верёвок.

Флажковый круг замкнулся.

— А выходного следа не было? — спросил Пахомыч, останавливаясь и отирая со лба пот.

— Нет, не видел.

— Значит, не ушла, успели затянуть.

— Пахомыч, а не опоздали мы? Стрелять-то уже темно-вато становится, — с невольной тревогой спросил я, указывая на лес.

Солнце село, наступали сумерки. Отдалённые кусты терялись в синеватой вечерней мгле.

— Да мы сегодня её и трогать не будем, — ответил мой приятель. — Завтра займёмся. А сейчас идём в деревню чай пить и спать. Утро вечера мудренее.

— Послушай, Пахомыч, неужто она и ночью не уйдёт из круга?

Старик засмеялся:

— Не беспокойся, уж раз затянули — конец. Ни лиса, ни волк через флажковую цепь не пройдут.

— Да ведь ночью-то флажков не видно.

— Значит, зверь и ночью их видит. Вернее, не видит, а носом чует. Запах-то от них не лесной, а человеческий. Подойдёт, потянет носом: что-то неладно — и назад, да так и останется сидеть в кругу, как в загородке. — Старик весело подмигнул: — Наша голубушка будет, только стреляй повернее. А уж если промажешь, тогда на себя пеняй, с перепугу она и через флажки перемахнёт.

Мы отправились в ближайшую деревню ночевать. По дороге я шёл и думал: „Вот ведь все считают лису умным и хитрым зверем, а какой же это ум, если её так легко перехитрить! Обтянули кругом леса верёвку с тряпками, лиса и будет в круге сидеть всю ночь и дожждётся, пока утром придут и застрелят её“. И мне даже стало как-то неловко, что мы, люди, так легко и просто перехитрили этого по-своему, по-лесному, умного зверя.

На утро, едва рассвело, мы уже были на месте.

— Ну, Егор Алексеевич, теперь не подкачай, — тихо сказал мне Пахомыч. — Иди в лес, стань шагов на двадцать от флажков в кустах и поглядывай, а я зайду в лес с другой стороны. Буду к тебе подаваться да полегоньку посвистывать. Лиса, как услышит, вскочит и начнёт кружить лесом вдоль опушки, да прямо на тебя и наскочит. Тогда стреляй, не торопись.

Пахомыч скрылся за деревьями. Я стал возле большого дубового куста. Начались минуты напряжённого ожидания, знакомые только охотнику. Кругом по-зимнему было как-то особенно тихо. Лес стоял весь белый, одетый в пушистый иней.

Но вот впереди что-то хрустнуло. С кустов посыпался снег. Я даже вздрогнул, быстро взвел курки ружья. Сейчас из чащи покажется зверь — пушистый, рыжий и какой-то странно живой среди этого неподвижного лесного покоя. Секунда, другая... Нет, никто не шевелится в лесной чаще. Значит, просто ветер стряхнул с веток снег.

Я опять положил на руку ружьё и встал поудобнее. В тревожном ожидании время потянулось мучительно долго. Прошёл добрый час, а я всё стоял, прислушиваясь к каждому звуку.

И вдруг снова легкий хруст снега... Яснее, яснее... Нет, это уже не кажется. Вот опять с веток хлопьями посыпался снег.

От волнения захватывает дух. Я, приглатываясь, жду... Раздвигаются ветки, и из-за них вся в снегу показывается голова Пахомыча.

— Что ж, прозевал лису-то? — сердито говорит он, подходя ко мне.

— Как прозевал?! Да её здесь и не было.

Пахомыч остановился и в недоумении развёл руками:

— То есть как не было? Куда же она девалась? Я весь лес вдоль и поперёк исходил, и норы нигде нет, да в таком лесочке её и быть не должно.— Он покачал головой.— Может, где-нибудь в чаще затаилась. Пойду ещё похожу.

Пахомыч снова скрылся в лесу. Но не прошло и пяти минут, как он откуда-то издали позвал меня. Я поспешил к нему.

Старик стоял у самой опушки, разглядывая что-то на снегу и качая головой.

— Погляди-ка, Лексеич, что наша кума-то ночью понаделала,— сказал он, указывая на снег.

Я подошёл. Из чащи леса к опушке вёл лисий след, но, не доходя шагов пятнадцати до флажков, вдруг прерывался. В этом месте виднелась куча свеженарытого снега, как будто лиса закопалась в него да там и осталась.

Я сразу даже не мог понять в чём дело. Видя моё недоумение, Пахомыч показал на опушку по ту сторону флажков:

— Ты вон куда погляди.

Я взглянул: шагах в десяти за флажками виднелась другая, такая же, куча нарытого снега—и прямо из-под неё в поле уходил лисий след.

Тут я всё понял: бродя ночью по лесу, лиса побоялась пройти прямо через флажковую цепь, но она по-своему решила эту трудную задачу: выкопала в снегу нору и проползла под снегом „страшное место“, а потом выбралась в поле, да и ушла.

Так и вернулись мы с охоты ни с чем.

Перехитрила нас лиса. А главное, обидно, что и перехитрила-то не по-человечьему, а по-своему, по-звериному.

СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ.

В разведку пошли лейтенант Семёнов и солдат Николай Петров.

Семёнов только недавно прибыл в воинскую часть, и Николай первый раз повёл нового начальника ознакомиться

с окружающей местностью. Они обследовали лесистый берег озера и возвращались обратно.

Третьим был неизменный спутник Николая, огромный серый пёс Тролль. Тролль попал к Петрову ещё щенком, прошёл под его руководством в пограничной школе всю премудрость сторожевой службы и теперь вместе со своим учителем был отправлен на фронт.

Семёнов и Петров, держа оружие наготове, осторожно шли по лесной, давно не езденой дороге. Вечерело. В лесу по-осеннему остро пахло сырой листвой и грибами. Было тихо, только в обнажённых ветвях деревьев пересвистывались хлопотливые синицы.

— Вдруг впереди что-то хрустнуло, зашуршало.

— Зайца испугнули, — шопотом сказал Петров.

— Не взять ли Тролля на поводок? — так же тихо спросил Семёнов. — Бросится ещё, шуму наделает.

— Не тревожьтесь, — товарищ начальник, — ответил, улыбувшись, Петров. — Тролль глупостями не занимается.

Разведчики отправились дальше. Уже подходя к своей деревне, они вошли в густую осиную поросль.

Опять что-то зашуршало в лесу. Через дорогу перескочил заяц и скрылся в кустах.

Тролль ленивой рысцой подбежал к кустам, ткнул носом в землю, остановился и неожиданно со всех ног бросился вслед за исчезнувшим зверьком.

У Петрова от изумления перехватило дух. „Вот те раз!“ Он свистнул Тролля. Не тут-то было! В лесу только слышались удаляющийся шум и треск. И вдруг (это было уже совсем невероятно), раздались не то взвизгивания, не то заливиственный лай: Тролль, как гончая, гнал зайца в голос. Петров, поражённый, стоял не шевелясь. Тролль, его послушный Тролль, совершил такой проступок!

Лейтенант стоял поодаль, отвернувшись, и не говорил ни слова. Николай готов был провалиться сквозь землю. „Ишь, в раж вошёл, — думал он, — не своим голосом заливается!“ Наконец всё смолкло. Потом где-то совсем близко

зашуршала листва, и из-под кустов выскочил Троль. Пёс тяжело дышал, вся морда его была в заячьей шерсти. Он отплёвывался, стараясь языком выбросить шерсть из рта. Подойдя к хозяину, он устало лёг.

— Что же ты наделал? Зайца словил!—только и смог выговорить Николай.

Он даже не наказал собаку: к чему, теперь беды не поправишь.

Лейтенант, не взглянув на Николая, коротко сказал:

— Взять на ремень! Домой!

Уже в деревне, подходя к своей квартире, командир обернулся к Николаю:

— Пса завтра же убрать. Нечего дрянью держать!—и скрылся в дверях.

* * *

Николай не помнил, как он добрался к себе и повалился на койку. Собрались товарищи.

— Что с тобой? Что случилось?

Николай не отвечал.

— Да что вы к парню-то привязались, видите, человеку не по себе,—сочувственно проговорил кто-то.

Солдаты отошли, начали укладываться спать.

В эту ночь в избе не спали только двое: Николай и Троль. Собака будто понимала, что случилось что-то очень плохое. Она неподвижно стояла возле койки хозяина, положив на неё свою умную морду, и, не отрываясь, глядела на Николая. Тот не мог выдержать этого понимающего, почти человеческого взгляда. Он ворочался на постели, стараясь не смотреть на собаку, не думать, заснуть. Но заснуть ему так и не удалось.

Наконец, начало светать. Николай встал, взял винтовку и вышел на крыльцо. Троль, радостно махая хвостом, прыгнул вниз и, повернув свою морду к хозяину, как бы приглашал его следовать за ним.

„Глупый! Ещё радуется, в лес зовёт,—подумал Николай.—Ну что ж, дружище, видно в лесу тебе и помирать. Всё-таки не на задворках“. И Николай, взяв собаку на поводок, быстро зашагал в лес.

Тоскливо было у него на сердце. Кругом облетала последняя зелень. На голых сучьях прозрачными холодными каплями осел туман. В лесу было пусто, холодно и угрюмо.

Вот и осинник, где Тролль вчера погнался за зайцем. Пёс свернул с дороги и потянул в лес, оглядываясь и приглашая за собой хозяина.

„Опять туда же тянет,—с досадой подумал Николай.—Эх, дай хоть взгляну на этого зайца! Ведь из-за него Тролль всю учёбу забыл“.

В кустарнике было ещё темновато, и Николай, натываясь на сучья, еле поспевал за собакой. В самой чаще Тролль остановился—перед ним на земле лежал мёртвый серый зверёк. Николай пригляделся. Шкурка зверька местами была порвана.

Вдруг Николай заметил, что раны как-то странно белеют. Николай наклонился, тронул рану и даже вздрогнул: под разорванной шкурой он почувствовал не мясо, не кровь, а такую же шерсть. Что за диво? Этот зверь имел две шкурки!

Николай быстро вытащил его на свет и ахнул от изумления. Да это был вовсе и не заяц, а белая собачонка, искусно обряжённая в серую заячью шкурку!

Под животом наряд ловко зашнуровывался, и в прореху проглядывал аккуратно заклеенный конверт. Собака в заячьем наряде была вражеским связистом!

Тут только Николай понял: значит, вот кто, а совсем не Тролль заливался вчера во время погони.

Через минуту Николай и его верный пёс уже мчались во весь дух обратно в деревню с ценной добычей.

Приказ начальника „убрать пса“ был выполнен. Его выполнил сам Тролль.

СЛОН - ПОЖАРНИК.

Стихла шумная дневная жизнь. Наступил вечер. Крылатые и четвероногие обитатели зоосада готовились к ночлегу. Сонными голосами перекликались птицы. Кто-то невидимый в темноте добродушно ворчал, очевидно укладываясь поудобнее. Свистя крыльями, пронеслись утки с одного пруда на другой, сели.

Вода в прудах тускло поблёскивала, и на ней, как огромные комья пены, белели спящие лебеди. Стало совсем темно. Пришла ночь.

Теперь уже все животные угомонились. Задремали в клетках орлы и мелкие птицы. Заснули олени, козы и полосатые зебры. Всё успокоилось. Не спали одни кузнечики, монотонно трещали в траве, да ночной ветер шуршал тихо.

И вдруг тишина дрогнула. Из чёрных труб громкоговорителей на весь сад разнеслись слова:

— Граждане, воздушная тревога...

И сразу всё ожило. Испуганные шумом проснулись, закричали на прудах и в клетках птицы, забеспокоились звери. По дорожкам торопливо зашагали люди, всматриваясь в тёмное ночное небо.

Далеко грохнул первый оружейный выстрел, за ним другой, третий... Взвились в вышину синие горящие лучи прожекторов. Поползли по небу, перебирая, ощупывая облака. А из-за облаков уже слышался монотонный зловещий гул мотора. Это вражеский самолёт кружил над городом. Вот где-то в стороне загудело, завывало — и земля дрогнула от взрыва.

— Бомбу бросил, — сказал один из сторожей, стоявших возле львиной клетки.

Опять завывало. Люди у клетки затихли. У каждого одна мысль: „Куда упадёт?“

Взрыв... Это уже совсем близко.

— Теперь жди к нам, — взволнованно произнёс тот же голос.

И вдруг прямо над головами засвистела падающая бомба. Люди припали к земле... Что-то ударилось в крышу клетки, пробило насквозь, и на полу вспыхнуло желтоватое пламя.

Львица с рёвом шарахнулась к решётке. Львёнок бросился за матерью. На полу клетки горела зажигательная бомба.

— Давай шланг! Заливай!— крикнул дежурный.

Сторожа бросились к пожарному крану. Направили шланг на горящую бомбу.

— Открывай воду!

— Открыл.

— Не течёт.

И тут вдруг все поняли—бомбой где-то разрушен водопровод, воды нет.

А пламя в клетке всё разрастается. Вот уже занялись половицы. Жёлтые горящие языки лизут дерево. Ползут к зверям.

Мать и сын в ужасе прижались в угол клетки. Львёнок засунул голову под лапу львицы и весь дрожал. Прибежал заведующий. Люди толпились возле клетки.

— Что же делать?— взволнованно проговорил кто-то.— Вёдрами не достать.

Заведующий взглянул на зверей и тихо сказал:

— Пристрелить... Не войти так... Всё сгорит.

Никто не возразил. Чёрный ствол винтовки просунулся в решётку клетки, нацелился в грудь зверя.

Львица будто поняла. Она вся сдалась, затряслась. Не то рёв, не то стон вырвался из её пасти.

— Не стреляйте!— крикнул кто-то.— Выпустите. Она ручная, не тронет...

— Нельзя,— отозвался заведующий.— Кто поручится... Да бейте же!— вдруг крикнул он.

Но в этот миг что-то зашипело, и струя воды ударила в огонь. Ещё и ещё.

Все ахнули. Пошла вода. Откуда, кто держит шланг?

Но шланг лежал на земле пустой и ненужный. А кто-то из темноты поливал огонь.

— Да это Манька, — крикнул сторож.

Все обернулись к соседней клетке. Глядят — между железными прутьями просунулся конец хобота, и из него прямо в огонь полилась вода.

— Умница моя, лей, лей! — вне себя от радости закричал заведующий, бросаясь к огромной клетке, где помещалась слониха.

Но Манька и без его указаний делала своё дело. Она набирала в хобот из водоёма воду и продолжала сильной струёй поливать соседнюю горящую клетку.

Манька и раньше пускала воду в ход, когда хотела пугнуть надоедавших ей мальчишек. Теперь же она старалась прогнать от себя подальше страшного, пышущего жаром и дымом незнакомца.

Скоро огонь был погашен. Тогда слониха успокоилась и начала дремать.

А утром сам заведующий принёс ей на завтрак целое ведро вкусных булок.

Слониха осторожно брала их концом хобота, отправляла себе в рот и вовсе не думала о том, за что ей досталось такое угощение.

О ГЛУПЦАХ И ХИТРЕЦАХ.

(Послесловие.)

Ребята, в этой книжке вы прочитали рассказы о разных животных, о том, как они живут, как относятся к человеку, спасаются от врагов, охотятся, добывают пищу. Что же можно сказать о животных: умны они или глупы, простофили или хитрецы?

Да, пожалуй, не скажешь ни того, ни другого. Вот хоть, к примеру, заяц: очень умно он делает, когда на воле запутывает свои следы. Ну, а зачем же Ушан такие же штуки в комнате проделывал? Это уж, конечно, совсем неумно.

То же о куропатках. В любое время года им очень удобно прятаться от врагов в своей „защитной одежде“. Летом они пёстрые, а зимой белые. Припали к земле—и незаметны.

Ну, а Хромоножка, зачем же и она так поступала? Разве она не видела, что пёстрые пёрышки не скроют её на белом снегу?

Или, например, лисица? Про неё даже в сказках говорится, что она самый хитрый зверь. А вот не сообразила, что верёвочка с красными лоскутками—это не стена и не загородка, что можно пробежать под нею и выйти из лесу, а вовсе не нужно для этого делать подкоп в снегу.

Как же понять все эти поступки? Для этого прежде всего нужно помнить, что животные только в сказках думают и поступают, как люди, на самом же деле они действуют не по-человечьему, а по-своему, по-звериному.

Человек, прежде чем что-нибудь сделать, всё обдумает,

составит в голове план действий и тогда уже принимается за дело, а у животных совсем не так.

Очень часто животное даже не понимает, почему поступает именно так, а не иначе. Все зайцы, как только подрастают, начинают запутывать свои следы. Их этому ни мать-зайчиха, никто другой не учит. Они это умеют делать с рождения, так же как умеют бегать, щипать траву и обгрызать кору с деревьев. А вот попал Ушан из леса в комнаты и всё равно продолжает вести себя так же, как вёл бы себя и в поле и в лесу.

И куропаток и тетеревов тоже никто не учит затаиваться при приближении врага. Они это делают с самого дня рождения, так же как с рождения уже умеют бегать и клевать зёрнышки. И пёстрая Хромоножка поступала, как и все куропатки, и вовсе не думала о том, для чего она это делает.

Каждую весну в наши леса и сады прилетают весенние гости — птицы; начинают вить свои гнёзда и молодые птицы, которые никогда ещё не выводили детей, строят их точно так же, как и старые, — их никто этому не учит.

Животные „искусно“ строят свои жилища, „хитро“ прячутся от врагов, „ловко“ добывают пищу вовсе не потому, что они всё заранее хорошо обдумают и сообразят — так поступают только люди. Животные могут действовать целесообразно, вовсе и не понимая цели своих поступков, или, как говорят учёные, действуют инстинктивно.

В инстинктивных действиях животных нет ничего необыкновенного. Ведь не удивляемся же мы тому, что с рождения, не учась, уже умеем глотать пищу, дышать, моргать глазами, чихать, кашлять и отдёргивать руку, если колемся или обожжёмся.

Не более удивительно и то, что птицы, не учась, могут клевать зёрна, бегать, летать, вить гнёзда, или зайцы — запутывать следы.

Но не думайте, что животные всегда поступают только инстинктивно. В течение своей жизни они также многому

научаются, приобретают разные навыки. Тут уж у них проявляется помимо инстинкта и ум.

Вот, например, только что родившиеся дикие звери вовсе не боятся человека. Вы помните, что лосёнок сам пошёл за Дашей в её дом, а медвежата, впервые вытащенные нами из берлоги, тут же, при людях, затеяли весёлую игру.

Бояться человека учат детёнышей их родители или они сами научаются этому.

В тех местах, где животные ещё никогда не встречались с людьми, они обычно их сначала вовсе не боятся. Знаменитый натуралист и учёный Чарлз Дарвин пишет, что во время своих путешествий он попал на необитаемые острова, где ещё никогда не бывали люди. Дикие птицы подпускали путешественников так близко, что можно было достать их руками. Только после того, как путешественники начали ловить и стрелять птиц, те очень быстро научились бояться людей.

И лисица, о которой мы читали в этой книжке, тоже не так глупа. Ведь она хоть и по-своему, по-звериному, а всё-таки избавилась от опасности. А если эту же лисицу какие-нибудь другие охотники опять обтянут флажками, она, пожалуй, научится и ещё скорее выйти из беды.

А разве Манька-пожарник плохо применила свою привычку отгонять водой мальчишек, когда ей пришлось прогнать нового страшного гостя, который, шипя и обжигая, подползал к ней из соседней клетки?

Но лучше всего природные способности и ум проявляются у домашних животных. Собаку, например, легко можно научить различать такие звуки, которые человек своим ухом никогда и не расслышит. Собака может также научиться чутьём, по следу, отыскивать дичь или среди сотен человеческих следов находить след своего хозяина.

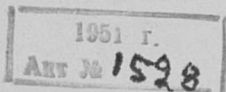
Лошадь часто заучивает и запоминает дорогу гораздо лучше, чем её седок, и нередки случаи, когда в пургу, в метель человек совершенно сбивается с дороги, не знает куда ехать, бросает вожжи, и умная лошадь сама находит дорогу к дому.

Значит, у некоторых животных их природные способности—слух, обоняние, зрение и даже память—могут быть и лучше, чем у человека, но зато ни одна, даже самая умная лошадь или собака не может выучиться, например, считать или читать. Для этого нужен ум человека.

Вот и выходит, что животные и способны и умны, да только не по-человечьему, а по-своему, по-звериному.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Кати Иваныч	5
Тотмах поших	14
Новы ошние	19
Ушан	23
Пушок	30
Хун мет ромынг войлэнгки хивемыт	34
Номсынг вурсик	37
Тухсанытсы	41
Чир Чирыч	45
Сиротка	56
Хотсат мин кутыра осьмарны вустымын	61
Ант уты вой ветты хо	67
Хой таты иськи эвыт ант патл	74
Ант катты ошние	78
Ай унт энмыттыты хо	81
Курынг вой поших	85
Митя тухсыт	97
Мойпыр поших	101
Тохатым мойпыр	105
Воет осьмар	110
Разведканы утым вер	119
Тут хурытты—Манька	125
Ошты па осьмарынг отыт отынгны. (Послесловие.)	130
Приложение: Русский текст	137

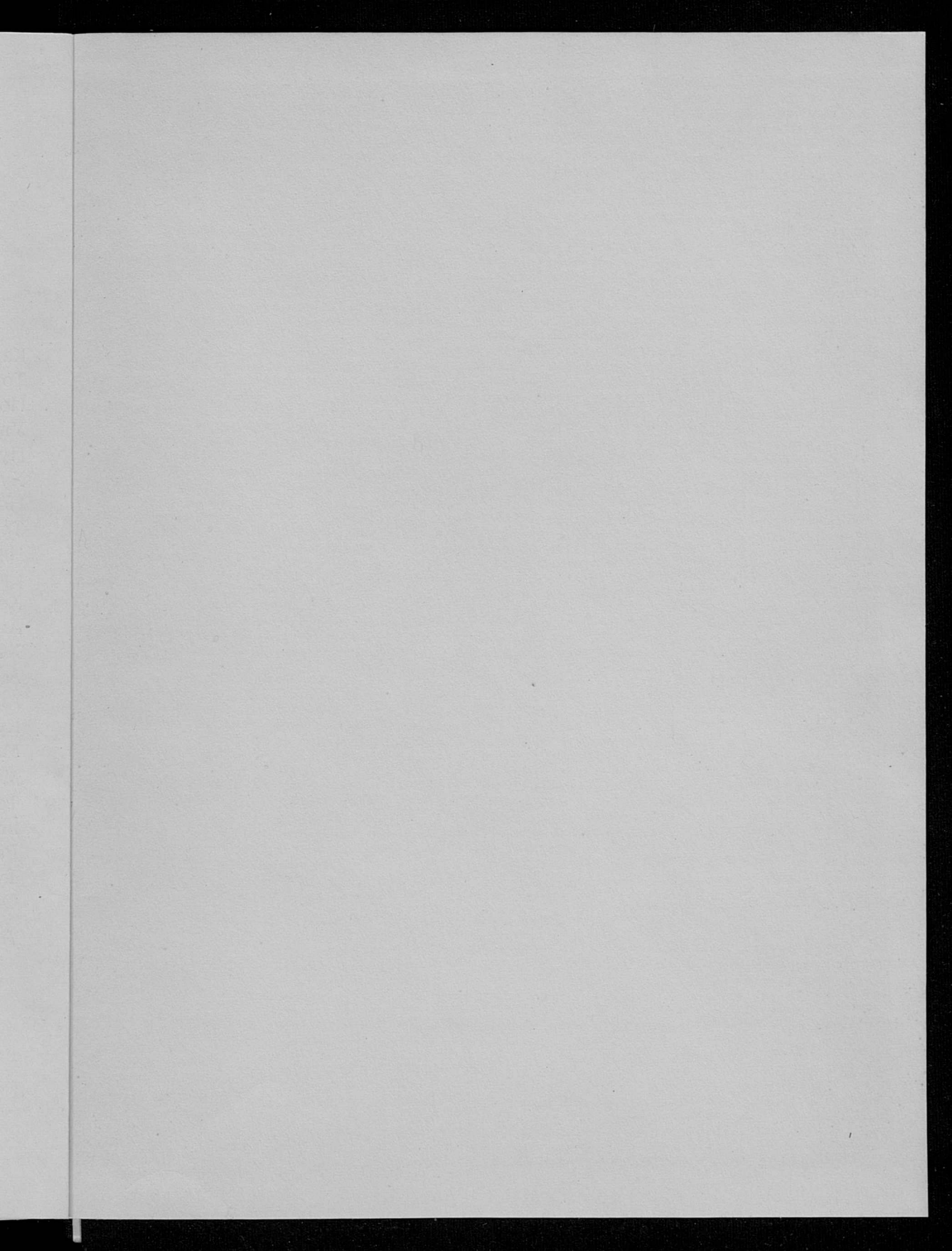
Ош. 97

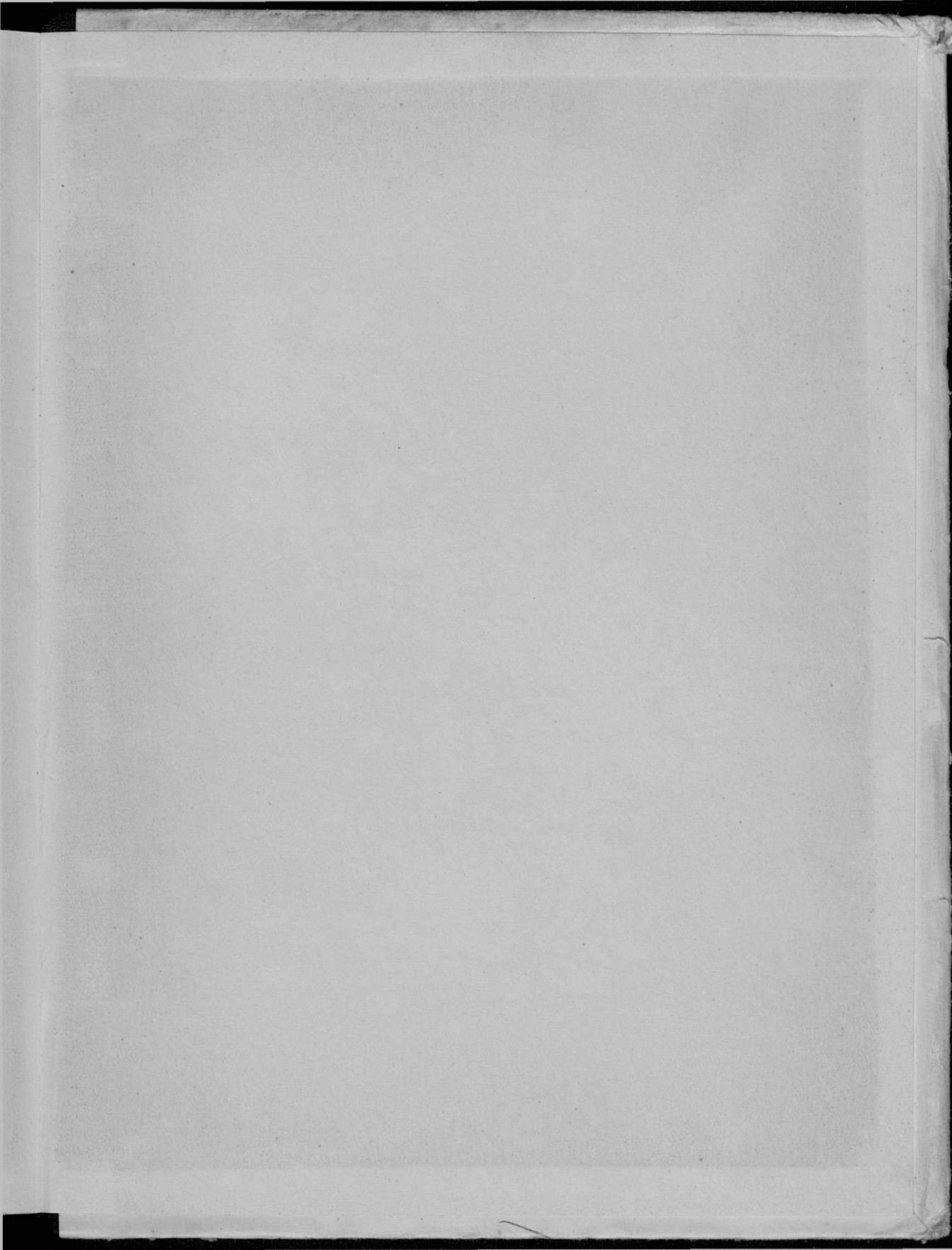
Редактор *Ю. Н. Русская*
Техн. редактор *А. М. Гурджиева*
Корректоры: *Р. К. Циммерман,*
М. Г. Дешалыт

Подписано к печати 24/X 1951 г.
М 40310. Формат бумаги 70 × 92¹/₁₆.
Бум. л. 6,25. Печ. л. 14,62. Уч.-изд. л.
7,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 1075.
Цена без переплёта 2 р. 80 к.
Переплёт 50 коп.

Типография № 3
Ленгорполиграфиздата

8221
50.2110

52-184

Цена 3 р. 30 к.

39927

Хант.
3641

Г. Скребицкий
Рассказы о животных
На хантыйском языке